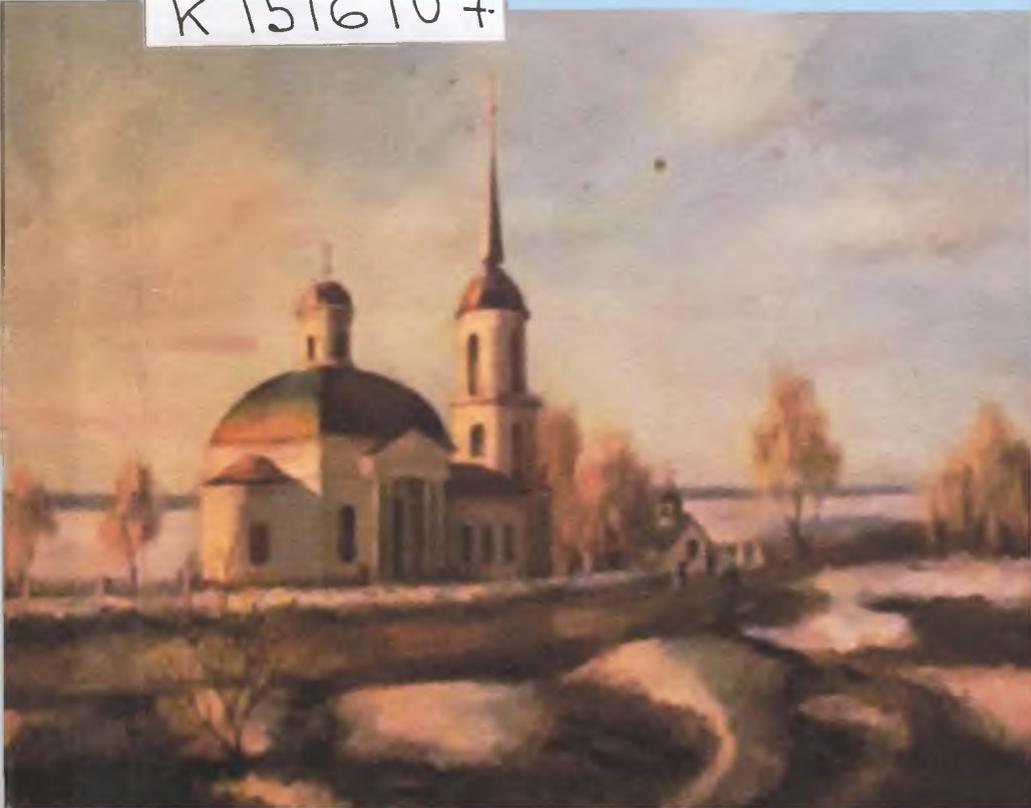

К 1516107

Северная
Окраина
№ 40

Череповец

Северная окраина

Литературно-художественное издание

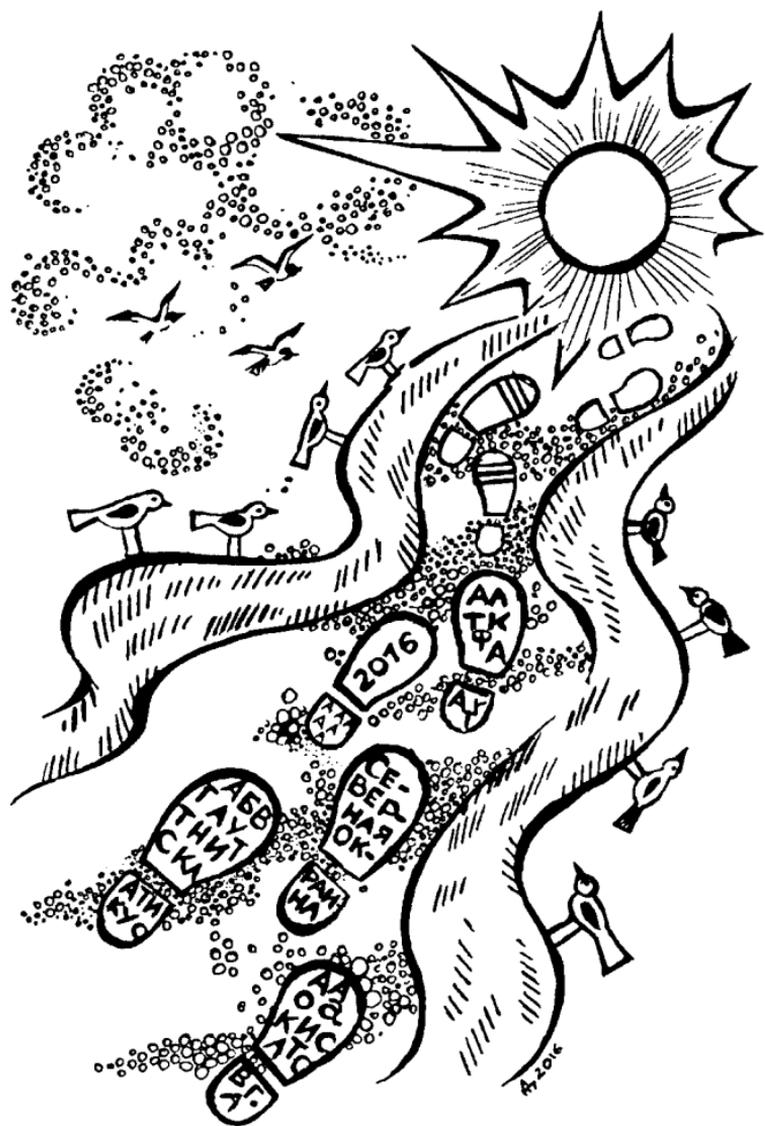
№40

12+

**Череповец
«Окраина»
2019**

ББК 84/2 (Рос-Рус) 6 кр.
84 Р6 кр.
С 28

ISBN 978-5-6040539-1-1

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРОПА

АРТЕМ БАБИЧЕВ

САНИТАРЫ

– Вконец оборзели! – сказала мама, приехав из больницы.

Её укусила бродячая собака. Юра, и до того не очень любивший собак, кошек и прочую бродячую живность, загорелся ненавистью к собакам. Написал на эту тему пару постов в интернете. Они имели некоторый успех. Их даже цитировали.

Как-то вечером у Юры завязалась переписка с одним парнем. Тот тоже ненавидел собак. Их злило то, что власть не ведёт отстрел бродячих собак. Парень обмолвился, что знает нескольких человек, которые по своей инициативе борются с собаками. Юра, попросив у парня их координаты, связался с охотниками на собак.

Они рассказали Юре, что считают себя санитарами улиц, а также перечислили то, что им нужно для успешной охоты. Список был недлинный. Юре он был по карману. Санитары пообещали приехать в юрин городок. Юра купил всё, о чём просили санитары.

Санитары ещё просили Юру общаться с ними только в чате и не пытаться встретиться с ними. Юра оставил всё, что купил для санитаров в условленном месте.

На следующее утро после условленной даты Юра не увидел на улице ни одной собаки. Лишь кое-где валялись их трупы. Юра написал в чат слова благодарности санитарам за их работу. О том, что дышится теперь легче и страха стало меньше.

И как-то к слову пришлось то, что уличные пьяницы немногим лучше собак. Пристают, просят на еду, а на самом деле на другое, орут и даже иногда нападают. Всегда грязные, вонючие, опустили так, что людьми их назвать уже трудно.

Один из санитаров написал, что эта проблема сложнее, чем собаки, но решаема. У них с Юрой завязалась переписка, в ходе которой Юра узнал, что список необходимого для охоты на дегенератов несколько отличается от «собачьего» списка. После недельной переписки Юра начал закупать всё по списку санитаров. Так же, как в прошлый раз, оставил всё в условленном месте.

И в тот раз санитары сдержали слово. Это стало очевидным, когда Юра проходил в тех местах, где тёрлись попрошайки. Там было тихо. Там ходили теперь только солидные люди.

Юра снова написал санитарам. Снова были слова благодарности в их адрес. Снова завязался диалог, в ходе которого всплыла тема воров, казнокрадов и прочих жирующих за чужой счёт личностей. И снова один

из санитаров написал о том, что эта проблема сложнее предыдущей, но...

Этот диалог шёл дня три, когда Юра упомянул то, что учился вместе с детьми тех, кого они называли ворюгами. Некоторые даже помогали школе и были довольно милыми людьми. На это один из санитаров написал, что так нельзя. Что, мол, они либо ворюги, либо люди. Его поддержали другие санитары. А Юра не поддержал и начался спор, который перетёк в ругань. Выйдя в тот раз из чата санитаров, Юре не хотелось больше туда заходить. Да и санитары посоветовали не заходить к ним с таким мнением. И Юра перестал общаться с санитарями.

Прошло три месяца, когда Юра заметил то, что в его городке за один день умерло несколько человек с определённым складом ума. Они не были ворюгами. Даже наоборот. Все они имели собственное мнение. А так как юрин городок был небольшим, то всех этих людей считали чудиками.

И вот все «чудики» в один день умерли. Юре это что-то напомнило. Он зашёл в чат санитаров и поделился своим ощущением. В ответ его спросили о жалости к этим людям, и разделяет ли он взгляды этих «чудиков». Юра ответил, что он многие их взгляды не то что разделял, а терпеть не мог, но людьми эти «чудики» были умными и отзывчивыми, и потому их жаль. Юре написали, что ему надо определиться; либо «терпеть не мог», либо «отзывчивыми людьми». В этот раз Юра определиться не смог и вышел из чата.

Через несколько дней Юра заметил, что на улице за ним кто-то следит. И хотя в чате санитаров никто из участников не выставлял своих фотографий, а все писали под никами и с аватарами, Юра сразу узнал в незнакомце, следившем за ним, одного из санитаров. Аватар так отражал суть его личности, что стал портретом. Незнакомец подал вид, что понял то, что Юра его узнал, и они отошли в безлюдное место.

– Зачем ты здесь? – спросил Юра незнакомца.

– Приехал за тобой, – ответил незнакомец.

– То есть?!

– Только не притворяйся, что не понял...

Юра заметил, как из кармана незнакомца что-то блеснуло.

– Но я же друг! – возопил Юра.

– Ты был другом. – ответил незнакомец. – С собаками ты нам был другом, и с алкашами тоже, а как дело дошло до настоящих дегенератов, так ты перешёл на их сторону.

– Я не переходил!

– Что, просто пожалел?

– Да.

– Жалость уже признак, – спокойно ответил незнакомец.

– А в чём вина тех чудиков? – спросил Юра.

- Они другие.
 - Это так плохо?
 - Не то слово...
 - А как же воруяги?
 - Они тоже другие, но они нам помогают. Как и ты нам помогал. А потом перестал. К тому же ты знаешь слишком...
 - Но я никого из вас не знаю!
 - Ты знаешь, что мы есть.
 - Что там за тусня? – слышалось откуда-то сзади.
- Юра обернулся. Это шла какая-то компания. Когда Юра повернулся, незнакомца уже не было. Он понял, что ему повезло. В этот раз.

ЧТО-ТО ЗАБЫЛИ

Стоят две подружки с хорошими фигурами на пороге магазина. Точнее, на лестнице. Болтают. Видимо, о мужиках. Или о чём-то не менее интересном, потому что болтают долго.

Вдруг одна из них восклицает:

– Я что-то забыла!

Она перерывает сумочку. Как ни странно, там всё на месте. Проходится по обуви и одежде. Тот же результат. Как вдруг:

– Я же голову сегодня забыла! – вновь восклицает.

– Точно!!! – сильнее первой кричит вторая подруга и хватается за свою голову, а головы-то нет.

Обе кричат, но их никто не слышит. Не только из-за громко играющей музыки, а потому что они манекены. Да и как девушки кричали бы без голов?

Потому, не забывайте головы даже тогда, когда их теряете.

ПРОГУЛКА ПО КЛАДБИЩУ НАДЕЖД

Пришёл на могилу неплохого инженера неподалёку от могил подававшего надежды барда и такого же поэта. Решил постоять у могилки художника. По дороге зашёл на могилку хорошего семьянина. На могилу хорошего журналиста уже сил не было идти.

На каком кладбище я был? Просто вспомнил о своих талантах и возможностях. А потом вспомнил, где они теперь по милости судьбы или же по моей.

ДЕНИС ВЕТРОВ

СОСНОВЫЙ БОР

Как дышится легко! Какой прекрасный
Чуть сладкий запах хвои и смолы!
Желтеет впереди под солнцем ясный
Сосновый бор в покоях тишины.

Повсюду мягкий мох блестит, белеет,
Черничник окружает старый пень,
И лёгкий ветерок с Мологи веет,
Со свистом провожает летний день.

Кукушка вдалеке года считает,
И дятел, торопясь, ей в такт стучит,
На землю белка шишки все роняет
И ветви то и дело шевелит.

Большущей колоннадой сосны встали,
И лес от них желтеет тут и там,
А иглы, что давно с вершин опали,
Царапать норовят по сапогам.

Рассыпались маслята вдоль опушки,
В траве давно найдя себе приют,
Чуть дальше: и лисички, и волнушки
Из недр свои уборы достают.

И светятся над ними ярко кроны
Под солнцем, заходящим в облака,
И сосны, словно длинные заслоны,
Скрывают горизонт издалека.

И каждая деталь здесь так знакома!
И всюду виден северный пейзаж.
В бору – как у себя, как будто дома...
Весь лес – ещё один, родной этаж.

НОЧЬ

Как темно, непроглядно бывает...
Неприятно бежит холодок,
Огонёк где-то там всё мелькает,
И Луны светит нам ободок.

Тишина... как-то всё здесь застыло:
Нет движения, нет никого.
Почему-то вдруг сердце заныло,
И дышать стало так нелегко...

А ведь ночь нашей жизни подобна:
Та же темень сгустилась вокруг,
Что затмить наше счастье способна
И сломать все решения вдруг.

Россыпь звёзд – это все наши грёзы,
Столь далёкие в небе мечты,
А роса на траве – это слёзы
От нежданной в душе пустоты.

Позади, впереди – всё туманно,
Скрылось прошлое за пеленой,
И судьбы не видать. Как же странно...
Как похожа на жизнь ночь порой...

Я устал. На дворе холодеет.
Разведу на земле костерок,
Пусть огонь моё горе развеет,
А тоску унесёт вдаль дымок.

НИКОЛАЙ ВОЙТЕНКО

* * *

Стемнело вдруг, и стихли голоса.
И ветер стих, и стало тихо-тихо.
И только слышно, как вдали гроза
на тишину накатывала Лихо.

О, как тревожен миг предгрозовой,
так сдавит вдруг – до крохотной букашки,
до капли недовыпитой из чашки.
Замрёшь, как будто пропасть пред тобой.

Но вот ушёл он – с ним и тишина.
Поднялся ветер: грозный и упрямый.
Ударил так, что задрожали рамы,
и в страхе я отпрянул от окна.

А он, шутя, да повалил забор,
тем показав характер свой несносный.
И улетел ломать сосновый бор,
где было слышно, как стонали сосны.

И тут на землю пали небеса,
прогрохотав тяжёлой колесницей,
и полетели огненные спицы,
и хлынул ливень – не открыть глаза.

И я подумал: «Гневается Бог,
от наших дел закончилось терпение».
А ливень лил и лил насколько мог,
и заливал округу и селение.

* * *

Грусть моя! Отпусти меня в поле.
Так хочу по траве босиком,
где когда-то шумело раздолье
синеглазым ржаным васильком.

Где в тени соловьиного пения
обнимался до светлых краёв.
До сих пор ощущаю волнение,
и горячие руки её.

Ну а ты, грусть, в чужую сторонку,
без тебя всё же жить веселей.
Я уже не грущу – песней звонкой
в моё сердце влетел соловей.

* * *

О чём пою душой печальной
на склоне сумрачного дня?
О, это осень изначально
на грусть настроила меня.

Она то день слезами моет,
то ткёт туманы поутру,
то одеянье золотое
с себя срывает на ветру.

И где здесь с радостью обняться
среди пустующих полей?
Лишь грусть и может откликаться
на зов летящих журавлей.

И хочется скорей проститься
с её унылой наготой.
Но знаю, в зимних снах приснится
с необъяснимой теплотой.

ТАТЬЯНА ГОРШКОВА

НОЧЬЮ У КОСТРА

Пахло счастьем ночью у костра,
И гитара подбирала звуки.
Почти мальчик нежно и легко
Гладил её худенькие руки.

Сквозь просвет взъерошенных елей,
Под игру ласкающее пламя,
Сочинялась песня для двоих,
Новой жизни поднимая знамя.

Вороши потухшие угли.
Быстро ветер порастреплет пепел.
Быль и небыль превращая в жизнь,
Не потухло б счастье на рассвете.

Заклинанием лесных богов,
Как слезами, сбрызнуло рассвет.
И звезда потухла в изголовье,
Так и ни на что не дав ответ.

НЕ ИГРАЙТЕ

Сердце криком кричит!
Но кричи, не кричи,
Поменялись к душе
И замки, и ключи.

И огнём полыхает
Надежды костёр...
Никогда не играйте
В любовь и на спор.

ОТ МУЖЧИН

К постели таинство веду,
Чарует запах, лёгкость платья.
Ещё раз утонуть хочу
В нежнейшем ручейке объятий.

Вот щёлкнул робко каблук,
Взмахнули крыльями ресницы.
Отдохновения хочу,
Тепла и бодрости напиться.

Стыдом устоев пренебрёг,
И заручаюсь я отвагой.
И нежно тянется росток,
Чаруя будущей усладой.

Как короток мгновенья миг!
Очарованья, восхожденья.
Скажи, нежнейшая, я смог?
Проси, что хочешь в награжденье.

Испепели себя дотла
И выложи всю силу мощи.
Твержу: «Я так хотел тебя!»
Не отпущу, не опорочу.

Я пребываю в забытьё
И верую – мне то не снится.
Я снова в плен попасть хочу
Крылом распахнутой ресницы.

ВРЕМЯ НАБИРАЕТ БЕГ

Время быстро набирает бег!
Одновременно схоже с многолюдьем.
И бежит куда-то человек.
То ли к людям. То ли в люди.
Я смотрю в открытое окно
И пытаюсь рассмотреть проблему.
Но оно, как глупая Му-Му,
Из проблемы делает дилемму.

О ТЕБЕ

То котёнок, то тигрица,
Милый львёнок или львица.
Ты – удар, напалм, забвеньё,
Чуткость, нежность, вдохновеньё.

Мамонт-крошка, мудрый демон,
Может, даже
Добрый гений.
Ты – то небо в серых тучах,
То голландец ты летучий.
Всё, конечно, понимаю,
Одобряю, принимаю.
Сам плыву по серу небу –
Мудрый мамонт, добрый гений!

БЕЛОЕ

Падала снежиночка на землю,
Расписная, словно кружева.
Насмотревшись на сугробы снега,
Повторяю белые слова.

Белый снег и белые сугробы,
И снежинки белые подряд.
Покрываю белые берёзы
В белый ослепительный наряд.

И кустов взъерошенные ветки
Накрываю снежной белизной.
Наряжаю юную невесту
Белой ослепительной фатой.

И разрисовав стекло у окон
Весело рисунком белизы,
Белизною помыслов проникнув,
Опускаю всё на белые листы.

АНДРЕЙ КАБАНОВ

СУДА-ДА-ДА

*(Из ненапечатанного ранее,
короче говоря – приквел)*

Воздушный бой

Зимнее утро. Земля укрыта белоснежным пуховым одеялом. Всё вокруг белым-бело. И только полоса железной дороги чётко выделяется на белом фоне русской зимы. И ещё на белом цвете выделяется дым из труб деревенских домов. Но больше всего и на большем расстоянии виден дым из труб трудяг-паровозов.

До наступления Нового года остаётся всего два дня. Два дня до наступления второго военного 1942 года.

Сегодня над Вологодской областью ясный, морозный, солнечный день. На небе только небольшие обрывки рваных облаков.

Погода прекрасная для прогулок и пробежек на лыжах, но никак не для лётчиков, бороздящих чужое небо. Всё, как на ладони, не на один километр.

Взлетев с аэродрома в Сиверске, Ганс вёл свой «Юнкерс-88» знакомым курсом. Для его самолёта на территории Вологодской области было две цели – это Судский железнодорожный мост и Вологодский железнодорожный узел.

Двухмоторный бомбардировщик нёс две тонны бомб.

«Юнкерс-88» использовался не только, как бомбардировщик, но и как торпедоносец и разведчик. Пикирующий бомбардировщик – это возможность более точно накрывать указанную в полётном задании цель. Примерно под углом в сорок пять градусов. Буквально падая с неба, произведение авиаконструктора Альфреда Гаснера наносило сокрушительный бомбовый удар.

Ганс сверялся с картой полёта – Кадуй, Комариха, и вот после слова «Комариха» он знал, что надо уходить влево или вправо, так как дальше лететь над железнодорожным полотном было очень опасно.

Уже не раз, самолёт обстреливался зенитками, установленными у Судского моста.

От станции Комариха прекрасно видны с высоты полёта тот самый мост и сама станция Суда.

Жители Суды готовились встречать Новый год. Из печей валил дым, хозяйки готовились угостить домочадцев пирогами. Война войной, а встречать Новый год без пирогов нельзя.

Ещё не увидев, а только каким-то неведомым чувством ощутив, что происходит что-то неладное, Ганс перевёл взгляд вправо и понял, что сегодня не его день. А в голове лётчика пронеслась мысль, что, видимо, Новый год ему не встречать со своими друзьями из люфтваффе.

И он был прав.

Лётчик, не мог знать, с кем через несколько мгновений его сведёт судьба в небе над посёлком, носящим одноименное название с рекой – Суда.

Ему не дано было знать, что в 1914 году в Москве, в семье рабочего родился мальчик и назвали этого мальчика именем Лёша, а фамилия у него была Годовиков.

Годовиков Алексей Николаевич в 1939 году закончил Качинскую авиационную школу и успел повоевать во время Советско-финской войны 1939-1940 года.

И вот через мгновение немецкий лётчик увидел истребитель с красными звёздами на крыльях.

– Суда!!! – проговорил советский лётчик и ему вторили пулемёты:

– Да-да-да!!!

Пули прошли кабину «Юнкерса».

Немецкий бомбардировщик, к удивлению Годовикова, не загорелся, хотя сразу же сбросил скорость.

Захлёбывающийся кровью из своих лёгких, Ганс, ни минуты не раздумывая, открыл бомболюк.

После чего его содержимое полетело к земле.

И если бы бомбы упали чуть правее от железнодорожного полотна, то наверняка я бы не появился на этот свет спустя двадцать лет после этого воздушного боя в небе над станцией Суда. Как и не родились бы мои друзья детства. Всё решил случай.

Сделав второй заход, лётчик-истребитель Годовиков изрешетил пулями левый борт немецкого бомбардировщика, и только тогда из него повалили клубы чёрного дыма.

Немец предусмотрительно сбросил боезапас для того, что если уж придётся сажать самолёт, то никак не с бомбовой нагрузкой. Это было бы самоубийством.

«Юнкерс», развернувшись в сторону фронта, пытался дотянуть до своего аэродрома.

Но этому не суждено было сбыться. Третья очередь советского истребителя поставила точку на судьбе немецкого бомбардировщика. Было неожиданностью для Годовикова, что немцу удалось посадить самолёт на лесной поляне у станции Кадуи.

Самолёт хоть и в дырах, но остался жив, а вот его пилоту повезло меньше. Но собаке – собачья смерть! Лучше и не скажешь!

А через несколько дней, уже в новом 1942 году, этот «Юнкерс» был

перевезён в областную столицу, где был выставлен на показ вологжанам, на площади Революции.

А самому Алексею Николаевичу Годовикову оставалось жить чуть больше месяца. В воздушном бою над станцией Заборье Ленинградской области он совершил таран немецкого бомбардировщика, при котором не смог покинуть кабину самолёта.

Герой Советского Союза Годовиков Алексей Николаевич похоронен в Череповце, на Площади Жертв Революции.

Так за годы войны ни одна немецкая бомба и не смогла попасть в Судский железнодорожный мост. Видимо, мост, изготовленный в Германии на заводах Круппа, не притягивал к себе родной металл авиабомб.

Вся территория от станции Суда до железнодорожного моста была изрыта воронками.

Но, что на теле человека, что на поверхности земли, раны со временем зарастают, остаются только шрамы, которые так же загладит время.

Пасха

*...и пришла к императору Тиберию
Мария Магдалена с вестью о том,
что Иисус воскрес, принеся в дар
яйцо, как символ жизни.
Не поверил император и произнёс,
что скорее яйцо покраснеет,
чем он поверит в чудо.
И чудо свершилось, яйцо стало
красным. И с тех пор яйцо стало
главным символом Пасхи...*

Не могу не рассказать ещё об одном общенародном празднике, кроме Нового года, 8 Марта, 1 Мая и Дня Победы, это, конечно же, – Пасха.

В 1969 году празднование Пасхи выпало на 13 апреля.

К этому времени снег уже почти сошёл, но в лесу он ещё лежал, а под ним уже всюду журчали ручьи.

Уже прилетели грачи. Над Судой клиньями в сторону Севера потянулись гуси, журавли и лебеди.

И после первого гусяного клина стало ясно, что весна вступает в свои права, и первая моя школьная зима закончилась.

Первая школьная зима – звучит торжественно и в тоже время немного грустно. Потому, что впереди ещё много зим и весен мне придётся

ся ходить за знаниями в школу.

Каждый знает, что весной ходить в школу не хочется больше всего. Тем более, что на реке начался весенний клёв сороги по последнему льду.

Моё любимое место весной это, конечно же, Песчаник, что находится на самой Суде, это крайняя точка залива Дедка Ворона.

Лунки уже за ночь не замерзают. А на льду появляется вода. Рыба клюёт под самым берегом на глубине не более десяти сантиметров под льдом.

С утра и до вечера светит яркое солнце.

Из школы я уже бегу бегом. Забегаю домой, быстро обедаю и бегом на реку.

Рыба клюёт до самой темноты.

– Сегодня надо приготовить луковой шелухи! Завтра будем красить яйца! – сказала бабушка Сима, когда я вернулся с реки.

Шелуха у нас двух видов – красная и жёлтая. Это зависит от сорта лука.

Зачем красить яйца на Пасху, я не знал. Ведь их можно есть и не крашеными! Какая разница? Но если уж так заведено, то придётся красить!

В школе нас учат, что бога нет. Но этот праздник, отмечают все, от мала до велика, те же комсомольцы, и даже члены КПСС.

И вот процесс крашения яиц наступил. Мы красим яйца в двух кастрюлях. В каждую кастрюлю я положил по несколько пригоршней луковой шелухи, залил водой, туда же были положены яйца, по двенадцать штук.

До праздника Пасхи все должны соблюдать пост.

Пост – слово для меня непонятное. Но, как говорят, в это время надо вести себя скромно и не есть ничего мясного. Иногда разрешается, есть рыбу.

Короче говоря, как я понял – на воде и хлебе.

А вот в Пасху уже можно есть всё, что душе угодно, и на что у вас хватит денег. Потому что без денег в магазине никого не отоваривают. А время коммунизма ещё где-то за горизонтом.

Я, как настоящий октябрёнок, не соблюдал этого поста, потому что с моей бабушкой его соблюдать никак нельзя, нет никакой возможности.

Говорят, что соблюдать пост очень полезно. Это полезно для души и организма. В чём полезность я не знал, но думал, что люди зря не скажут.

Крашенные яйца – это в каждом доме. Но на Пасху обязательно нужно печь кулич, а лучше куличи.

Кулич – это произведение кулинарного искусства. Это не пирог и не торт, это что-то среднее и очень вкусное. В тесто обязательно добавля-

ется изюм и сливочное масло. Кулич печётся в специальной форме, это круглая кастрюля с небольшим диаметром и высокая, для того чтобы кулич получился правильной формы.

Когда кулич уже готов, его верх обязательно мажут сахарной пудрой, от чего он становится ещё вкуснее.

Кулич пекут только раз в год, только на Пасху. В остальные дни – пироги с разными начинками.

В Пасху весь день люди, как знакомые, так и не очень, приветствуют друг друга словами: «Христос воскрес!» А отвечают: «Воистину воскрес!» И после этого приветствия меняются крашеными яйцами или же чокаются ими.

Ну а мы яйца – катали!

Это была игра, но в итоге кто-то получал приз в виде выигранных разбитых яиц соперника, ну а проигравший оставался ни с чем.

В прихожей, в доме Угловых, на столе, мы сегодня и катали пасхальные яйца.

– Ну, кто со мной? – спросил дядя Вася, и Толька, оттолкнув меня, занял место на противоположном краю стола.

– Поехали! – скомандовал Колька Углов, и два яйца отправились на встречу друг другу.

И почти на середине стола они встретились боками. Удар – и Толькино яйцо получило вмятину.

Дядя Вася, забрал оба яйца и спросил:

– Кто следующий?

Следующим был я. Но глядя на своего друга, мне почему-то расхотелось катать.

– Поехали! – опять подал команду Колька.

И всё повторилось вновь. Я лишился своего пасхального красного яйца, а дядя Вася заулыбался и закурил свой любимый «Север».

Расставаться со своими яйцами очень не хотелось. Но ничего не поделаешь!

У меня было с собой четыре яйца, и все я оставил, в итоге, в доме Угловых.

На душе стало грустно, и я направился домой. Я очень расстроился от неудачи в катании яиц.

– У нас курицы несут яйца с самой тонкой скорлупой!

Эти слова были адресованы бабушке Симе, на что она ответила мне:

– У нас курицы несут хорошие яйца, и со скорлупой всё нормально!

- Ну, тогда я не знаю, в чём дело! – сказал я и рассовал по карманам ещё четыре крашенных яйца.

Надо было отыгрываться. Несправедливость произошедшего не давала мне покоя.

– Христос Воскресе! – не успев выйти из заулка, услышал я.

Это был наш сосед через дорогу дядя Лёня Клоков.

– Воистину! – коротко ответил я и уже собирался направить свои ноги к дому Угловых.

– Куда спешишь? – задал вопрос дядя Лёня.

И я коротко обрисовал ему свои неприятности при катании яиц.

– Катание – это ерунда! Надо обязательно чокаться! Давай?

И сразу же после этих слов достал из кармана пиджака яйцо ярко красного цвета. Он плотно зажал его в кулаке и скомандовал:

– Давай!

И я дал!

В итоге четыре яйца, лично мною крашенных в луковой шелухе, переместились из моих карманов в карманы нашего соседа. Это произошло так быстро, в мгновение ока, что я даже не успел понять всей трагедии моего положения.

Дядя Лёня похлопал меня по плечу, затем пожал руку и с почти чистой совестью направился к себе домой.

Я стоял у нашей калитки, ни жив, ни мёртв.

А как вы бы себя ощущали, потеряв за несколько минут восемь яиц? Вот и я не знал, что дальше делать.

Слово «почти» я употребил не зря. Только через несколько лет я случайно узнал, что яйцо у дяди Лёни было не куриное, а искусно сделанное на токарном станке на заводе «Красный пресс» из деревянной чурки. Но так как с того момента, прошло немало времени, я уже не помнил обиды, хотя было, конечно же, неприятно.

Но с той Пасхи я уже больше никогда не катал яйца, тем более не чокался. Век живи – век учись!

«Байкал»

Если перед вами закрытая дверь, то если вы себя считаете культурным и в меру воспитанным человеком, то перед тем, как её открыть, необходимо постучать по ней. А если к двери прилагается и электрический звонок, то можно и нажать на кнопку своим пальцем.

У дверей нашего класса звонок отсутствовал, поэтому я постучал. И тут же через закрытую дверь я услышал приятный тембр голоса нашей учительницы:

– Да-да, входите!

Все необходимые нюансы были соблюдены, поэтому я взялся за дверную ручку и, что есть сил, дёрнул её на себя.

Дверь со скрипом распахнулась.

– Ребята, посмотрите! Кто к нам пришёл? Андрюша Кабанов и Ваня

Дёшин!

Весь без исключения класс повернул в нашу сторону свои юные головы. В этих взглядах читался упрёк, насмешка и заинтересованность в том, как мы будем оправдываться.

Оправдываться – это необходимость! Без неё никуда!

– Почему же вы, ребятаки, опоздали на целых пятнадцать минут? – строго проговорила Людмила Александровна, посмотрев на часы завода «Чайка» на своей ухоженной ручке. – Вы что, оба проспали?

Мы с Ванькой, стояли у двери по стойке «смирно», но головы у обоих были опущены в пол.

Я был одет в чёрный костюм и белую рубашку, а мой друг Ванька – в серую школьную форму с фуражкой образца 1949 года.

Указом Министерства образования СССР в 1949 году была принята единая школьная форма для мальчиков и девочек. Ребят одели в серые полувоенного образца гимнастёрки, девочки должны были в школу надевать коричневые шерстяные платья с чёрными передниками.

Ванька был подпоясан ремнём с латунной пряжкой. На пряжке была по центру выдавлена буква «Ш» в солнечных лучах, по бокам эту букву украшали колосья, а снизу красовалась лента.

У меня за плечами одет коричневый ранец, у Ваньки на боку красовалась сумка-планшет из кирзы.

До 1954 года мальчики и девочки обучались отдельно, и только после этого года ребята в классах учились вместе.

Ребята после этого постепенно перестали носить школьную форму, а вот девочки так и носили коричневые платья. Правда, в праздники они одевали белые передники.

– Ну, что молчите? У вас что, голос у обоих пропал? Говорите что-нибудь! Нам с ребятами интересно!

Я уже хотел открыть рот, но мой друг опередил меня, так и не подняв глаза от пола.

– Людмила Александровна! Нас солдаты задержали! А мы из дома вовремя вышли!

Людмила Александровна, не скрывая своё удивление, спросила:

– Откуда в Суде солдаты? Вы что-то, ребята, путаете!

– Мы не путаем! – вступился за Ваньку я. – Солдат очень много, несколько вагонов. Целый состав.

– И где вы нашли состав с солдатами? – всё ещё с долей недоверия в голосе переспросила наша учительница.

– Солдат мы не искали. Их состав прямо перед нашим носом поставил паровоз. Вагоны с солдатами поставили на первом пути, если смотреть со стороны Межнова, а если от здания вокзала – то на последнем пути! – перебил меня Ванька.

– Мы шли в школу и решили перейти железнодорожные пути не на

переезде, а напротив водонапорной башни, а в это время остановился состав, а из него начали выпрыгивать на землю солдаты. Солдаты окружили нас и начали расспрашивать. Они нас спрашивали, а мы с Андреем отвечали. Мы ответили на все их вопросы. Вот и всё! – закончил, наконец, свою речь мой друг.

– Интересно о чём вас спрашивали эти солдаты? – поинтересовалась Людмила Александровна. Но это было интересно не только ей, но и всем нашим одноклассникам.

– Они нас обо всём спрашивали, а мы отвечали. Офицер, который со звёздочками на погонах, сказал, что они приехали к нам надолго, и сказал, чтоб мы теперь ходили в школу только через переезд, а если увидит, что мы подлезаем под вагонами, то поймает нас и надерёт уши! – продолжил Ванькин рассказ уже я.

Поняв, что нас не переслушать, Людмила Александровна усадила нас за парты, и урок арифметики продолжился.

Я подал своей соседке по парте Зойке Бурловой руку, и мы поздоровались.

Уже через несколько мгновений я утонул в голосе нашей учительницы, глядя ей прямо в глаза, которые были прикрыты очками в красивой тонкой оправе.

Мы рассказали почти всю правду, но на самом деле было немного не так, немного по-другому. Ведь не всегда необходимо рассказывать всё с начала и до конца, иногда надо что-то оставить на потом.

Идя в школу и стреляя по сторонам из рогаток, мы с Ванькой решили перекурить перед школой за танцевальной летней площадкой, которая находилась за железной дорогой, с правой стороны от футбольного поля, в окружении сосен.

Но перейти пути у водонапорной башни нам не удалось, наш путь преградил состав, который выставлял маневровый паровоз. И только паровоз выдал из себя прерывистый свисток, из вагонов повыпрыгивали солдаты в зелёной форме и бросились в нашем направлении.

Взяли нас в кольцо и начали свой допрос, перебивая друг друга.

Первый и самый главный вопрос, основная проблема, которую хотели разрешить защитники Отечества, это был вопрос:

– Где тут у вас продают водку и вино???

С ответом на этот вопрос мы с другом не заставили себя ждать:

– Вино и водка у нас продаётся в сельпо или в магазине на «поле», это вон там, за стадионом, а столовая у нас тоже рядом, вон там за водонапорной башней, она называется «Ромашка».

Получив ответ на первый вопрос, солдаты задали, естественно, и второй вопрос, не менее важный, чем первый:

– А как у вас в посёлке насчёт женщин?

И на второй вопрос солдат с тракторами в петлицах мы дали пол-

ный ответ:

– Женщин в посёлке навалом, всяких полно – и красивых, и не очень! И молодых, и не очень. Танцы у нас бывают и в Межном, и в колонии, и в Судском клубе, и в ДСКа. Но в ДСКа ходить на танцы вам не надо! – перебивая друг друга, отвечали мы с одноклассником.

– А почему в ДСКа не надо? – спросил солдат, с одной полоской на погоне, ещё не понимая, о чём идёт разговор.

– Туда не надо ходить, там вас поубивают всех! – с нескрываемым чувством гордости в голосе предупредил я.

Кстати, хотели они этого или нет, но до посёлка домостроителей они так ни разу и не решились дойти. Правильно, конечно же, и сделали. Я плохого не насоветую.

И в этот момент к нам незаметно подошёл офицер с четырьмя звёздочками на погонах.

– Вы кто такие? И как вас зовут?

– Мы ученики Судской начальной школы – Ваня Дёшин и Андрюша Кабанов, – по очереди представились мы.

– Кабанов! А Вы, молодой человек, случайно не родственник нашего Начальника Железнодорожных войск генерала-полковника Кабанова Павла Алексеевича?

Про существование генерала Кабанова Павла Алексеевича я имел очень смутное представление, а точнее сказать, и понятия не имел, что в Красной Армии есть генерал с моей фамилией. Подумав несколько секунд, мой язык произнёс:

– Возможно, родственник!

А уже к вечеру, весь посёлок гудел новостью о прибытии в Суду солдат Железнодорожных войск.

Не прошло и суток, как Судское сельпо выполнило полугодовой план по продаже водки. Солдат было много и пили они до потери сознания.

Но это длилось недолго.

Терпение у командира лопнуло, и он приступил к наведению порядка в вверенном ему воинском подразделении.

Военная тайна о том, что будут строить воины-железнодорожники, раскрылась через несколько дней. Сразу после того, как солдатики пропились и были готовы снова выполнять приказы командования.

Солдаты будут строить новую железнодорожную ветку – это весть разнеслась по Суде в считанные часы.

А до этого чего только не говорили, что будут строить второй мост, что солдаты начнут строить новый вокзал, а кто-то даже пустил слух, что Железнодорожные войска для того, чтобы помогать мелиорации Судских болот.

Но на самом деле всё оказалось намного проще.

Через несколько дней, после того, как на станцию Октябрьской железной дороги прибыл состав с солдатами, подогнали и несколько платформ с техникой.

Капитан, на плечи которого легла вся ответственность за новую железнодорожную ветку, собрал вокруг себя старожилов посёлка и начал расспрашивать о том, где можно взять песок для подсыпки. Ведь железнодорожные пути без подсыпки возводить невозможно.

Не прошло и часа, капитан уже знал, что песок можно брать в конце Заголяихи.

Юрий Иванович Гришкин, как представитель Советской власти в Суде, и несколько бабок с Заголяихи уже на следующее утро стояли на предполагаемом месте добывания песка.

– Здесь будет карьер! – сказал офицер железнодорожных войск и ткнул указательным пальцем правой руки себе под ноги.

Представители Суды молча согласились, помотав утвердительно своими головами.

И пошло-поехало. Работа закипела. Взрели экскаваторы, зарычали бульдозеры. Люди в военной форме приступили к выполнению боевой задачи.

Ну и, конечно же, без нашего участия рытьё карьера не обошлось.

А началось всё с расчистки участка под карьер.

Возле железной дороги, со стороны Заголяихи шла узкая тропинка и всё. Солдатам необходимо было сделать дорогу, ведь доставлять добытый в карьере песок нужно было к строящейся ветке самосвалами.

Дорогу делали очень просто. К месту предполагаемого карьера прошёл бульдозер несколько раз туда-сюда – и вот уже дорога готова.

Началась валка леса. Здесь были и вековые ели, и сосны, и просто кустарник, но больше всего было ольхи.

Валка леса была для солдат Желдорбата делом не новым. Это было видно сразу, как они приступили к работе.

Жители посёлка потянулись к месту будущего карьера один за другим. Кто с пол-литра, кто с литром.

А через некоторое время у домов жителей Суды останавливался самосвал и сваливал из кузова пять кубометров свежераспиленных дров. Оставалось только расколоть и сложить в поленницы. И уже была не страшна наступающая зима с её морозами и метелями.

Уважение к солдатам перерастало в дружбу.

А что солдату надо? А не так уж и много! Выспаться, хорошо поесть, по возможности принять на грудь чего-нибудь из спиртного, ну и, конечно же, попариться в бане.

Для многих из военнослужащих русская баня была в диковинку, так как они призывались в ряды Красной Армии из республик Средней Азии и о бане имели очень слабое представление.

Распродажей дров занимались старослужащие, так называемые «деды», то есть те, кто до Нового года уже отправятся домой, отслужив два года и выполнив тем самым свой конституционный долг перед любимой Родиной.

Старослужащие продавали, а молодые воины валили лес.

Бензопила «Дружба» с виду кажется не очень тяжёлой, а попробуй её подними да ещё поработай ею целый день, то к вечеру руки отвалятся. И чтобы вернуться домой живыми и здоровыми, солдаты работали этими пилами по очереди.

Через пару недель участок был полностью расчищен от леса. Если не считать несколько молодых сосенок, которые одиноко стояли в расчищенном от деревьев поле.

На наш вопрос: «Дяденька капитан, а зачем вы оставили эти сосны?», капитан загадочно улыбался и сказал:

– Скоро поймёте! Так надо!

Ничто так не интригует, как что-то недосказанное и непонятное. Но сразу было ясно, что это сделано не просто так, а для чего-то, но пока это оставалось тайной. На то и военные, чтобы вокруг их была пелена загадок и тайн.

Началась раскорчёвка. Пни, вывороченные из песка, корни которых десятки лет пили воду из песка, сгребались в две кучи, которые в итоге подожгли.

В золе этих кострищ солдаты пекли картошку, принесённую жителям посёлка в дар за приобретенные у них дрова.

И вот экскаватор сделал пробный забор земли. И всё стало ясно всем присутствующим, что место выбрано правильно, под пятисантиметровым слоем чёрной земли находится чистейший жёлтый песок.

Капитан с умным видом на лице произнёс:

– Этого и следовало ожидать!

Это искромётное выражение не все присутствующие при этом знаменательном событии поняли, но некоторые даже заплодировали.

И с этого момента началась плановая разработка карьера.

Экскаватор работал с утра до вечера.

Экскаватор обошёл несколько оставшихся сосен по кругу и продолжал работу.

Постепенно выкопанное углубление в песке начало заполняться водой.

Уже время подходило к завершению прокладки новой железнодорожной ветки, когда капитан сообщил местным жителям, почему он оставил островок с несколькими маленькими сосенками.

– Вы знаете, что есть такое озеро Байкал? Думаю, знаете! Так вот теперь у вас есть озеро, и назовём его Байкал! А островок посреди этого рукотворного озера будет называться – остров Ольхон, как и на настоя-

щем озере Байкал!

Это было сказано таким голосом, что никто не смел не только поспорить, но даже задать наводящий вопрос.

Никто против этого не спорил.

Название всем понравилось.

Противников названия не нашлось.

Вот так в посёлке, находящемся на расстоянии многих тысяч километров от озера Байкал, появилось небольшое озеро с одноимённым названием, с небольшим островом.

Мы с Ванькой сидели на свежеспиленных сосновых брёвнах и ловили последние лучи уходящего лета.

Солнце, на удивление, припекало наши детские физиономии так же, как и летом, но пожелтевшие листья на окрестных берёзах напоминали о надвигающейся зиме.

Лето мы с Ванькой любили больше, чем зиму, но, к великому нашему сожалению, это никак не сказывалось на природных процессах на планете Земля.

Мы щурились лучам осеннего солнца и совсем не заметили, как к нам подкрался один из солдат. Солдат имел две лычки на погонах, и по нашим детским понятиям, это уже был начальник, пусть и небольшой чин, но уже и не рядовой, даже не ефрейтор.

– У вас спичек не найдётся? – поинтересовался он.

– Натё! – проговорил чуть слышно Ванька и достал из кармана своих штанов целый, не начатый коробок спичек.

– Благодарю, молодые люди! – поблагодарил нас солдат и вернул моему другу коробок. – А вы закурить не хотите? Или ещё не травитесь? – как бы между прочем поинтересовался представитель железнодорожных войск.

Парень в военной форме курил дешёвые сигареты «Прибой», поэтому я с нескрываемой гордостью ответил:

– Без фильтра не курю!

После этого я из-за пазухи своей рубашки достал пачку «Тракии», щелчком указательного пальца правой руки профессионально выбил сигарету, и в это время солдат протянул мне свою сигарету прикурить.

Прикуривать от сигареты, а не от спички намного приятнее. Почему? Сам не знаю! Это необъяснимо. Просто приятно и всё.

– В затяжку уже куришь? – немало удивился военный служащий.

– Конечно, в себя, ведь мы же не маленькие, мы с Ванькой уже в школе учимся! Я являюсь санитаром в классе! – не без лишней гордости похвастался я.

– А ты и перевязки можешь раненым делать? – не унимался солдат.

– Да кому же мне перевязки делать? У нас в классе раненых нет! Я

проверяю чистоту рук перед обедом у всего своего класса. А у кого замечу грязь под ногтями, отправляю к умывальнику! У меня на рукаве белая повязка с красным крестом! Издалека видно, что я санитар!

Ванька толкнул меня в бок и полушёпотом спросил:

– Дай твоих закурить, а то у меня сегодня нет!

Особого желания делиться с Ванькой у меня, естественно, не было, но показаться в глазах желдорбатовца, а тем более моего одноклассника, жмотом мне не хотелось, и я протянул сигарету с жёлтым в крапинку фильтром.

Теперь мы пускали в небо дым втроём.

Сгребал в одну кучу песок экскаватор и грузил его в самосвалы, а трактора равняли дно будущего водоёма.

– Жаль, что скоро будет холодно и навалит снега! – ни с того, ни с чего проговорил мой друг, выпустив очередную порцию дыма из своих детских лёгких.

– А вы курите сигареты, которые курят танкисты и мы, кто служит в железнодорожных войсках! – выдал нам порцию слов для размышлений наш новый знакомый.

– А почему? – не понял я.

– Танкисты тоже курят «Тракию»? – переспросил Ванька.

– Конечно, «Тракию»! Это наши сигареты!

– Это болгарские сигареты! – блеснул я своими познаниями, но тут же был морально уничтожен.

– Вы, конечно же, ещё слова по слогам не разбираете? Поэтому вам и не понять! Разобьём слово по слогам – трак и я. Из чего состоит гусеница у танка и трактора?

– Из траков! – опередив меня, ответил Ванька.

– Ну, вот и всё поняли. Молодцы! Название сигарет обозначает, что их курят танкисты и желдорбат.

– Вы такой умный! Откуда Вы это знаете? Наверное, много книг и газет читаете? – не удержался, спросил я.

– Вернее сказать, читал! – с нескрываемой грустью в голосе проговорил военнослужащий. – Я ведь закончил три курса института в Ленинграде, но был отчислен за пьянку и разврат! Но думаю восстанавливаться после того, как отслужу.

Слово «пьянка», для нас с другом было понятно, а вот слово «разврат» – не совсем. Но и без лишних слов и вопросов было понятно даже нам, учащимся 1-го класса Судской начальной школы, что слово «разврат» означает, что-то нехорошее, антиобщественное и не вписывающееся в наш социалистический быт.

– Жаль, что лето заканчивается! Ещё бы хотелось покупаться в реке, позагорать! – как бы между делом, с чувством нескрываемой грусти, проговорил мой друг.

– А вы знаете, почему наступает зима? – этот вопрос под грохот тракторов, машин и бульдозеров нас обоих удивил. – Ну, угощай сигаретой, и я вам объясню!

Пришлось угостить, хотя особого желания и не было. Ведь у меня нет своей табачной фабрики. Но об этом военнослужащий с двумя жёлтыми лычками на погонах не догадывался, и поэтому пришлось делиться!

– Вы знаете, что Земля вращается вокруг Солнца? А не Солнце вокруг Земли? Вы знаете, что планета Земля приплюснута с полюсов? – после этих вопросов мы открыли рты и забыли про сигареты.

Мы молча слушали молодого человека, призванного в ряды Железнодорожных войск из-за пьянства и разврата.

– Два полюса Земли – Южный и Северный соединены невидимой осью. Эта ось невидимая, но она есть! Наша планета вращается не только вокруг Солнца, но и вокруг своей оси. Вращение Земли по отношению к Солнцу происходит не параллельно земной оси, а под углом. Земля описывает вокруг Солнца не правильный круг, а выгнутый, приплюснутый, поэтому расстояние нахождения планеты Земля до Солнца разное, оно колеблется в разное время года до пяти миллионов километров.

Когда расстояние увеличивается, наступает зима, когда уменьшается – лето. Так же и долгота дня. Летом – светлое время суток длиннее, чем ночь, а зимой – наоборот. Всё зависит от угла, под которым лучи Солнца падают на поверхность нашей планеты, и расстояния. Всё просто! Есть места на нашей планете, где никогда не бывает зимы и не выпадает снег, круглый год – лето. Эти места находятся по обе стороны от Экватора.

Солнце, в отличие от Земли – Звезда. Звезда Галактики Млечный Путь. Размер Солнца в 109 раз больше нашей планеты. Звёзды от Планет отличаются тем, что излучают тепло и свет, а планета, как зеркало, их отражает, а так же планеты – это просто тёмные небесные тела. Не было бы Солнца – и не было бы жизни на Земле. Ну, а если бы и была, то мы бы жили в крошечной темноте. И ходили бы, освещая свой путь спичками, хотя и спички бы не из чего было сделать, потому что без Солнца на нашей Земле не росли бы деревья! Солнце – это плазменный шар, на котором постоянно происходят термоядерные реакции, за счёт которых и происходит выделение тепла и света...

Я и Ванька смотрели бывшему студенту прямо в рот.

Мы слушали бы его и дальше, но пришло время обеда, и бывший студент из Ленинграда поспешил к солдатскому столу.

Мы даже не спросили его имени.

Но мы поняли, что доучившись до третьего курса, даже не закончив своё образование, наш новый знакомый набрался больших знаний, а

особенно про планеты и звёзды.

На карьере воцарилась тишина.

Солдаты убыли на обед.

Планета Земля делала свой очередной круг вокруг звезды, названной Солнцем, а вокруг наших детских голов кружил осенний листопад 1968 года.

Ходули

Утром я проснулся от того, что у меня сильно заняло правое плечо. И это произошло не просто так. Вчера целый вечер на поляне мы играли в «городки». Игра очень интересная. В неё можно играть до бесконечности. Но дело в том, что с первого взгляда в этой игре ничего особенного нет. Но это с первого взгляда. Это до тех пор, пока сам не попробуешь поиграть в «городки». Правила игры очень просты. Палкой, которая называется бита, необходимо выбивать из «города», квадрата, фигуры, которые сооружаются из пяти цилиндров. В городки играют во всех уголках огромной страны. «Городки» была одной из любимых игр Владимира Ильича Ленина.

Вчера играли команда на команду. Играли до тех пор, пока совсем не стемнело, и уже не было видно фигур.

И вот сейчас правая рука почти не поднимается. Моя бита весит больше килограмма. А я кидал её вчера не один час подряд.

А сегодня я сидел на крыше сарая и стрелял по пролетающим воронам из рогатки. Занятие очень интересное, тренирующее меткость и, конечно же, усидчивость.

После очередного выстрела, когда из хвоста вороны было отбито одно перо, я увидел картину, от которой мой рот самопроизвольно открылся от удивления.

Валерка Любимов двигался очень странным способом во дворе у братьев Докичевых. Складывалось впечатление, что он вытянулся примерно на метр. Потому что его колени находились почти на уровне забора. Через несколько мгновений я уже покинул своё насиженное место на крыше и вприпрыжку помчался к бане соседей, где должен быть на данный момент Валерка.

Валера сидел на бревне у бани и прикуривал сигарету.

– Как успехи? – спросил Валерка, показывая пальцем на рогатку в моих руках.

– Редко попадаю влёт! Но я стараюсь!

Сбоку от Валеры стояли две палки с приколоченными к ним брусками.

Не дожидаясь моего вопроса, он просветил меня:

– Это ходули! Хочешь попробовать?

– Да у меня вряд ли получится! Ведь это очень тяжело. Тут учиться долго надо! Думаю, не один год?

– Иди сюда! – позвал Валера, и я уже стоял рядом.

– Надо встать сюда! – он показал на бруски, приколотенные примерно на высоте полуметра от земли.

– После того, как встанешь на них, обхватывай руками палки – и вперед. Главное – это поднимаешь рукой палку, ослабляй ту же ногу. Держи всё тело прямо – и всё получится.

Легко сказать, держи тело прямо. А если оно не держится?

– Во всём нужна сноровка, закалка, тренировка! – читал нравоучения Валерка.

Я несколько раз пытался встать обеими ногами на ходули, но, к сожалению, не хватило мне ни сноровки, а тем более, тренировки.

Я вставал на ходули, секунду, вторую – и тело перевешивало вперед, я соскакивал со ступенек, отпускал руки и соскакивал на землю. Ходули падали. Так я повторял несколько раз.

– Затянешься? – наконец, спросил Валера.

– Не откажусь!

К Серёжке Устинову я пришёл не с пустыми руками, а с ножовкой.

Серёга у своего дома качал колесо велосипеда.

– Чего пилить собрался? – спросил он.

И я рассказал ему про Валерку и его ходули.

Через несколько минут мы стояли в лесу и подбирали подходящие берёзы для изготовления приспособлений для передвижения по земле, не касаясь своими ногами её поверхности. Почему берёзы? Мы подумали, что именно берёза – то дерево, из которого выйдут крепкие ходули.

Не менее часа ушло на то, чтобы выбрать четыре берёзы подходящего диаметра.

Мы их отесали прямо в лесу.

Ступеньки мы приколачивали уже у Серёги во дворе.

Это оказалась не самая простая работа.

Приколотить брусок к берёзе, что может быть проще? Но это до тех пор, пока не начнёшь этим заниматься.

Я держал берёзовую палку и ещё брусок, который будет ступенькой, а Серёга пытался их соединить в одно целое при помощи гвоздей.

Гвоздь забивали под углом, чтобы крепче держалась ступенька. И это получилось не с первого и не со второго раза. Но в итоге уже через час две пары ходулей из свежесрубленных берёз красовались у Серёжиной сарайки.

Дело было за малым, научиться на них ходить.

Ходить на ходулях – это оказалось не проще, чем научиться катать-

ся на велосипеде. Что бы, казалось, такого сложного? А вы попробуйте – и сразу поймёте, что это не так.

Серёга забрался на вторую ступеньку лестницы, поставленной у сарая и, поставив ноги на бруски, совершил первых два шага и спрыгнул с ходулей. Потому что третьего шага не удалось сделать. Он потерял равновесие, и земное притяжение сделало своё дело.

– Давай, теперь ты пробуй! – сказал он мне, и я полез так же на лестницу. Поставил ноги на ступеньки ходулей, чуть оттолкнулся и, сделав только попытку сделать первый шаг, так же спрыгнул с берёзовых ходулей.

– Что-то не получается! – признался я.

– Давай ещё раз! – предложил Серега.

И этих разов было очень много.

У Сережки раз на двадцатый уже получилось пройти по всему двору до калитки. А я мог только сделать максимум четыре шага и спрыгивал на землю.

Моя способность ходить на ходулях оказалась не такой, как у моего друга. Но я не очень расстроился.

Лиха беда – начало.

Буду тренироваться каждый день и буду лучше всех ходить на этих берёзовых палках.

Главный принцип хождения на ходулях – это умение держать равновесие, как и на велосипеде.

Но мне показалось, что велосипед я осваивал намного быстрее и проще, а возможно, это только кажется.

Мишка Ентяков возник из ниоткуда. Его голова в кепке появилась над забором Серёжиного огорода.

– Вы чего тут делаете? – начал издали Мишка.

– Видишь, на ходулях учимся ходить! – ответил Серёга, даже не глядя в Мишкину сторону.

– А чего на них учиться? Встал и пошёл!

– Ну, иди, встань! – предложил мой друг, уже обратив на Мишкину персону внимание.

Мишка открыл калитку и зашёл в заулоч.

– Ну, чего тут у вас делается?

– На, вставай, и пройди хотя бы метр! – сказал Серёга и отдал Мишке свои ходули.

Мишка даже не пошёл к лестнице, а с места запрыгнул на ходули и пошёл. Вернее сказать, побежал на них.

Нашему удивлению не было предела.

Мишка сделал пару кругов по двору и, подойдя к нам, спрыгнул с ходулей.

– Учитесь, пока я жив!

Мы с Серёгой стояли и чесали затылки.

И было с чего. Человек первый раз встал на ходули и не только пошёл, а побежал на них.

– Можно было палки и посуше найти, а то эти уж очень тяжёлые.

Мы ничего не сказали в ответ.

У нас просто не было слов.

А что тут скажешь?

– Пойдёмте лучше на поляну, бутылки повзрываем, у меня есть парочку кусков карбида! – и сказав это, не задержался в заулке у Серёжки и направился в сторону поляны.

– Пойдём? – спросил я.

– Пошли, только сапоги оденем! – сказал Серёга и пошёл домой.

Я был уже в сапогах, в резиновых, но решил одеть свои любимые, керзачки.

И вот я с ходулями подошёл к дороге. Проезжая часть улицы вождя мирового пролетариата была похожа на болото.

И, конечно же, я решил перейти её на своих ходулях. Ведь они и были изобретены именно для этого, для хождения по грязи, чтобы не портить обувь.

Но я не рассчитал свои силы, понадеялся на авось. Я, как Мишка, запрыгнул на обе ходули одновременно, сделал первое движение, которое у меня получилось на удивление просто.

Правая нога сделала первый шаг вперёд – и всё...

При следующем движении, когда упор был на правую ходулину, я попытался переставить левую, но у меня ничего не получилось. По простой причине – правая ходуля начала проваливаться в бездну, её начала засасывать тряси́на. Было нарушено главное правило – я потерял равновесие, и под углом девяносто градусов, вперёд головой, я вошёл в жидкую грязь.

Удар был очень сильный.

Я ведь упал не с высоты своего роста, а на полметра выше. Жижка попала в рот, в нос, в уши.

Я начал захлёбываться.

Я начал тонуть посредине улицы, названной в честь Владимира Ильича.

Выставив руки, я хотел подняться на них, но они, как и мои берёзовые ходули, просто уходили вглубь земли.

Я не на шутку испугался.

Но надо было спасти свою юную жизнь.

Собрав все силы, я каким-то чудом перевалился набок, затем лёг на спину.

Но и при этом положении я медленно, но верно погружался в тряси́ну улицы Ленина.

Меня спасли мои ходули. Вернее, правая из них. Я левой рукой случайно её нащупал и мёртвой хваткой вцепился в неё.

Подтащил к себе и приподнялся. Глаза уже были забиты грязью. Я вообще ничего не видел, что творится вокруг.

Борясь за свою жизнь, я каким-то чудом встал на ноги.

Протёр глаза и резко хотел прыгнуть вперёд. И это у меня получилось, но уже без сапог. Сапоги остались в трясине. Я полз по-пластунски.

– Где тебя, дьявола, носило? Почему босой? – были первые слова бабушки Симы.

Я ничего не ответил. Снял рубашку, которая уже от грязи весила пару килограмм. Снял штаны, на которых было грязь целое ведро, и, умыв лицо из ведра у колодца, побежал в баню.

И пока я приводил себя в порядок, бабушка Сима при помощи лопаты достала мои сапоги. Принесла ходули и успела их порубить топором.

А я помыл свои волосы дважды вкусно пахнущим мылом «Мойдодыр». Несколько раз окатился водой и потихоньку через двор пробрался в дом.

Я быстро одел новые штаны, рубашку, одел на ноги свои любимые сапоги из кирзы, так же тихо двором пробрался в огород и двинул в сторону поляны, где уже прозвучал первый взрыв.

Мишка своё дело знал туго.

Бабушка Сима ходила возле бани и ругала меня на чём свет стоит, думая, что я ещё моюсь.

Второй взрыв прозвучал минут через пять.

– Ты чего так долго? – спросил Серёга.

– Я чуть не утонул! И ходулей у меня тоже больше нет!

– Ложись! – крикнул Мишка. И тут же прозвучал третий взрыв.

На верхушке засохшей сосны стучал дятел. Он не обращал никакого внимания, ни на нас, ни на наши взрывы. У него была своя работа которую он выполнял с огромной радостью и себе в удовольствие.

А ходулей я больше никогда не мастерил. Мне хватило и одного раза. Одного и на всю оставшуюся жизнь...

ЕЛЕНА КОПОСОВА

СЧАСТЛИВЕЙ БИЛЕТИК

– Почему? Почему? Почему?

Вновь задавала она себе эти вопросы и волокла старые лыжи и, проклиная коробку с вещами сестры, верёвка от которой врезалась ей в ладонь. Почему всё не так, как бы ей хотелось? Почему она не может сказать сестре, что у неё нет времени помогать ей с переездом? Почему муж, которому она старается угодить во всём и не тревожить по мелочам, снова нашёл тысячу отговорок и не поехал с ней? Да, он не говорит это вслух, но по его недовольному виду она всегда знает, что он не намерен помогать её сестре, не намерен тратить на неё своё драгоценное время. Вот и на этот раз она попалась на удочку! Сестра воспользовалась тем, что она никогда не может ей возразить и представить неопровержимые доводы о своей занятости.

Она шла, вернее, ковыляла из-за коробки и лыж вдоль решётки парка. Стояла ранняя весна. Утром было промозглым и холодным. Дул северный колючий ветер. Но солнце светило так, как будто оно радовалось новому дню и предвещало надежду на лето, жаркие дни, золотистый пляж и тёплую, как парное молоко, воду в реке.

Она сообразила, что оставшиеся три остановки можно доехать автобусом. Да, как раз вдалеке показался автобус под номером 3. Она рванула наперерез легковой машине, уже не думая о последствиях.

...Стоя недалеко от входа, она прислонила к заднему стеклу лыжи и, наконец, освободилась от режущей веревки. Стоя у поручня, она снова наслаждалась видом, простирающимся из окна. Вокруг текли ручейки. Они журчали и весело сгоняли с асфальта мусор и зимнюю тоску.

...Она чуть не проехала свою остановку. Выскочив из автобуса, снова посмотрела на коробку с вещами. Взяв её в руки, она вдруг ощутила: чего-то не хватает! Лыжи! Она стояла, как вкопанная. Стоять столбом – это было про неё. Первая мысль – отнести коробку, позвонить сестре и слушать-слушать её упреки о том, что она непутевая и безответственная.

Нет. Должен быть ещё выход. Она подумала и нашла его. Ведь этот автобус будет возвращаться назад. Она дожждётся его и, заскочив, заберёт лыжи! Да, а вдруг он сейчас пойдёт на перерыв? А вдруг лыжи оставят на последней конечной остановке в камере забытых вещей? Она слышала о таком. Но оставалась надежда. Она прислонилась к бетонной тумбе и почему-то полезла в кошелек. Из него посыпались старые автобусные и трамвайные билетки. И в тот же момент она услышала

голос. Подняла глаза. На неё смотрел высокий щеголеватый мужчина.

– Извините, а у Вас много таких билетиков?

– Есть.

– А Вы могли бы поделиться со мной? Вы понимаете, часто езджу, а командировки оплачивают только по билетам.

Она слышала про такое.

– Но ведь они не по порядку, – хотела она возразить.

Мужчина смущённо улыбался.

– Ничего. Это не важно.

Она стала выгребать из кошелька старые билетики. Сама удивляясь их количеству. Откуда-то в сумочке оказались даже несколько билетных рулончиков.

– Да, с ребятами ездили, – вспомнила она.

Она не забывала поглядывать в сторону автобуса, который должен был появиться с минуты на минуту.

Но на своём лице она не переставала ловить заинтересованный взгляд случайного прохожего.

Он спросил:

– Вы автобуса ждете?

И тут она, утомлённая невысказанной обидой на сестру, чувством одиночества и непонятости со стороны мужа, вдруг начала рассказывать ему – незнакомцу, свои злоключения. Но у неё это выходило так естественно и с юмором, что у всех, кто находился недалеко и слышал её рассказ, заискрились глаза, и даже у неё навернулись слёзы облегчения от возможности поделиться тем, что у неё на душе. Она рассказывала, как тянула эти старые лыжи вдоль парка. Парка, где раньше сама каталась на лыжах. Её наполняло чувство лёгкости и то, что она может кому-то поведать на этом примере о своей однообразной неинтересной жизни. Она так и осталась девочкой на побегушках у своей старшей сестры, а муж видит в ней только домохозяйку и человека для выполнения чужих желаний.

– Да, я палочка-выручалочка, – вдруг сказала она. И поняла, что так и есть. Она была нужна всем. Без неё никто в их семье не мог обойтись, все на неё надеялись. А она, она сама не представляла своей жизни без них – её родных. Именно в этом и была её жизнь. Это осознание озарило её. И этот всплеск радости отразился в её глазах. Незнакомец глядел на неё и всё понимал. Он перебирал в ладонях автобусные билетики и чего-то ждал от неё. Он робко поднял глаза и спросил:

– А вы часто бываете здесь?

Этот вопрос вывел её из состояния эйфории.

Здесь? Она здесь почти никогда не бывает. Это случай заставил её ждать этот автобус с лыжами. Она живёт и работает в другом районе.

Она просто помогает сестре...

Он умоляюще глядел ей в глаза.

– Я сам впервые на этой остановке. Можно Ваш номер телефона?
Не хочу Вас терять.

Люди, стоящие поблизости, расслышали его слова. Особенно одна женщина. Она очень внимательно посмотрела на молодых людей и понимающе покачала головой.

А что ей было терять? Молодой человек, показавшийся ей в первый момент щёголем, отличался хорошими манерами, приятным голосом, внимательным взглядом. Чувствовалась военная выправка. Он нравился ей. Она начала называть цифры. Но последние слова утонули в гуле подъехавшего автобуса. Она рванула в него, увидела свои старые лыжи. Схватила их и вылетела обратно. В толчее они потеряли друг друга.

Его унёс человеческий вихрь.

...Стоя одна на остановке, она с горечью думала о своей неожиданной встрече. Вспомнились строчки поэта: «Она, взмахнув ресницами, вскочила на подножку...».

Так они расстались. Солнышко растапливало сугробы, до лета было ещё далеко. Но эта встреча в её сердце поселила надежду. Надежду на тепло и радость, на возможную встречу со счастьем!

ЛЮДМИЛА КОПЫЛОВА

ВЕСНА ИДЁТ

Я смотрю на широкие доли,
Я иду рядом с лесом – весна!..
Как щебечут пичуги на воле –
Поднебесные колокола.

На душе и легко, и вольготно.
Что мне тернии быта сейчас!
Будто в детстве я вновь побывала,
В голове рай земной без прикрас.

Весну чувствует даже травинка –
Молода, зелена и стройна...
Расцветает у дома рябинка.
В небе – облачно и синева.

Торжествуй же, весна, в каждой клетке,
В каждом сердце отметку оставь!
Мы, весна, твои кровные детки.
Ты – Богиня сегодня, – и правь!

ВЕЧНЫЕ ПЕЧАЛИ

А людям, как и всей Земле,
Присущи вечные печали...
Об этом соловей мне пел,
Когда рассветы я встречала.

Он пел про мимолётность дней,
Что всё на свете умирает.
Как гимны юности твоей,
Надежды дней последних тают.

Ты вспомнишь грёзы вдохновений
И ранней юности мечты...
О, сколько радостных мгновений!
И вдруг стоишь ты у черты.

Простите, дни весенних звонов...
Не знала, что уйдёте вы –
Уж нет душевных разговоров,
И сны романтики ушли.

О СЧАСТЬЕ

Счастье беспредельного богатства...
Нет, такое точно не со мной.
Счастье – до мечты моей добраться
И с азартом строить бытиё.

Для него труда я не жалею,
Ночи я могу не досыпать.
Но плоды труда когда имею –
Это можно счастьем называть.

Сколько положительных эмоций,
И флюиды радости вокруг.
Без математических пропорций,
Без скупых расчётливых потуг.

Пусть успех порою и сорвётся,
Зря старалась, не жалея сил...
Что ж, фортуна завтра улыбнётся.
«Не печалься!» – ангел говорил.

ИДЁТ К ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕК

Природа – Храм земной и Бог.
Её величие – не примножить.
Постичь её никто не смог,
Ты можешь чувство лишь приложить.

В тоске ли, в радости иль в горе –
Идёт к природе человек.
Она разделит его долю,
Она же примет и навек.

ГАЛИНА КРЕЩУК

* * *

Всё чаще думаю о жизни,
О детях, внуках, о любви...
Смотрю на небо с укоризной –
Уж не за мной ли журавли?

Летят, крылами быстро машут,
Видать, торопятся они...
Не испила я жизни чашу,
Ещё не все прожиты дни.

Ещё не все стихи излиты
На белоснежную тетрадь.
Не все печали позабыты,
И есть ещё чего терять.

Вы, журы, мимо пролетайте,
Вам помашу рукой вослед.
Моим родным передавайте
Горячий, пламенный привет.

УТРО НА ДАЧЕ

Встала утречком, зевнула,
Подбоченся прошла.
Молча в зеркало взглянула,
Но себя там не нашла.

На меня глядела тётка –
Лет так семьдесят на вид.
Я смекнула – тётка «с глоткой»!
Хоть ни чё не говорит.

Постояла, попытела,
Нос повыше и – вперёд!
Я её ведь не задела –
Потому и не орёт...

Я – ПЕНСИОНЕР
(шутка)

Почему семь дней в неделе,
А не двадцать?

Только семь...

Ничего мы не успели,
А запорхались совсем.

Вот, кручусь, как заводная,
От зари и до утра.
Суп сварить не успеваю,
А обедать уж пора.

Пол не мытый две недели,
И не глажено бельё.
Что со мною, в самом деле,
Что же это за жизньё?

Раньше было всё иначе,
Успевала я всегда.
Шила, штопала, вязала
И оладушки пекла.

Деток грамоте учила,
От простуды берегла.
На работу я ходила
И ударницей была.

Всё всегда я успевала
И была во всём – пример.
Видно, я совсем устала.
Что ж? Ведь я – пенсионер.

* * *

Люблю тебя, родная Русь!
Люблю душою и всем сердцем!

С тобою спорить не берусь, –
Любовь моя покрепче перца!

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

* * *

Гостит по-мальчишески мальчик
В заветной квартирке одной,
Звенит о стаканчик стаканчик –
То было весенней порой!

Гостит по-мальчишески мальчик
В заветной квартирке другой,
Звенит о стаканчик стаканчик –
То летнею было порой!

Гостит по-мальчишески мальчик
В заветной квартирке лихой,
Звенит о стаканчик стаканчик –
То было осенней порой!

Гостит по-мальчишески мальчик
В заветной квартирке одной,
Звенит о стаканчик стаканчик –
То было морозной зимой!

Гостит по-мальчишески мальчик
В холодной квартирке сырой,
Звенит о стаканчик стаканчик –
Увы, над его головой!

* * *

В. Фомину

Струится вдаль неспешно речка
И убаюкивает дом,
И, как в задумчивости, печка
Стоит, как дремлет, под окном.

И заливается пичужка
В кустах, нависших над водой.
О чём-то квакает лягушка,
Любуясь будто бы собой.

А я мечтаю, я мечтаю,
Шагая по лесной тропе.
И книгу памяти читаю
В невольных мыслях о судьбе.

* * *

Кукушка вдали куковала,
Считал я, да сбился считать.
Мне годы она обещала,
Любимая – сердце отдать!

И вот на знакомой опушке
Стою я и слышу опять:
Кукует, ку-ку-ет кукушка,
А годы торопятся вспять!

Да только вещунья лесная
С тобою меня не свела,
Да только девчонка другая
Мне сердце своё отдала!

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

РОЖДЕНИЕ НОВОГО СТИХА

Написанному – не верь!

*«Когда набежит слеза,
Как будто задела нерв,
Неслышимые голоса
Поэту диктуют в такт
Струящейся мысли сдвиг...».*

.....

Однако, совсем не так
Рождается новый стих!

Они прилетят извне,
Но нечего им сказать –
Останутся в тишине
Звонящие голоса,
Покуда поэт не взял
Железной своей рукой
И миру не показал
(Лишь он, и никто другой)
Их в клетке своих стихов,
Как львов, антилоп, горилл...
Рождения путь таков,
Кто что бы ни говорил.

* * *

Все поэты, наверно, по-своему правы,
Пусть же каждый другого услышит, поймёт.
У одних строки лягут, как росы на травы,
У других – тяжело собираемый мёд.

* Кузнецов Николай Витальевич

* * *

Грозовые облака –
Словно всадники лихие!
Если ты силён пока,
Не склоняйся пред стихией!

А потом, на склоне лет,
Жизнь листовая, словно книжку,
Никакого смысла нет
За грозой бежать вприпрыжку.

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье Лето –
Бабник знатный!
Бродит где-то...
Всем понятно,
Он не вечен,
Он устал,
Гаснут свечи,
Кончен бал...
Но покуда
Бродит где-то,
Бедно-худо,
Всё же лето!

* * *

Странная погода в сентябре.
Вроде бы, и осень на дворе,
Но сияют солнечно лучи,
Дождик сиротливо не стучит.

А потом вдруг туча налетит...
Осень будто людям говорит:
«Вот вам солнца луч! Хотя... Не дам».
Осень нас готовит к холодам.

ЛИНА ЛОНГМАН

* * *

Вам всех чувств не испытать,
На ходу сломаетесь, сознётесь...
Я не стану даже врать,
Ведь узнать меня так сильно рвётесь.

Я лишь одно сказать могу,
От жизни одинокой не устала.
Смело улыбнусь врагу,
Ни перед кем я не упала...

И в дождь под зонт не прячусь,
От бед укрытия... я не ищу...
И в одиночестве не плачу,
Но за свой дом, я отомщу!

Вы, что я, не пережили.
И судить меня вам не под стать!
Вы, может, где-то так же поступили,
А может, не смогли рубля отдать!

Но мой сценарий – самый лучший,
Я очень жизнь свою люблю!
И как бы он меня не мучил,
Я с удовольствием стерплю!

* * *

«Один раз молоды бываем!» –
Так говорил Шекспир.
И каждый день мы угасаем
Для жизни в поисках светил.

Мы постоянно ожидаем,
Что лучше станут времена
При этом близких забываем,
Во сне твердя чужие имена.

Нам деньги не дают покоя,
Машины, люди и война.
Любовь мы делаем изгоем,
Она для нас лишь ерунда.

А ты меня ведь не любил,
Мы время зря теряем.
Как говорил Шекспир:
«Один раз молоды бываем!»

* * *

Когда меня не станет,
Не нужно цветов помпезных!
Этот букет всё равно завянет,
А я буду среди Вселенных.

Не надо речей сопливых,
В суете подбирать кресты,
Ещё много людей красивых,
Забывайте мои черты...

Когда поздно, не надо думать,
Что воплотимы были мечты.
Постороннего шума не слушать,
И пора бы сжигать мосты.

Это выбор, я просто устала
От поглощающей меня пустоты.
Я сама себя истаскала –
Слишком сильно ждала любви.

* * *

Ей бы слушать каждое слово,
Для него дышать каждый миг.
А он так смотрит сурово,
Будто не читал её книг.

Им бы рядом навеки
Пережить всё подряд,
Но порознь, будто калеки,
О своём удобстве твердят.

Ей бы утром завтрак готовить,
Ещё не причёсанной и в чулках.
План действий на день построить
И на работу бежать в каблуках.

Они не знают счастья земного,
Что уж тут говорить...
На неё он смотрит сурово,
Будто не читал её книг.

* * *

Она больше не хочет внимания,
Цветов, на кошек и в кино.
Ты сломал её душу молчанием,
Ей теперь на любовь всё равно.

Ты молодец, научил её многому,
Пить вино и играть в казино...
Взгляду и голосу строгому,
Но для неё в жизни важно одно –

Стремиться к чему-то высокому,
Лишь тебе отдавать всё тепло.
К образу привыкла она, одинокому,
Уже ни о чём не мечтает, прошло.

Знаешь, она не хочет внимания,
Цветов, на кошек и даже в кино.
У неё одно осталось желание –
Быть всю жизнь с тобой за одно.

* * *

В тишине красота! В покое.
В уютных безоблачных днях.
Не в поездках на море,
Не в драгоценных камнях,
А в дождевом узоре
И бескрайних степях.
В сваренном утром кофе,
Принесённом в любимых руках.
В минутных моментах...
Красота – это счастье в глазах!
Её не измерять в процентах,
У кого-то она лишь во снах.
В природных акцентах
И у людей, живущих в общих мирах.
Красота – это сила,
Присущая лишь в смелых сердцах!
Красота видна лишь в любимом,
У меня она – в твоих добрых глазах!

* * *

Ты будто строк этих не видишь,
Будто и не смотришь сюда...
В сторону мою дышишь,
Знаешь, что я без тебя никуда.

Но к большему не стремишься,
Думаешь: «Удобно и пусть...».
На работу в пять утра уже мчишься,
Я понимаю, тебе не до чувств.

Но в бардаке своих мыслей –
В центре, я знаю, держишь меня.
И если у нас девять жизней,
Я восемь отдам за тебя!

Давай же будем мы вместе
Мою единственную жизнь!
Вдвоём, поверь мне, интересней
Все наслаждения постичь.

ЛИДИЯ ЛЮБОМИРСКАЯ

В ТОБОЛ НЕСЁТ СИНТАШТА ВОДЫ

Бессмертный дух насытил травы.
Цветёт всё помнящая степь.
Отсюда вынесли во славу
Божественных событий цепь –

Как из небесного начала,
С благословения светил.
Мерцают звёзды астрагала...
Дождь щедро землю намочил.

В Тобол несёт Синташта воды.
Устало дремлет Аркаим
Под куполообразным сводом,
Секрет мистерий затаив.

Лимонно-пряный вкус тимьяна...
Расцветы и закаты царств.
В одеждах белых и багряных
Сам богогласный Зороастр.

Чуть свет проснулись как-то птицы.
Луч солнца окна ослепил,
И покатались колесницы
На юг по утренней степи.

Теперь так тихо в диком поле,
И песнопенья не слышны.
Но только видно на приколе
При свете мертвенной луны –

Как отражение и отзвук,
На небесах, что на земле:
Две колесницы – две повозки
И гвоздь Полярный в неба мгле...

УЗКА ТРОПА НА ЗОВ ВЕТРОВ

Сияет ночи адамант...
Луна, налившаяся кровью.
Кого все ждём? Мы – есть десант,
Ниспосланный ЕГО любовью!

Узка тропа на зов ветров.
Чертополох да конский щавель...
А сколько сделано кругов?
Нам боги утро обещали.

Надежда есть, что рассветёт.
Да кто ж так в травах горько плачет?
Затеплился зарёй восход,
Иль майя чудит – всё иначе?

Желтеет к осени листок
Пятном сквозь призрачность тумана.
Сочится время... вновь виток
В преддверье сна или обмана?

Как будто пенье... хоровод...
Молчи бездушная стихия!
Не сточит камень толща вод.
Трепещут солнечные крылья.

А кто-то тоже слышит глас
Страниц Глубинной книги Феба?
Никто не сделает за нас.
Не ждите больше чуда с неба.

Мы – тот спустившийся десант,
И много нас – теперь прозревших.
Примите антидепрессант,
Кого в трёх соснах водит леший.

Пришли мы снова в этот мир,
Презревши тьму средневековья...
Отец и брат наш – Богумир.
Мы память и любовь сыновья!

ЗОЛОТАЯ ЛАНЬ

Старик поведал без прикрас
Мне о таинственном цветке.
Был о заклятье тот рассказ,
И о последнем лепестке,

Который с розы упадёт,
И провидение тотчас
Сожмёт сердца влюблённых в лёд,
Холодным маревом сочась.

...В богатом замке жил милорд.
Охоту псовую любил.
Борзым кричал – «Апорт, апорт!»
И дичь из леса приносил.

На кухне пар и жар, и пыл...
И жир стекает с вертелов.
И светится на солнце пыль.
Летает пух перепелов.

Жаркого запахом дразня,
Столы накрытые стоят.
Зажёг дворецкий канделябр
Над разносортницею яств.

В хрусталь налил для всех вина.
В фарфоре фрикасе из птиц.
И только гостя лишь одна
Не хочет – есть, не хочет пить.

Опять сослалась на недуг.
Ах, эта головная боль...
И, будто бы, в лице испуг.
Флакочник нюхательный... соль...

Гуляет весь милордов двор,
Лишь отлучаясь на лохань.
Все гости пьют и разговор
Ведут, что золотая лань –

Нет-нет, да и мелькнёт в лесу,
Среди деревьев и листвы...
Еды чтоб не давали псу.
Ружей почистили б стволы...

Гуляли долго, до утра.
С похмелья сели на коней.
Погоня – это же игра.
Свистки и крики егерей

Всех взбудоражили... из фляг
Рад каждый браги отхлебнуть.
И виделся им лани взгляд,
Азарт погони полнил грудь.

Вот первым вырвался милорд.
Он видит рожек лани блеск.
А ну-ка – фас, вперёд, апорт!
Раздался выстрел – гром и треск...

Лежит поверженная лань.
Охотник к ней – ах, колдовство...
То гостья - дева, кровь из ран...
Вот тёмных духов торжество...

...Осыпался разрыв-цветок
У замерзающей реки...
Без выстрела спущу курок.
Беги, моя любовь, беги.

ПАДАЛ ПЕРВЫЙ СНЕГ

Всю ночь сегодня тихо падал первый снег.
Такой невинный, лёгкий, белый-белый.
Хрустальный будто слышался снежинок смех,
А город спал – затихший, опустелый.

Светился снег и перламутрово сиял.
Ночь без луны была – как под луною.
Воспоминания от грёз вели в астрал...
...Куда мы шли в такую ночь с тобою?

МНЕ ВСЕХ ЦВЕТОВ МИЛЕЕ ВЕРЕСК

Мне всех цветов милее вереск.
В лиловых венчиках цветок
Пустынный украшает берег,
Леса, обочины дорог.

Покрыто дымкою болото.
Встаёт над вереском туман,
И видится – там ходит кто-то,
Идёт в тумане великан...

Наверно это, выпив зля –
Запив им вересковый мёд,
Гуляет в дымке древний Велес,
Где вереск розовый цветёт.

Мне нравится и белый вереск.
Вот месяц вересень придёт –
Корзинку с вереском на двери
Я прикреплю и в этот год.

Пусть эль из вереска так хмелен,
А мёд – горячая любовь,
Магический, растущий в елях –
Мне вереск всех милей цветов.

ПЕСНЯ СОЛЬВЕЙГ

Пал снег на крыши и в зелень дёрна...
Средь рваных туч звёзды жнёт лунный серп.
Бьётся прибой там, у скал фиорда –
В медвежьей шкуре ярится берсерк.

Стонут свинцовые в море волны,
И Асгард небесный скрыл снегопад.
Судьбы людские сплетают в нём норны.
Им о Вальхалле сложил вису скальд.

В спячку медведь впал – злобный дух Локи.
В берлоге улёгся и засопел.
Рядышком с елью – кто это, боги,
Так нежно-нежно, чей голос запел?

Это поёт свою песню Сольвейг
О том, как Пер Гюнт – её друг исчез.
Пенье лесные слушают тролли,
И зачарованный замер весь лес...

Стонут свинцовые волны в море.
На берег вытащены корабли.
Старая сеть висит на заборе.
А в белом снегу сидят глухари...

ОДИН БОКАЛ ЗА РОЖДЕСТВО

Один бокал за Рождество
Сегодня выпей ты со мною...
За сказочное волшебство
И за сиянье звёзд с луною.

За блеск твоих красивых глаз,
Свой цвет ничуть не изменивших.
За то, что видимся сейчас,
Друг другу только лишь приснившись.

За то, что было и прошло,
И жаль, но больше не вернётся.
За то, что время не сожгло.
За то, что утром всходит солнце.

Искрится снег, летит с ветвей,
Скрипит под чьими-то ногами.
Бокал шампанского налей
За то, что не случилось с нами.

Опять на ёлочных ветвях
Висят красивые игрушки.
Вся ёлка светится в огнях.
Гремят на улице хлопушки.

Морозный воздух, как хрусталь,
Звенит гитарною струною.
За Рождество один бокал
Сегодня подними со мною...

ТЫ НЕ ХОДИ В ТОТ СТАРЫЙ САД

Ты не ходи в тот старый сад...
Там не найти того, что ищешь.
Дождями тушат небеса
В нём клёнов выросших кострище.

Где было от цветов пестро,
Цепляет ноги ежевика,
И пахнет яблочным ситро
Трава сырая – повилика.

Упавших яблочек сладкий хмель
Вернуться в прошлое поманит...
Но боль пронзит... шипом сумел
Терновый куст ладонь поранить.

Усыпан ягодами куст –
Лишь не хотят клевать их птицы.
Цвет сизо-синий, терпкий вкус...
И слёзы виснут на ресницах.

Всё было, кажется – вчера,
Да вот ушло и не вернётся.
Остался куст – терновый страж...
И ощущение сиротства.

БЛЕДНЕЕ СИРЕНИ ОКТЯБРЬСКОЕ НЕБО

Бледнее сирени октябрьское небо.
Дождь залил пылавший кленовый пожар.
...И страсти утикли... цветком курослепа
Глядит с неба солнца мерцающий шар.

На улице зябко... чуть стукнет калитка,
Да пёс звякнет цепью, лениво взбрехнув.
С теплом летним рвётся связавшая нитка,
И осень за летом уходит ко сну.

Уходит не только продрогшая осень.
Звучит с холодами всё чаще – прощай...
И лодка на отмели с парюю вёсел
Стоит сиротливо, внушая печаль.

Ах, дождь монотонный, осенняя слякоть
И шелест промокших зонтов и плащей...
Когда-то хотелось мне осенью плакать.
Теперь поняла – всё в порядке вещей.

Печаль и разлука – всё закономерно.
И счастье равняется цифрой потерь –
Где поздняя осень с погодою скверной
И жаркое лето с любовью твоей.

ЗАГУЛЯЛО ЛЕТО

Загуляло лето, загуляло...
Холода стоят который день.
Дождь и ветер налетают шквалом
В сквере на персидскую сирень.

И она - не ведая, не зная,
Что её цветы вдруг оборвут,
Словно дева бедная, нагая,
Отдала себя на божий суд.

Не судите люди, не судите.
Кто не судит – тот и не судим.
Зря княжну персидскую обидел,
Под дождём оставив ледяным –

Этот ветер, точно Стенька Разин,
И ему ни в чём удержу нет -
Рвёт и мечется в хмельном экстазе,
Не предвидя горестей и бед.

Он пленил княжну – сирень, и взглядом,
Будто ветром, деву раздевал...
Стенька – русский атаман поддатый,
Жадными устами целовал.

Наигрался, да и в воду бросил,
Не подав княжне своей руки.
...И несёт сиреневые косы
Под дождём течение реки.

ЕЛЕНА МАКСИМОВА

ВЗГРУСТНУЛОСЬ

Не знаю, зачем мне сегодня взгрустнулось...
Взгрустнулось так просто, да быстро прошло.
Что было – давно в моём сердце уснуло,
Что было – давно уж быльём поросло.

Всего-то и было – три встречи осенние,
А врезались в память занозы острей,
Когда уходил ты, объятый смятением...
С тех пор не люблю расставания дней.

Ни словом, ни взглядом не выдам смущения,
Когда повстречаю тебя на пути.
Я знаю: ты помнишь, как жарко поленья
В ночи согревали, как месяц светил!

Я знаю, что руки мои вспоминая,
Теперь ты целуешь других во хмелю.
Нежней ли тебя обнимает другая?
Нежней ли целует и шепчет: «Люблю».

Подумать... всего-то три встречи осенние...
А в памяти яркий оставили след.
Во имя любви даже ложь – во спасение, –
Послушной бывает, хоть счастья и нет.

Не знаю... Зачем мне сегодня взгрустнулось?
Взгрустнулось так просто, да быстро прошло.
Что было – давно в моём сердце уснуло,
Что было – давно уж быльём поросло.

КУПОЛА

Купола, купола!
Сколько я перед вами молилась,
Сколько слёз безутешных
В ночи гробовой пролила.
Может, мне это всё
В сне кошмарном однажды приснилось,
А проснуться никак не даёт
Беспросветная мгла.

Ночь глуха и слепа.
Может, я вместе с нею ослепла?
И вся жизнь наша сплошь состоит
Из обмана и лжи?
Но так хочется вновь
Из остатков холодного пепла
Запоздалой искрой во вселенной
Незримо кружить.

ПИСЬМО НА СНЕГУ

На снегу возле нашего дома
Кто-то имя моё начертал.
Почерк смелый, до боли знакомый:
«Я тебя на свидание ждал».

Молчаливый, в сиянии звёздном,
Сверху месяц усердно светил.
Он свидетель, кто вечером поздним
У крылечка слова выводил.

Много зим с той поры пролетело,
Но, как ляжет за окнами снег,
Вижу почерк знакомый и смелый –
Вспять срывается времени бег.

Юность, юность! Ты – светлая радость
С ожиданием чуда в груди.
Снег растаял, а память осталась...
От неё никуда не уйти.

ВЕНИАМИН МАЛЬЦЕВ

* * *

Рвусь, мечусь, ловлю момент,
Делаю погоду,
Преисподней стал клиент,
Позабыв свободу.

И найти пытаюсь там
У кольца начало.
Беды мчатся по пятам,
Чалку рвут с причала.

Буря, шторм и ураган,
Море по колено.
Ночи мрак упал в туман,
Волны брызжут пеной.

Бредни мыслей в пух и прах
Сверху вниз кромсаю,
Не за совесть, а за страх
Сам себя спасаю.

Поднимаю паруса,
С глупым ветром споря,
Дождик – божия роса
Моет волны моря.

В забытье, в полубреду
Наяву кошмары,
В дебри лунные бреду
Под грозы фанфары.

Где начало, где конец
В круговерти ночи,
Полнолуния венец
Дьявола пророчит.

Утро гонит моря бриз,
Солнце ночь кромсает.
Сон уплыл к другим в круиз,
Призрак страха тает.

Пелену с чела стряхну,
В грёзы улетаю.
От кошмаров отдохну,
Счастье обретая.

То ли было, то ли нет,
Тайны провидение,
То ли правда, то ли бред,
То ль небес видение.

УТРА ДИВНОЕ ВИДЕНИЕ

Тихо таяла ночь,
 растворяя зловещие крики.
Солнца розовый шар,
 кроны сосен лаская, проплыл.
Ветер в бликах зари
 колыхал горизонт огнеликий
И под шелест берёз
 нежно утру ворота открыл.

И жар-птицей рассвет
 Опустился, туман разгоняя,
В алый бархат одев
 убегающий ввысь небосвод,
Ожерелья цветов
 на ковёр травянистый бросая,
Омывая росой
 дивных грёз сизокрылый восход.

Утонув в тишине,
 Замер лес в красоте мироздания.
Солнца луч не спешил
 снять вуаль с полусонных болот.
И забытых времён
 оживали лихие предания,
Что вот здесь и живёт
 жуткой нечисти сказочный род.

СВЕТЛАНА МАСЛЯКОВА

ПОЛНОЧЬ

Блажь
Сковывает
Скулы.
Твоё лицо –
Оскал акулы.
Мне сердце
Вырвало
Напрочь.
В полнолуние,
В глубокую
Ночь.
И все планеты
Встали в ряд.
Автоматический
Разряд.

ОГНИ

Мигают мне огни,
Хлёсткие,
Чудовищно
Мёрзлые,
Возвышенно
Алые,
В глубину веков
Впалые.
Мудрость красотой
Окольцована,
Меж прутьев
Изумрудами
Окована.
Снять оковы
Ты не мастак,
Ты простой
Чудак.

ВУАЛЬ

*Евгению Калачеву,
художнику и педагогу*

Цветы пахнут
Разноцветными
Красками
В августе.
И алеют,
Ворожат
В сладости,
Багровеют
Вуалью шипов.
Вновь я встречу тебя
У ворот.
Глубины души,
Муки памяти.
Вырваться бы из оков,
Без памяти.
Жизнь моя бьёт ключом,
Разноцветными
Красками.
Напишу я пейзаж,
Где былого цвета
Кураж.

МГЛА

Много дорог исходил,
Много печали познал,
Только теперь я
Понял,
Что душа – большой
Океан.
И глубинные тайны
Скрыты,
И высоких планет
Мгла.
Великая сила слова,
И мудрости простота.

АЛЕКСАНДР МАХОЛИН

* * *

Звони, когда нужна я буду,
А не нужна – так не звони.
Тебя я, видно, не забуду,
Меня за всё, прошу, прости!
Лечь на душу тебе не смела,
А может, просто не смогла.
При виде глаз твоих робела,
Сейчас лишь памятью твоей жива!

А ты всё так же меня помнишь,
Зачем-то ты ещё звонишь...
Счастливым обещал, что будешь!
А сам душою всё кривишь.
Когда предал меня, отверг,
Ты думал, выкинешь из сердца?
Забуть не смог. Не вспоминать?
Ты чистый, как душа младенца,
Но меня ты приучил страдать!

Нужна тебе, себе признайся –
Ты жить не можешь без меня.
В душе моей лишь шрам остался,
А ты – без мысли обо мне ни дня.
Ты сделал так, чтоб о любви молчала,
Меня сумел ты растоптать.
Держа меня и отторгая,
Ты продолжаешь убивать.

ТОСТ

Хоть чаша полной налита,
Но всё же мало в ней вина.
Пусть жизнью ваша жизнь полна,
За это чашу пьем до дна.

* * *

Дохнуло школьными годами,
Как будто в юность заглянул.
Хотел бы видеть это снова,
Вот кто бы годы повернул.

ДАЧНИК

Дача у леса и моря,
Грибы и рыбалка в свой срок.
Стремлюсь туда летом, зимою,
Там отдых души, а не ног.

ЗАСТОЛЬЕ

Рыба посуху не ходит,
Гриб в засуху не растёт,
И, конечно, каждый помнит –
Сухая ложка рот дерёт.
Мораль сей басни такова:
Сел за стол, налей вина.

МОРАЛЬНЫЕ УРОДЫ

Есть пословица народа,
Что «В семье не без урода».
Святость, мерзость – всё одно,
Не различают ничего.
И моральные уроды –
Они опаснее природы,
Их уродство в головах,
Оскверняют память, прах
Людей, погибшей в дни войны,
Защищая жизнь страны.

АЛЕКСАНДР МЕРКУЛОВ

ФРОНТОВИК ИЗ МАТУРИНО

Середина 80-х годов характеризуется упадком экономики в Стране Советов, в магазинах пустующие полки и полное отсутствие выбора товаров и продуктов. СССР разваливается на отдельные государства, ранее входивших в Союз на правах республик. К тому времени я прослужил в Вооруженных силах СССР 27 лет в различных местах огромной необъятной страны и воочию видел, как живёт население этой уникальной страны. Являясь военнослужащим, я ощущал всю мощь крупнейшей армии Страны Советов. В армейских шинелях в то время находилось порядка 5 миллионов человек. И выходя на улицу, в любом городе нашей страны, человек в военной форме встречался довольно таки часто. Расслоение общества на богатых и бедных не было заметным, хотя в обществе, конечно, были и состоятельные семьи, но это не афишировалось, и богатство некоторых не выпячивалось, а уходило в тень.

А в 90-х годах, в условиях, когда рубль стремительно обесценивался, а полки магазинов были полупустыми, многие семьи горожан вынужденно искали пути пополнения своего запаса продуктов, в том числе и впрок. Я, проживая в городе Череповце, получил в личное пользование заброшенный участок земли (бывшее частное подворье) в середине посёлка Матурино, находящегося прямо на границе города, рядом с нашим микрорайоном, что было для меня очень удобно в плане доступа. Мы с женой активно взялись за лопаты и посадили там немного картофеля и кабачков с луком. Однако к осени, когда пришли туда в очередной раз, мы обнаружили, что урожай кто-то уже снял до нашего прихода. То же самое повторилось и на следующий год. Жена расстраивалась и говорила, что работать здесь бесполезно, всё равно урожай украдут.

В одно воскресенье сентября я в очередной раз шёл по тропинке через заросли, поросшие чахлыми деревьями, к деревне Матурино. Впереди уже были видны деревенские дома и заборы огородов. Нужно было обойти забор одного подворья и, войдя в проулок, повернуть по улице направо – и третьим двором слева был мой участок. У забора этого двора копался мужик, что-то делая по хозяйству. Услышав шаги, он поднял голову, и я увидел старого, щуплого телосложения мужчину. Я, проходя мимо, поздоровался с ним, он в ответ кивнул головой и спросил: «Военный?», намекая на мой военный бушлат и армейские сапоги.

– Да, – ответил я.

Он прислонился к забору и полез в карман, достал папиросы и закурил. Видя, что он хочет поговорить, я остановился.

– Ты, я заметил, здесь тоже огородничаешь? Я вижу, куда ты ходишь, – произнёс он.

– Да вот пытаюсь, но не очень получается, мой урожай кто-то снимает раньше меня, – ответил я.

– Да знаю я, кто это, Иван это... отсидел, а теперь сжёг дом бывшей жены... в отместку, живёт у Шурки, он и шалит у тебя. Сам видел, – добавил он.

Я с интересом рассматривал моего собеседника, его старческое лицо было густо посечено мелкой сетью глубоких морщин, что говорило о его повседневной жизни и работе на открытом воздухе. Крупный висячий нос с трудом вмещался на лице и не шёл к его слабому и тщедушному телосложению, в то же время он показался мне серьёзным человеком.

После этого разговора, изредка посещая свой огород в деревне и проходя мимо того забора, я заглядывал в его двор, надеясь его увидеть и перекинуться парой слов. Иногда, когда он был во дворе, увидев меня, подходил, и мы переговаривались через забор, а однажды, копая картофель, предложил мне наполнить ведро. Я отказался, и он сам, взяв ведро и всыпав в него картошки, молча решительно подал мне.

Следующей весной мы снова встретились.

– Скоро отмечаем День Победы. – произнёс он и добавил: – Я всю войну прошел моряком на корабле, здесь, на Северном флоте. Нас, фронтовиков, на 9 мая военкоматовские собирают и поздравляют в школе, – говорил он. Было заметно, эта тема его интересовала, и он ждёт этого главного праздника для любого фронтовика.

Я сказал ему, что мне поручено поздравлять и вручать подарки ветеранам войны в Зареченской части города. Помолчав, он произнёс, пылливо заглядывая мне в лицо:

– Может, после всего... На 9 мая зайдёшь ко мне? Праздник ведь.

Я обещал прийти к нему после всех мероприятий с посещениями ветеранов на дому и поздравлениями их.

В это время со стороны крыльца дома послышался женский нетерпеливый голос:

– Иди домой!

– Сейчас! – ответил он, продолжая разговор. – Мне здесь не с кем и переговорить. Зять позапрошлой весной на рыбалке утонул по пьянке, остались дочь и двое ребят. Занозистый был, ну, мы с ним и не того... Бывало, нальёт зять себе в рюмку и говорит: «Что за жизнь пошла, и выпить не с кем!» Будто я и не мужик.

Сказав это, он с сожалением и горечью посмотрел на меня. Продолжая говорить, смотря вниз, курил:

– Опосля окончания войны мне дали отпуск, и я поездом из Ленинграда приехал в Череповец. Моста через реку Шексна ещё не было – хо-

дил паром, от парома деревня в 20 минутах. Не шёл – почти бежал до моего, уже поздно вечером с волнением вступил на свою деревенскую улицу. Редкие прохожие сторонились, оглядывая моряка, пытаюсь узнать. В сумраке начинающейся ночи, узнавая дома с тёмными окнами, я вспоминал их жителей. Ноги сами быстро поднесли меня к родному заветному двору, откуда два года тому назад (в 1943 году) я ушёл на войну. Домой дошёл уже ночью, рукой нащупывая щеколду и уже волнуясь открыл калитку. Светила луна, и на крыльце увидел стоящие мужские армейские сапоги с висящими портянками, постучал в дверь. Открыли не сразу, из дома спешно выскочил военный и, схватив в руку сапоги выскочил за ограду. Здесь неподалеку был лагерь с немецкими военнопленными, вот моя жена и жила со старшиной из их охраны... За время моего отпуска она опять бегала туда... Я потом ходил в тот лагерь. «А морячок!» – сказал старшина. Ну, пообещал он порвать связь с моей.

Разговаривая, я смотрел в расстроенное лицо говорившего, видел как из глаз по мелкой сетке морщин лица бежала влага, быстро распространяясь вниз по лицу, и поражался. Сколько прошло лет с той военной поры, я родился уже после войны и уже сам собираюсь на пенсию. У него, старика, до сих пор гложет изнутри эта, видимо, никогда не заживающая тяжкая рана, нанесённая изменой самого близкого человека.

Чтобы как-то успокоить его я, сказал:

– Да, тогда, после войны, мужиков-то огромный дефицит был, ты легко мог найти себе другую, выбор-то был большой.

Он промолчал, пропустив мои слова мимо ушей, видимо, для него такой вариант даже не рассматривался.

Накануне празднования Дня Победы я, объезжая «своих» ветеранов, поздравлял и вручал каждому выпущенные специально к празднованию командирские часы. В одной квартире ветеран-орденоносец Цветков, бывший металлург, пригласил меня к накрытому столу, и мы с ним выпили и поговорили... В общем, вечером, уже дома, я понимал, что меня, скорее всего, ждёт в Матурино тот ветеран, бывший моряк Балтфлота, но идти пешком, где-то 1,5 км. не хотелось, и я не пошёл.

Через неделю мы опять встретились, немного пообщались, опять же у его забора, потом он спросил:

– Что ж ты на 9-е мая-то не пришёл... Обещал ведь?

Я смешался:

– Да занят я был в этот день.

– Ага... – неопределённо хмыкнул он.

– Да точно, не было времени, – опять сказал я.

– Ага... – опять протянул он.

– Как прошло у вас торжество? – спросил я, чтобы перевести тему.

– Да в школе поздравили, нас, ветеранов, было семь человек, поспешили 100 грамм... все пошли домой. Потом вдруг произнес: – А моя-то меня!

не дождалась!... – и замолчал. По мелкой сетке морщин лица вновь потекли слезы, я тоже смущенно молчал.

Поскольку на моём участке земли урожай кто-то снимал раньше меня, я забросил его и не ходил туда продолжительное время. Где-то года через два я решил пойти посмотреть его состояние, пройдя рощу и выйдя к задним деревенским огородам, я издали посматривал во двор моего знакомого ветерана. Но во дворе никого не было, и я, обойдя двор, постучал в калитку. На стук вышел юноша лет 16-17. Я понял, что это его внук.

– Деда позови, – попросил я.

– А деда нет, – ответил он.

– Ушёл что ли?

– Да нет, – ответил внук.

– В город уехал? – вновь спросил я.

– Он это... умер, – сказал внук.

По моей просьбе он рассказал, что весной в марте умерла бабушка, а дед умер уже осенью.

На окраине кладбища, куда мы пришли, усыпанный опавшей жёлтой листвой, стоял простенький памятник его жене и тут же рядом, сбоку, в одной ограде скромно примостилось ещё одно захоронение деда с деревянным крестом. Поросшая поникшей травой земля на этой могиле в одном месте провалилась, было видно – за ними никто не ухаживает...

ПОЕЗДКА В ВОЕННЫЙ САНАТОРИЙ

Санаторий «Марфино» нацелен на оздоровление военных и членов их семей. По факту же основной категорией отдыхающих в санатории являются старших возрастов военные пенсионеры с жёнами. Алексей Михайлович, давно зная, что там работает врачом его земляк-одноклассник, тоже бывший военный, решил туда съездить на лечение, а кроме того встретиться с одноклассником, с которым не встречался порядка 50 лет.

Встреча состоялась, и он потом даже погостил у него дважды. Оба «одноклассника» молча окинули взглядом друг друга, отмечая разительные возрастные перемены в каждом собеседнике. Не зная, как начать, говорили о прошлом и военной службе... Об уже ушедших из жизни и живущих одноклассниках и родном посёлке. У Алексея осталось чувство удовлетворения от поездки, от встречи со школьным другом и его семьей. Он узнал, что его школьный друг и его жена недавно купили квартиру и потому, несмотря на пенсионный возраст, продолжают много работать, выплачивая кредит.

В столовой санатория за столом с ним сидел небольшого роста пен-

сионер лет 72-х, которого всё приводило в восторг – и сам санаторий, зал, и меню, и официантки. Из него постоянно сыпались слова благодарности.

– Большое спасибо! – говорил он со значительным видом поминутно и официантке, и соседу, подававшему ему солонку, и пропускающему его отдыхающему...

– Вы в каком звании? – спросил он Алексея. – А я майор, – сказал он и добавил: – Начальник полкового клуба.

Мы сидели за столиком, так как в столовой раздача пищи задерживалась, и народ только начал наполнять зал, у нас было свободное время. Он поведал мне свою историю военной службы.

– Родился и вырос я в отдалённой украинской деревушке, где все говорили только на украинском. – начал он. – В сельской школе, куда я ходил, на уроках по домоводству девочек учили шитью и приготовлению блюд. А мальчики обучались столярному и слесарному делу, полезному в сельской местности...

...Ученик Мыкола (Николай) Остапенко, так его звали, больше увлекался кухней и приготовлением кулинарных блюд и потому сбегал на занятия по домоводству к девочкам. Жил он с матерью, работавшей уборщицей в здравпункте, бедно, отца в доме не было. На уроки по домоводству надо было приносить из дома муку, макароны, яйца. И соседи часто слышали крики матери на сына при обнаружении исчезновения продуктов из дома, а учитель по домоводству хвалил его за кулинарные способности.

Окончив 8 классов, он стал работать в колхозе, помогая материально матери. Затем в 1965 году его призвали в армию, срок срочной службы в то время составлял 3 года. В это время страна – СССР поднимала целинные казахские степи. И воинская часть, куда он попал служить, помогала перевозить целинный урожай на ссыпные пункты и элеваторы.

Однажды в воинской части, где он служил, тревожно забегали офицеры, всех солдат спешно заставили привести обмундирование в порядок. Командир батальона лично прибыл в хозвзвод и, расстроено осмотрев полевую кухню, забраковал качество приготовленной пищи, отругав и комвзвода, и повара. Построив подразделения батальона, комбат объявил:

– На Целину прибыл министр Сельского хозяйства СССР Полянский, завтра при объезде полей и колхозов нашего района он будет на территории расположения нашего батальона и пожелал отобедать с сопровождающими лицами здесь, у нас.

Все растерянно понимали и потому молчали, здесь нужен повар из воинского учебного подразделения, а профессионал. Опытный подполковник, прослуживший в армии более 20 лет, не растерялся бы, знав

как встретить и накормить в расположении своей воинской части генералов из Москвы. А здесь встречать больших гражданских начальников! В военной среде гражданских лиц полупрезрительно называли «пиджаки». Как тут быть? Комбат вопросительно обратился к офицерам и солдатам, те стояли молча, никто не брался решать эту проблему.

В установившейся неловкой тишине вдруг в шеренге хозвзвода один солдат робко поднял руку.

* – Я приготовлю обед, – сказал он, – только дайте мне бойца в помощь для чистки картофеля.

Тут же обрадованный подполковник приказал выделить ему в помощь двух солдат и переодеть в новое обмундирование. Уже к вечеру того же дня невдалеке от армейских палаток, обозначив прямыми известковыми полосами площадку, установили столы, накрыв их белыми скатертями (простынями). Наутро, в ожидании министра, все продолжили наводить идеальный порядок в полевом лагере, нервно поглядывали на горизонт ровной бескрайней степи и ленту степной дороги. Степь представляла собой абсолютно ровную до горизонта площадку. Иногда степь пересекают небольшие балки и овраги от пересохших русел и пойм, протекавших в древности рек. Гляди во все стороны, взгляду не за что зацепиться, только чахлая полынь да сухой перекати-поле, из живности только суслики и тушканчики. Горячий ветер-суховей обжигает лицо, сушит потрескавшиеся губы и набивает пылью уши.

Где-то к 12 часам дня заинструктированный солдат-дневальный (у грибка) взволнованно закричал;

– Колонна машин на дороге!!!

Из командирской палатки выскочил комбат, на ходу одевая полевую фуражку, застегивая пуговицы белоснежного воротника, одергивая п/ш гимнастёрку и привычно загоня большими пальцами рук морщины гимнастёрки от портупеи назад.

Передняя машина «Чайка» остановилась, из открывшейся дверки появилась белая фетровая шляпа, и через секунду все увидели высокогородного человека в белом льняном костюме. Печатая строевой шаг, комбат подошёл и, приложив руку к фуражке, чётко доложил ему согласно требований статьи строевого устава.

Сидевший в палатке, взопревший от жары в непропускающей воздух новой гимнастёрке новоиспеченный повар-рядовой Остапенко Николай, в который раз выслушав наставления и инструктаж комвзвода, и ещё раз забравшись на козлы и открыв крышку полевой кухни, попробовал на вкус приготовленных им щей, супа, каши с мясом и компотов. На отчаянно-вопросительный взгляд офицера нерешительно проговорил:

– По вкусу – нормально!

В щель створки палатки солдату Остапенко было видно, как, улыбаясь и переговариваясь, мыли руки и брали у подававших им солдат по-

лотенца, затем усаживались за столы приехавшие гражданские руководители. Вдруг офицер сказал:

– Подавай еду.

Как во сне, Остапенко, взяв тарелку, набрав из бачка щей, осторожно ступая, понёс её к столам, вдруг на повороте у палатки в тарелку влетела муха. Повернув голову, он тихо проговорил:

– Подайте другую тарелку.

Обед уже почти закончился, как в палатку кухни прибежал офицер и позвал Остапенко к столу. Отобедавший Министр посмотрел на стоявших перед ним в шеренгу двух военных, проговорил, обращаясь к солдату-повару:

– Ты до армии работал в ресторане или в кафе?

Понимая, что его спрашивают о чём-то непонятном, рядовой Остапенко молчал, ему повторили вопрос, солдат испуганно спросил:

– Шо це таке – рестовран?

За столом раздался сдержанный смех. Улыбаясь, министр спросил сидевшего здесь же за столом командира батальона:

– Как вы их поощряете?

Комбат перечислил виды поощрения военнослужащих срочной службы.

– В отпуск хочешь? – спросил министр.

– Не а, – отрицательно мотнул головой рядовой Остапенко.

За столом опять раздался смех, все откровенно забавлялись, глядя на солдата.

– А чего ты хочешь? – спросили солдата.

– Учиться на курсах, – ответил тот.

– Хорошо, – ответил министр и посмотрел на командира, тот кивнул головой.

Съездить в отпуск на родину было заветной мечтой каждого солдата, служившего 3 года, и собратья по службе никак не могли понять его отказа. В штабной палатке Остапенко разъяснил командиру части, о каких курсах он просил министра – об офицерских курсах. (В то время существовали еще и курсы младших лейтенантов). Но здесь выяснилось что у Остапенко нет среднего образования. А тот всё настаивал на курсах. И тогда, командир части приказом разрешил ему обучение в вечерней средней школе, в райцентре.

К окончанию срока военной службы тот закончил и школу. Предъявив командиру аттестат зрелости, Остапенко снова попросил направить его на офицерские курсы. Выбрали город Иркутск, где были курсы авиатехников. Срок обучения на курсах составлял 10 месяцев. Слова «технические курсы» магически действовало на него.

Но изучение техники подразумевало изучение таких теоретических предметов как «Детали машин» и «Теоретическая механика», о которых

и споткнулся курсант Остапенко. Эти предметы, а главное – их применение при расчётах математических формул никаким образом не усваивались в его голове. Сказывалась слабая теоретическая общеобразовательная подготовка.

Поскольку стараниями самого курсанта Остапенко все знали о рекомендации самого Министра СССР в необходимости его учёбы, речи об его отчислении не шло. И его прикрепили к успешному курсанту, имеющему среднетехническое образование, и они ежедневно до 23-24 часов занимались дополнительно, пытаясь освоить трудные для него предметы. По всем предметам курсант Остапенко получил удовлетворительные оценки на экзаменах. Теперь надо было ждать приказа из Москвы о производстве в офицеры, ждать надо было 2-3 недели, и он написал письмо матери, что где-то через месяц приедет домой в село.

Весть о подписании заветного приказа в Москве привела в восторг всех выпускников курсов, их радости не было предела. Распахнулись двери капёрки, и им выдали хромовые сапоги, синие диагональные штаны с голубым кантом, тёмно-зелёный китель с золотыми погонами и заветной звёздочкой посередине. Всё, всё, наконец, сбылась заветная мечта Коли Остапенко стать офицером!

В Москве ему предстояла пересадка на другой поезд, имея в запасе семь часов, он погулял и посмотрел Красную площадь, БУМ и ЦУМ, где купил подарки матери. Сходил в музей им. Ленина, а также побывал на концерте, который его очень впечатлил, и он, подумав, купил ещё два билета, решив привезти маму из украинского села в Москву и сводить её на концерт.

Село, послеобеденное время, слегка покрытая пылью придорожная трава, в тени акаций притихшие украинские хаты, поглядывая скромно окнами на улицу, казалось чего-то или кого-то ожидали.

Рейсовый автобус подкатил до сельповского магазина в середине села, из него вышли пять человек и среди них офицер. Осмотревшись, он пошёл вдоль улицы. До его дома идти было ещё метров двести, и он, здороваясь с селянами, под их удивлённые взгляды степенно дошёл до своего двора. И удивленная радость матери, её гордость за сына, и через неделю их поездка в Москву, где ошеломлённая великолепием концертного зала мать так аплодировала певцу, что, зацепив рукой, сорвала шиньон у впереди сидевшей дамы...

Здесь мой собеседник степенно сказал:

– Я, конечно, сразу извинился перед дамой, и конфликт был улажен. Только мать моя была очень напугана, она до этого случая о шиньонах ничего не знала, тем более об их назначении.

В полку, куда он прибыл после отпуска с двумя товарищами по кур-

сам, с ними беседовал зампотех, инженер-майор. Он поочередно рас-
пределил тех по обслуживаемым самолетам, когда очередь дошла до
Остапенко, инженер-майор, почитав его выпускную аттестацию, нахму-
рился и попросил подождать с назначением. Дело в том, что в аттеста-
ции было написано, что последний испытывал большие трудности в ос-
воении военной техники. Через две недели ожидания должности его вы-
звали к заместителю по политчасти полка, и тот предложил ему долж-
ность начклуба, на которой Остапенко и прослужил более 20 лет.

Откинувшись назад на стуле, мой собеседник сказал:

– Сейчас много говорят о Сирии, а ведь я и там был и тоже в долж-
ности начклуба.

В это время по проходу быстро пробежала официантка, на ходу
раскладывая на столики бумажные салфетки.

– Большое спасибо! – с полупоклоном в её сторону обратился к ней
мой собеседник и продолжил: – Деньги от службы в Сирии, где-то 21
тыс. рублей, пропали в Павловскую реформу. Мы с женой хотели купить
квартиру в Москве, и нам тогда советовали так поступить. Но жена ска-
зала: «Будем копить». А тут в стране грянула перестройка, деньгам мо-
им да и всей стране наступил «капец».

В Сирии, куда нас перебросили по замене, нам говорили на рынок
не ходить. Но мы с другом поёрлись туда и попали под миномётный об-
стрел, меня и контузило. Привезли меня в их больницу, здесь сириец-
врач осмотрел мою голову и, дав указание санитару, ушёл. Лежу с пере-
бинтованной головой, смотрю по сторонам, персонала нигде не видно
чувствую, за ширмой лежит, стонет, охает человек. По голосу, похоже
женщина!

Вдруг она как сильно закричит и застонет, но персонал к ней не вы-
ходит. Я забеспокоился, всё поглядываю, когда кто-нибудь из медиков к
ней подойдёт. Потом слышу, как писк ребёнка, вроде, родила, выходит.
Потом опять, чувствую, корчится и кричит, и опять крик ребёнка – второ-
го родила!

Я, признаюсь, от неожиданности перепугался и тоже сильно заорал.
На мой крик из кабинета вышел врач и так, не спеша, подошёл ко мне. А
я с перепугу ничего сказать не могу, только показываю ему два пальца и
тычу ими на перегородку, мол, посмотрите, там женщина двоих родила.
Врач заглянул туда, позвал санитару, и тот завернул детей в пелёнки. А
вечером пришёл её муж и увёл жену с детьми домой.

Слушая его самобытную речь, я с интересом разглядывал его, вни-
мая и представляя всё им сказанное. Потом, позже, я узнал, что их един-
ственный сын, переходя улицу в наушниках (слушал музыку), попал под
машину и погиб. Вскоре умерла и жена, не пережив ранний уход из жизни
ни сына...

уже с неделю как Алексей вернулся из санатория в Марфино, через месяц наступит 2018 год. На улице рано темнеет, и в сумерках раннего вечера уже плохо просматривается снег вперемешку с грязью и слякотью поздней осени. Кутаясь в воротники, пробегают прохожие, торопясь домой, шморгая простуженными носами. Прогулявшись под сырым осенним ветром по неубранному грязному снегу в магазин, он устало садится к компьютеру и пишет эти строки:

*За верность Родине своей
Сегодня мы под мирным небом
Живём и радуем детей!
Спасибо, наши ветераны,
Что дали детство без войны,
Спасибо вам! Вы были правы –
Сильней России нет страны!*

ПОСЛЕДНЕЕ НАЗНАЧЕНИЕ

*Клин журавлиный в небе быстро тает,
Ушёл и не окликнул – вот беда...
И по щеке моей слеза стекает –
С последним мы простились навсегда.
Илья Чернов*

Виктор с утра чувствовал себя неважно, тяжесть в голове и слабость во всём теле. Наверное, погода потеплеет, подумал он. Всегда при повышении температуры в холодное время года он ощущал ухудшение самочувствия. В холодильнике в кастрюле были остатки щей и наполовину пустой пакет молока. Да затвердевший на два пальца от корки кусок хлеба. В голове накапливалось и усиливалось беспричинное раздражение. В окно было видно пасмурную погоду, часть заснеженного двора и густо стоящие грязные с наледью машины. До пенсии ещё неделя, надо экономить. Да и идти в такую погоду в магазин не хочется.

Жена уже встала, молча равнодушно сидела на диване напротив включённого телевизора, ковыряясь ручкой в журнале с кроссвордом, и не спешила с завтраком. Её больная, опухшая вниз от колена нога, закутанная в полотенце, была уложена прямо на диване. Его взгляд чуть задержался на распахнутом у неё на груди халате, обнажавшем часть правой, ещё крепкой груди.

Виктору шёл 66-й год, в 1995 году уволился из армии. Вся молодость прошла в армейской шинели по гарнизонам. Кочевая жизнь военного сопровождалась неустроенностью временной жизни по военным

городкам. В основном около 4-6 лет на одном месте, затем переезд к новому месту службы и ожидание прибытия контейнера с вещами и полуразбитой мебелью и посудой. Потом обживание на новом месте и приобретение новых вещей взамен битых при переезде. В этих условиях обстоятельно обживаться и покупать дорогую и красивую мебель и посуду не было смысла, все побьётся в контейнере при очередном переезде. В основном мебель покупали у своих же военных, уезжающих из военного городка.

И теперь, уже прожив в отставке более 18 лет, в квартире всё как бы ожидало скорого переезда к новому месту военной службы – дешёвые вылинявшие обои на стенах, та же старенькая изношенная мебель 70-х годов. Всё указывает на отсутствия привычки и претензий хозяев на роскошь.

Виктору не повезло, так уж случилось, но за границей они с женой не послужили, в академии поучиться не удалось. А ведь только послужившие там, в ГДР (Германии), Чехословакии или Венгрии, семьи офицеров имели зарплату в два оклада и могли прибарахлиться, купить дефицитную мебель, посуду и одежду. В России же на периферии везде в магазинах была пустота и полное отсутствие выбора товаров.

Постояв у окна и испытывая некоторое раздражение, он непривычно грубовато сказал жене:

– Пора бы и позавтракать.

Та, привычно морщась от боли в ноге, опираясь на руку, стала медленно слезать с дивана.

– Небось, когда крутила хвостом перед Бойко в Забайкалье, нога не болела? – вдруг зло сказал Виктор.

Всегда молчавшая в таких случаях Татьяна неожиданно взвизгнула

– Да, гуляла, гуляла, жалко только мало...

Виктор замахнулся кулаком на неё, и та, отшатнувшись назад, зацепилась больной ногой за ковёр, опрокинулась назад, грузно рухнув, ударилась головой о деревянный облокотник старого кресла. Громко вскрикнув, упала на пол. Уйдя на кухню, Виктор, взволнованно дыша, постоял там, но видя, что из комнаты не слышно движений, вернулся снова. Склонился над ней и увидел на ковре кровь.

Фельдшер «Скорой мед.помощи», осмотрев рану и пятно крови на полу, покачал головой, незаметно опасливо кивнул головой медсестре мол, вызывай милицию... Положив на носилки, её стали выносить... Минут через 30 приехали другие... в форме милиции и стали осматривать и записывать в бланки ответы на вопросы.

Пригласили соседей – понятых, которые из прихожей испуганно наблюдали за происходящим. Затем ему предложили собираться...

Одеваясь, Виктор открыл шкаф, вынимая куртку и шапку. При этом в глубине шкафа, блеснув золотом майорских погон на парадном тёмно-

зелёном армейском мундире, звякнули двумя рядами медали – знаки отличия многолетней безупречной воинской службы. Милиционер удивленно посмотрел на военную форму и чёрные петлицы в шкафу, потом на Виктора, спросил:

– Вы сапёр? Я тоже служил солдатом в сапёрном батальоне в Заб.

ВО.

На второй день зашедший в КПЗ (камеру предварительного заключения) участковый сообщил, что его жена умерла в первые же часы в палате больницы. Ошеломлённый Виктор первое время не мог адекватно отвечать на вопросы капитана милиции...

...Виктор тоже служил в Заб.ВО в 80-х годах, в Забайкалье их в воинская часть стояла недалеко от п. Шерловая Гора. Однажды вечером он, прогуливаясь с дочерью 5 лет, повёл её к речушке и с удивлением увидел, что весь берег на протяжении сотен метров усыпан пустыми ржавыми консервными банками, тысячи их валялись вдоль обоих берегов. Здесь они увидели возвращающегося вдоль берега пожилого военного лет сорока пяти в бушлате, полевых сапогах и фуражке, с удочками в руке, они познакомились.

Тот мужчина сказал ему, что служит капитаном в УРе (укреп.районе) командиром артиллерийской батареи уже 7-й год и не собирается до увольнения из армии никуда уезжать по замене (замена через 5 лет). Сняв полевую фуражку и вытерев рукавом лоб, тот сказал:

– Здесь у меня знатная рыбалка, я всю местность на десятки километров хорошо знаю, и в районах обороны УРа всё у меня пристреляно, на ежегодных Московских или Окружных проверках я сразу со 2-го или 3-го выстрела поражаю любую указанную цель, и меня быстро оставляют в покое и не дёргают потом... Скоро на дембель, – закуривая сигарету, сказал он, – тогда и уеду в родной Воронеж.

Виктор спросил:

– А что, твоя батарея прикрывает одно направление?

– Нет, два, – ответил тот, – сперва отстреливаюсь по указанным посредником (проверяющим) целям с одной позиции, потом быстрый марш 12 км. в другой район... поражаю цели и там так же.

– Ну, а мы, сапёры, на учениях прикрываем Уровцев минными полями, – сказал Виктор, тот кивнул согласно головой, мол, знакомая картина...

...В КПЗ-камере кроме него находилось ещё двое, они, по-видимому, не ощущали дискомфорта обстановки и в ограничении личной свободы. Тихо переговариваясь между собой, они сторонились его, изредка получая с воли передачи, с ним не делились. Да он и не хотел этого, замкнувшись, он целыми днями молчал, уставившись взглядом в стену.

За четыре дня он оброс щетиной и постарел, на щеках обозначились глубокие ямки, третьи сутки сильно болело в груди, боль отдавала в плечо и руку.

У двери послышалось движение, и все к ней повернули головы.

– Сыров на выход! – сказал милиционер с автоматом.

Его доставили в большое обшарпанное снаружи и внутри здание УВД, провели по коридорам на третий этаж и остановились у двери с надписью «Дознаватель». Дверь оказалась запертой, и они с конвоиром сели на расшатанные стулья, минуты через три-четыре появилась женщина лет 30 и, открывая ключом дверь, попросила подождать минутку.

Через несколько минут из-за двери раздался голос:

– Заводите.

Перед Виктором сидела та женщина, уже переодетая в форму майора милиции, и доставала из скоросшивателя с надписью «ДЕЛО № ___» исписанные листы бумаги. Виктор подумал: «Молодая, а уже майор, я в её годы ещё капитаном ходил».

– Так, подозреваемый, начнём..., – сказала дознаватель. – Итак, вечером 20 февраля 200... года Вы, находясь по адресу.... Так, давайте уточните, Вы её толкнули... или ударили?.. А вот показания Вашей соседки звучат по-другому..., – достала она из папки другой лист.

Вечером сокамерники, нарочито громко рассуждая, говорили:

– Так, оказывается, наш друган – «вояка», и по-тихому угробил бабушку!

Не отвечая, Виктор молча сел на табурет и угрюмо замкнулся в себе.

– Переживает, – иронично проговорил сокамерник.

В назначенный день в 10 часов утра его повезли на заседание суда, по возвращении сокамерники уже знали его судьбу...

Уже поздно вечером все обитатели камеры улеглись спать. Виктор испытывая постоянно временами усиливающуюся боль в груди, долго лежал в тишине, сна не было, вспоминались обрывочные картины дневного судебного процесса. Судья-женщина предпенсионного возраста с одутловатым болезненным лицом, читающая приговор:

– Таким образом, по совокупности установленных действий... признать виновным в... и путем сложения сроков по статьям... назначить наказание...

Он вспомнил, в зале суда практически никого, кроме участников процесса, не было. Когда его выводили из здания суда, ему показалось, что за углом мелькнула фигура дочери. Он долго лежал в ночи, иногда забывался на несколько минут, затем просыпался, слышал похрапывание сокамерников и думал о пролетевшей военной жизни, жене – о ней он помнил постоянно. О детях почти не думал, у них давно уже своя жизнь, проблемы с работой и детьми. Понимал, с нелепым уходом из

жизни его жены пришёл конец и его жизненного пути. Боли в груди и руке временами отдавались и как бы стихали...

...И вот вдруг он стоит на окраине города в полевой военной форме, ещё молодой. И видит просёлочную раздваивающуюся в сторону леса грунтовую дорогу, как бы в сторону их дачной деревни. И тихая, тёплая, почти как летняя, погода вокруг, и вся природа кругом уже без снега. И по той дороге, помахивая сумкой в руке, быстро и легко идёт его жена Таня в лёгком летнем платье. Увидев его, она, обращаясь к нему, улыбнулась и беззаботно ласково с ним заговорила, увлечённо рассказывая о чём-то...

...От неожиданности происходящего Виктор засмотрелся в её помолодевшие лет на 15-20 черты лица и осознал, что ему всё это снится, и что он по-прежнему находится в камере КПЗ. При этом понимал, что её уже нет в живых, продолжая молча замороженно слушать её. При этом ему очень хотелось глядеть на неё и навсегда запомнить её такое одухотворённое молодое лицо, ставшей лёгкой походку.

Испытывая чувство вины перед ней, он всё хотел попросить у неё прощения за случившееся. В то же время видел, что она на него совсем не сердится, и по душе у него пронеслась лёгкая волна очищения от тяжкого греховного груза, всё тело наполнялось приятной радостной истомой... Пройдя вперёд него шагов на 5-7, она вдруг замолчала и резко остановилась, обернувшись к нему и нетерпеливо гордо повела головой – мол, что стоишь?

Точно так же, как она, бывало, делала в годы их юности. Этот жест ей всегда шёл, и Виктор любовался в молодости ею в такие моменты, и теперь, стоя у дороги, глядя на неё, он помнил о них двоих всё...

Он быстро подошёл к ней, и они уже вместе быстро и с лёгкостью продолжили путь вперёд по той грунтовой дороге в сторону леса из города... Таня всё так же увлечённо говорила, весело о чём-то рассказывая ему, он, не вникая в суть её речи, сбоку вглядывался в её такие родные черты. Они вместе быстро и легко шли туда далеко, где им нужно срочно и обязательно быть... в неведомую, но в это время необходимую для них даль, по дороге...

...Утром, прогремев запором, слегка взвизгнув, открылась дверь камеры, принесли завтрак. Двое быстро подошли и получили миски с едой. Третий пожилой сокамерник неподвижно лежал на кровати, повернув голову в сторону серой стены.

ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

*Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым,
Увядания золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.
Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна берёзового ситца
Не заманит шляться босиком.
С. Есенин*

Алексей Михайлович сегодня днём на прогулке встретился с давним знакомым по работе на заводе. Поздоровавшись, оба, окинув друг друга взглядом, молча отметили внешние изменения, оставленные шестью годами после их расставания. Алексей, в прошлом кадровый военный, ещё проработал более 14 лет на заводе. Где, работая, приобрел множество знакомств с коллегами по работе. Иногда встречаясь с некоторыми, останавливаясь, коротко общался с ними, расспрашивая о здоровье и общих знакомых.

– Работаешь ли где? – спросил его Коренев.

– Да нет, в 70 лет какая работа! Живу на даче летом с внуками, их привозят мне из Москвы. А зимой сижу здесь, в городе. В деревне зимой скучно...

– Охота, рыбалка? – спросил Коренев.

– Да нет... Охотник и рыболов из меня никакой, – отмахнулся Алексей.

Знакомый предложил съездить с ним на рыбалку.

– Стоит лишь разок удачно наловить рыбы – и тебя потянет к рыбалке! – говорил он. – Короче, в пятницу будь готов, снасти я тебе дам свои. Жди меня на перекрёстке у «Пятёрочки» в 5 утра, – убедительно с улыбкой, тряс его за руку говоривший знакомый Николай.

Одеться потеплее в соответствующую одежду для природных лесных условий оказалось трудно. В гардеробе не оказалось соответствующей полевой военной, рыбацкой или охотничьей одежды. Из багажника машины извлёк купленную для игр внуков на даче (но так и не распакованную) лет пять тому назад двухместную палатку. Одел одежду попроще, уложил в рюкзак термос, кружку и продукты и к пяти утра ждал товарищей у перекрёстка.

Дорога составила около трёх часов по Вологодской дороге в сторону Белозерска, не доезжая до городка, свернули направо в редколесье и ехали по ухабам лесной дороги с полчаса. Машину оставили в кустах молодого соснового хвойника так, чтобы её не было видно с дороги и

просеки. Было пасмурно, но небо никак не предвещало изменения или ухудшения погоды. Взяв из багажника рюкзаки и снасти, все трое двинулись по переувлажнённому торфяному грунту в сторону темнеющего полюсой впереди большого леса.

Шли, обходя попадающиеся лужи стоячей воды, по редкому чахлому перелеску. Здесь, почти на болотистой почве, росли искривлённые тонкие большие деревья: берёзки, верба, ивняк и сосна. Шли следом за уверенно шагающим впереди Николаем. С непривычки Алексей стал быстро уставать, в голове появилась боль и лёгкое головокружение. Через какое-то время впереди появилась стена тёмного настоящего смешанного строевого леса, до которого надо было ещё дойти. Алексей, чувствуя себя слабым звеном компании, стал отгонять от себя намечавшуюся в голове мысль, что зря втянулся в сомнительное предприятие в силу своей физической несостоятельности и неспособности к физическим нагрузкам. Ему казалось, долго шли интенсивным шагом, поспевая за проводником.

Не доходя метров 250 до густого леса, тот вдруг резко остановился и, покрутив, осматриваясь, по сторонам, головой, вдруг повернул налево и быстро пошёл по редколесью, не дожидаясь отстававших спутников. Шагая с пересохшим от усталости ртом и появившейся справа в паху болью, Алексей заметил, что они идут по поросшей молодой порослью просеке или бывшей старой грунтовой дороге. Впереди показались тёмные деревянные деревенские строения, и они вышли на окраину остатков дворов небольшой заброшенной деревни. Пройдя вдоль неё метров 70, проводник Николай остановился у более других сохранившегося дома.

– Здесь расположимся и отдохнём, а потом налегке пойдём к реке, – сказал он спутникам.

Те, осматриваясь, тяжело дыша, молчали, переводя дух, в душе радовались остановке и концу пути. Алексей посмотрел на часы в телефоне, оказалось, они прошли более одного часа от оставленной машины. Сидя на рюкзаке, он посмотрел на остатки прогнившего крыльца и бревенчатый дом, поднялся и зашёл внутрь вслед за товарищами. Старые прогибающиеся полусгнившие половицы и давно остывшая с сиротливо открытым проёмом-ртом русская печь. У стены ржавая кровать с сырым грязным матрацем. Окон не было, кто-то по-ухарски, хамски, с дебильным удовольствием выхлестал стёкла и сломал оконные рамы. У нас всегда и везде найдутся и подвернутся такие ухари, любители раскурочить, сломать построенное кем-то...

Расположились у кровати, разложив на ней еду, наскоро пожевали бутерброды, взяв снасти, пошли к реке...

Договорились рыбачить до 17-18 часов, потом, перекусив, добираться обратно к машине. Речка была небольшая, с тихим течением,

тёмной коричневатой водой и густо поросшими ивняком берегами. В таких безлюдных местах ожидался неплохой клёв и улов рыбы.

Побросав леску с насаженным на крючок червяком, Алексей быстро потерял интерес к рыбалке, вернулся в деревню. Через пару часов к нему присоединился Виктор и стал рыскать по развалинам домов в поисках старых предметов домашнего обихода. Приставив шест к торцу дома, он забрался в слуховое окно чердака. Минут через 20 с довольным выражением лица он притащил оттуда чугунный утюг, настенные часы-ходики с ржавой цепью и почти целую самопряху. Он с довольным видом, осматривая, оттирал их от пыли и грязи.

Где-то к вечеру пришёл с куканом наловленной рыбы примерно на 3-4 килограмма их проводник Николай и восторженно сообщил, что у него сорвался с крючка сом или щука килограмм на пять, не меньше.

– Желательно остаться до завтра. – обвёл он друзей вопросительным взглядом. – Завтра я его точно подцеплю! – прищурился он.

– Давай останемся. А я пошую везде по домам деревни, может ещё найду предметы старины или икону, – согласился Виктор.

Алексей промолчал, хотя ему не хотелось оставаться на ночь в лесу. Решили в доме собрать палатку, а Николай разложил на кровати спальник и улёгся в нём спать.

Ближе к вечеру всё окружающее пространство полностью захватили комары, в ушах, отгоняя сон, постоянно звенел непрекращающийся звон гнуса и насекомых.

Уже в сумерках, после импровизированного ужина бутербродами, разбавленного небольшим количеством вина, стали укладываться на ночлег. Лёжа в палатке, Алексей накиннул на лицо носовой платок, пропитанный раствором от комаров. Вскоре в комнате дома послышалось равномерное дыхание спящих. Алексей не мог уснуть, на самочувствие сказывался дискомфортные условия, необычность воспринимаемых ухом шумов природных звуков и постоянного звона комаров. Алексей молча смотрел на стенку палатки, становилось душно, так как в тесноте на двоих не хватало воздуха, он немного приоткрыл створку палатки.

Вдруг стенка палатки едва заметно качнулась, как бы по ней провели рукой или на неё повеяло ветерком. На мгновение в душе появился и прошёл панический страх. «Показалось, – подумал Алексей, одновременно напрягая слух, – кто тут может быть, кроме нас самих». В то же время его обострившиеся чувства указывали ему, что в доме кто-то есть. «Может, зверёк какой?» – подумал он. Сон совсем не шёл, и он, полежав ещё несколько минут, стал тихо вылезать из палатки.

Несмотря на покой и тишину во всём окружающем пространстве всё отчетливей воспринимались нарастающие негромкие природные лесные шумы. И, вместе с ними, заметно быстрое завладение пространством ночными сумерками. Всё вокруг наглядно свидетельствовало, что

разрушитель человек – царь природы днём уступил временно правление царице ночи – доброй матери земли и всей первозданной природы.

В установившейся тишине всё явственней и громче проявлялись и слышались ночные звуки, от реки периодически раздавался крик ночной камышовой птицы. В сумраке над рекой был слышен редкий всплеск глянющей крупной рыбы, из прибрежного тонкого ивняка показалась головка речной птицы лысухи. Некоторое время она неподвижно прислушивалась, затем выплыла к середине реки, и с ней выводок из трёх птенцов, и стали кормиться, копаясь в шамаре и тине.

Воздух, быстро охлаждаясь, стал снизу от земли наполняться белёсым туманом, отчего деревья казались как бы висящими в воздухе. Но в светлую лунную северную ночь хорошо было видно эту часть деревни и стоящие понурые чёрные деревья. В полученном по наследству месте, в сухих ветках кроны на верху огромной умирающей старой берёзы, сидевшая сова очнулась, широко открыв глаза, медленно, с достоинством, поворачивая голову. При этом она своими огромными глазницами-локаторами, хищно осматриваясь и прислушиваясь к ночным шорохам, стала ожидать появления жертвы. И что-то настораживало её чуткий слух в той стороне домов, где остановились путники...

Решив пожевать что-либо, Алексей приподнялся, взялся за свой рюкзак и, посмотрев в правый проём окна, замер. Оцепенев, он застыл на месте, от крыльца их дома бесшумно удалялась в туман серая сгорбленная фигура старой женщины в зелёном платке. Пройдя примерно 25 метров в сторону большой старой полусохшей берёзы, она остановилась и, повернувшись вполоборота влево, согнувшись, стала уменьшаться, приближаясь к земле. Ему показалось, что она видела его в окне дома. Вот её рука, как бы слегка взмахнув напоследок, тоже исчезла из виду в туманном сумраке у поверхности земли.

Какое-то время Алексей продолжал неподвижно смотреть в окно, ожидая её нового появления, его напряжённое тело покрылось холодной испариной. Но нет, больше ничего не было видно, туман усиливался, поднимаясь всё выше и закрывая всё пространство. Вскоре то место скрылось в белёсой мгле.

Утром все встали, перекусив, разошлись, Николай и Алексей на реку с удочками, а Виктор пошёл искать и смотреть оставшуюся утварь по домам. Об увиденном ночью Алексей, боясь насмешек, рассказывать не стал.

Поймав четырёх небольших рыбёшек, Алексей решил отдать их Николаю, лучше ничего не привезти, чем ехать с таким уловом, решил он. Из его головы не вылетала ночная картина с увиденной старухой. Оставив рыбалку, он вновь вернулся к дому и, пройдя по пути ночной визиёрши, увидел скрытый высокой травой в земле проём завалившегося входа в погреб.

С трудом изгибаясь в узкой щели в сырой обвалившейся земле, он пролез вниз маленького помещения погреба. Чёрная от времени, сгнившая старая деревянная сырая бочка и остатки ларя для картошки. Справа виднелась стена, укреплённая скользкими от сырости тёмными прогнившими досками. Осмотревшись, он полез назад вверх, стараясь не измазаться в глине. Поднимаясь, он упёрся ногой в низ деревянной стенки погреба, и доска, треснув, с ногой подалась внутрь стены. Алексею показалось, что за ней пустота, и он, вновь опустившись, попытался, пнув доски стены ногой, проломить их. Затем с трудом оторвал с одной стороны сырую доску рукой. Точно, там за стенкой оказалось продолжение помещения (схрон), но в сумраке в широкую щель ничего не просматривалось.

Дождавшись, когда глаза привыкнут к темноте, он с трудом различил там короткий самодельный дощатый лежак типа топчана и лохмотья в виде сгорбленной полусидячей фигуры человека. Оторвав ещё три доски, он боком протиснулся в помещение и, рассмотрев, увидел в лохмотьях разложившийся скелет женщины в зелёном платке. Её левая рука лежала на ящике, на котором в паутине и пыли угадывалась небольшая деревянная рамка с фотографиями. Раньше в деревнях такие рамки с фото родственников были на стенах в каждом доме. В рамке было пять едва различаемых пожелтевших любительских фото. Испытывая мистический страх и неприятные ощущения постоянного взгляда на себе, он поспешно выбрался наружу. При этом он увидел, что стена, видимо, была подвижной, так как от неё вёл запор — длинный крючок к столбу.

Поднявшись на поверхность, Алексей испытывал какое-то непонятное для него неприятное чувство. Вышел на бывшую деревенскую улицу, поросшую ивняком и берёзками. Когда-то здесь активно протекала человеческая жизнь, семьи, люди крутились в своём хозяйстве, огороде, работе на колхоз. По вечерам в темноте молодёжь, движимая природными инстинктами и любовью, встречалась, гуляли, создавали семейные пары. Строили планы и жили, растя детей — и так не одно десятилетие...

За ветхим полусгнившим строениями деревянных домишек ему слышалась мужская речь. Подойдя, он увидел Виктора, разговаривающего с неизвестным пожилым мужчиной лет шестидесяти семи. Мужчина на был в военном ватнике, рабочих кирзовых сапогах и с ружьём — старым потёртым дробовиком. Алексей подошел и с интересом слушал разговор.

— Деревня уже лет семнадцать как покинута. Здесь была заготовительная ферма, денег почти не платили. Вот и разъехались, кто куда. говорил мужик. Он присел на корточки и закурил сигарету, внимательно и, как показалось Алексею, неприязненно посмотрел на них. Алексей по

нял, дед, видимо, был местный житель, и ему не нравится, что кто-то хозяйничает в его пусть и заброшенной деревне.

– Ну, не совсем покинута, кое-кто здесь и сейчас по ночам является, – вдруг сказал Алексей.

Виктор рассмеялся, приняв это за юмор, а старик вдруг вскинул на Алексея внимательный взгляд и, казалось, прошил им его.

Алексей пригласил незнакомца на чай с термоса, понимая, что последний прибыл издалека. Виктор ушёл, а они с дедом Василием угощались на крыльце дома.

– Да я сам родом из этой деревни, здесь прошло и моё детство, – сказал старик. И теперь, когда есть возможность, я прихожу сюда и вновь проживаю те моменты – своих и друзей... Почти всех их уже нет..., – обречённо махнул он рукой. – Галинка у нас была, моя соседка. В детстве бегали, в «кулючки-прятки» играли вместе. В школу ходили, потом она быстро превратилась в девушку, и я, как-то глядя на неё, смлел весь. После этого, бывало, при встрече или разговоре с ней у меня в голове был туман, и я становился безвольным, что ли, вроде бы, как бычок на верёвке...

Сердце моё начинало лихорадочно волноваться, когда я встречал её на улице. Она не выделяла меня среди других ровесников, была равнодушна или делала вид, что не понимает моего состояния. Иногда смеялась над моими неуклюжими попытками заговорить с ней. Однажды в деревню приехал в отпуск из армии наш деревенский парень, года на три старше нас. Ну, понятно, фраер в военной форме и с жёлтыми лычками на погонах сверхсрочника (типа прапорщика) произвёл впечатление на наших деревенских девчонок. Моя Галинка тоже туда же, широко открыв глаза, смотрела на него, слушая его байки...

Старик обречённо махнул дымящей сигаретой и продолжил:

– А тот по вечерам, приняв на грудь стакан самогона, гулял с девчонками до утра... Не обошел своим вниманием и мою Галину, как-то утром на ферме, где я работал, мне сказали, что тот вчера сватался за мою Галину, и по тому случаю сваты гуляли до ночи. Да оно и понятно, в деревне – грязь, постоянно в резиновых сапогах, работа с утра до ночи то в колхозе, то дома по хозяйству. Некоторые из молодёжи в городе-то никогда не бывали, поезда не видели. А тут возможность уехать из деревни, из этой постоянной нужды и работы...

В общем, увёз он Галинку, но жизнь у них не сложилась, и они уже к пенсии разошлись.

Я тоже после армии учился на прапорщика и служил техником танкового батальона. 24 года оттянул в армии. Вся техника на мне, все ПХД (парково-хозяйственный день). На ПХД, бывало, бежит взводный: «С поворотным механизмом башни что-то не то, неполадки, учения скоро, а тут...». А там проводок от контакта в тумблере механизма поворота ото-

шёл, а крику, крику и шума столько...

Лицо Деда помолодело, разгладилось, глаза лучились при воспоминаниях об армейской жизни.

– Я тоже здесь в деревне взял в жены... Раз приехал в отпуск и увидел соседку. Она через двор жила, я на неё внимания не обращал, а тут налилась девка, сок брызжет. Ну, я, как в том анекдоте, и зацепился за неё...

Алексей сказал, что не слышал такого анекдота, и Дед рассказал:

– Ну, этот анекдот с бородой, раз не слышал, послушай. Когда творили Бог с Архангелами людей, слепили пару... Бог вдохнул в мужчину Адама, значит, и Еву жизнь. Потом Архангел снова подал Богу Еву и тот вдохнул ей ум. Отдохнув, Архангелы вспомнили, что Адаму-то ума не вдохнули, а богу сказать-то побоялись... И тогда один Архангел, взяв остатки глины и скатав из него небольшой цилиндр, прилепил Адаму между ног, сказав: «Вот то, чем он всегда будет думать».

Так получилось и у меня, мою после родов разнесло вширь, растолстела... Потом болела... Сейчас живу у дочери...

– Я тоже 30 лет армии отдал, в инженерных войсках, полковником в отставку ушёл, – сказал Алексей.

Они замолчали, было видно, и Дед, и Алексей, каждый задумался о своей прошлой жизни.

Решившись, Алексей произнёс:

– Ты, наверное, сможешь встретить здесь ещё раз свою Галинку. Конечно, если сам захочешь. Но прежде подумай, надо ли тебе это? – значительно глядя ему в лицо, сказал Алексей.

– Как это, как это? Чего ты здесь выдумываешь? – вновь переспросил, приподнимаясь с бревна, на котором сидел, Дед. Его глаза с силой упёрлись в собеседника, а лицо недоуменно исказилось. – Разве это возможно, или ты так нехорошо шутишь? Да я бы... конечно, я бы хотел... наверное..

– Тогда оставайся здесь на ночь и ночуй в этом доме. Думаю, ты сможешь с ней встретиться. Но ещё раз говорю, подумай, надо ли тебе это. Но ложась в ночь на отдых здесь, не спи и будь готов ко всему, – повторил Алексей.

Алексей немного рассказал Деду о том, что ему показалось, он видел ночью в темноте вблизи дома фигуру женщины в зелёном платке. Похожую на ту, которую описывал в рассказе Дед. Но о том, что нашёл старый погреб и что там увидел, промолчал. При словах о платке Дед как бы вздрогнул, вскинулся.

Дед до вечера был с ними и даже поужинал с ними перед их уходом. Но, когда все поднялись уходить, твёрдо заявил, что останется здесь до завтра.

– Побываю... похоже, юность свою повспоминаю... Родная деревня...

ведь, – улыбнулся он, выпуская из ноздрей дым сигареты.

Собираясь уезжать, Алексей оставил ему часть продуктов и обещал передать ожидавшему в условном месте Деда зятю-водителю просьбу приехать за ним через сутки. Посоветовал и помог наломать хвойника для обустройства постели в доме. При этом он заметил, как оживились движения того, лицо его как бы помолодело, глаза излучали решимость скорого завершения так давно ожидаемого события... Он с некоторой поспешностью, даже несвойственной до этого решимостью и уверенностью, уже верил в неотвратимость встречи... готовился к будущему... Эта его вдруг появившаяся одержимость озадачила Алексея, и он, остановив внимательный взгляд на его побледневшем лице, вдруг понял: Дед эту ночь вряд ли переживёт.

У спрятанной в кустах машины они неожиданно увидели незнакомца, осматривающего их машину. Им оказался зять того Деда, ждущего того уже около часа. Алексей сказал тому, что Дед остался в деревне до завтра и просил его подъехать завтра часам к одиннадцати. Зять, недовольно смяв сигарету, сказал:

– Чего он туда каждый год таскается? Будто мёдом ему там намазано. Везёшь его... да ещё он пехом прёт столько до деревни. Да хоть бы была деревня-то, а то ведь и деревни-то нет...

Резко повернувшись, он пошёл к своей машине.

– Он в пятом доме остался... Слева по улице! – прокричал ему вслед Алексей.

– И чего ты ему кричал? Уточнял, где и в каком доме остался Дед? – насмешливо спросил Виктор.

Дома, после душа и ужина с рюмкой «Старки», с удовольствием расправив свои уставшие ноги на диване, Алексей коротко описал поездку и «рыбалку». Его жена, терпеливо выслушав его сбивчивый, перебивающий монолог, поняла одно: он недоволен...

Мягко положив руку ему на плечо, она убеждённо сказала:

– Вот видишь, я ещё вчера подумала, зря ты поехал!... Им нужно было, они и уговорили тебя, свою машину бить-то не хочется, да и коньяк ты взял. Ты всегда добреньким был, а люди жили и пользовались этим, тому звание, или кому должность – все к тебе....

– Вино брал..., – задумчиво уточнил Алексей. Да, что было, то было, он и сам это понимает. А люди, зная его мягкий характер, всегда пользовались его «добротой и заботой». Но теперь он уже давно пенсионер, и все эти его «слабости» остались в далёком прошлом. Хотя, да! Слышать это приятно, она это правильно подметила... расслабился он. «Может же не вредничать, когда захочет!» – подумал он о жене.

На следующий день он встал поздно, в начале девятого часа. И первым делом посмотрел на часы, примерно через час он подумал: «Тот молодой человек, зять, наверное, на своей машине «Ока» уже едет за

Дедом». На улице непривычно для Севера третий день светило солнце. И они, ценя редкую солнечную погоду, пошли с женой на прогулку и в магазин. В голове постоянно вертелась мысль о Деде. «А теперь они с зятем встретились...», – подумал он спустя некоторое время.

Рассматривая товар в магазине, Алексей нагнулся, и в это время его как бы кто-то толкнул... Он резко выпрямился и, сразу вспомнив всё, подумал: «Зять, наверное, нашёл Деда в заброшенной деревне...».

*О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги, –
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..*

*Так, ты жилица двух миров,
.....
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...
Ф. Тютчев*

В ЗАБРОШЕННОЙ ДЕРЕВНЕ (Часть 2)

Весна 2018 года выпала на редкость удачной в плане погоды. В этом году не было сырости, частых холодных дождей, переувлажняющих землю. И от этого на душе Алексея Михайловича, родившегося и выросшего в жарких и бескрайних Волгоградских степях, было благостное настроение и умиротворение. В этом году, в апреле и мае, на Вологодчине было мало низко висящих тяжёлых серо-свинцовых туч, а непривычно часто неделями светило яркое весеннее солнышко. И поэтому хотелось подольше задержаться на улице, подставив лицо навстречу его ласковым, приятно согревающим лучам, чтобы солнце успело оставить отпечаток загара на умудрённом долгой жизнью лице. Жизнь она ведь такая штука – тут только не зевай, гребь вёслами, а куда лодку и тебя вынесет жизненная стихия, один бог знает... Одни говорят – в ней всё заранее predetermined судьбой, другие считают, что всё в жизни зависит только от тебя самого. Алексей Михайлович не знает правильного ответа на этот вопрос. По итогам своего земного пути по жизни, к его завершению он убедился в одном: выбор военной профессии был его самой большой ошибкой. Жить надо там, где вырос, ведь недаром существует поговорка: «Где родился, там и пригодился!».

Алексей постоянно вспоминал тот разговор «по душам» с незнакомым пожилым стариком – Дедом в заброшенной деревне. Та недавняя

поездка с приятелями на рыбалку в отдалённый район. То загадочное событие в заброшенной деревне и встреча с неведомым явлением – привидением старой женщины. И затем приход Деда, из числа бывших местных жителей, оставшегося на ночь в пустом деревянном доме. Всё это постоянно вертелось у него в голове. Рассказ деда о той его увлечённости в юности, которую тот пронёс через всю свою жизнь, о сложности его неудачной жизни.

И при рассказе вмиг оживающие блеском глаза, лицо. Его мимика лица и жесты выказывали внутреннюю бурную реакцию на те вспоминаемые события о моментах, которых он рассказывал. В памяти Алексея Михайловича застряла фраза отчаяния в голосе деда:

– И для чего я родился и жил? Вот скажи мне, для чего рождается человек? – вдруг обратился он к Алексею. – Таковую свою жизнь я бы променял на любую другую...

– Ну... Чтобы родить и вырастить детей, оставить свои гены в потомках... – начал Алексей, с трудом подыскивая слова на столь неожиданный и странный вопрос запутавшегося в жизненных неурядицах человека.

– Вот Вы довольны своей судьбой... жизнью? – перебил его дед.

Алексей молча удивлённо посмотрел на взволнованного собеседника и промолчал.

Дед, жестикулируя рукой с сигаретой, продолжил свой монолог:

– После свадьбы мы приехали в военный гарнизон, куда меня направили служить после окончания школы прапорщиков. Моя жена быстро освоилась в военном городке, где я служил в полку. Познакомилась с жёнами сослуживцев и из других воинских частей. Городок был небольшой, работы для жён было мало, и они за книгами коротали время в ожидании со службы мужей. А некоторые женщины от безделья кучковались и весело проводили время. Были, которые погуливали, пока мужья были на службе, о похождениях некоторых жён ходили целые легенды. Вот с такой из них, Пажитновой – женой моего ротного командира, не последней шлюхой гарнизона – и сдружилась моя... И тоже вдарилась в тяжкие... Ловила жадные взгляды случайных мужчин и смущённо, ободряюще им улыбалась, дальше в дело вступала конспирация. Её поездка в отпуск или гости была неудачной, если прошла без случайной романтической любовной связи. Всю жизнь прожила двойной жизнью, сожительствова с другими...

Однажды, где-то в девять вечера меня вызвал в часть, где я служил техником танковой роты после школы прапорщиков, командир батальона капитан Чебиток. Я будто бы забыл опечатать ворота ангара с танковыми аккумуляторами. У него жена уехала к родителям на Украину, ну, и он стал оставаться вне графика в качестве ответственного офицера по полку. Я удивился, конечно, такому вызову, но собрался и приехал на

присланной им дежурной машине в полк, посмотрел, печать на месте. Прибыл к капитану, но его на месте и на территории в части не оказалось, и я пошёл в свою казарму спать.

Воинская часть располагалась в 18 км. от нашего жилого городка, а дежурную машину прапорщику никто не даст. К тому же разрешение на это даёт ответственный офицер, а его нигде нет... На второй день поздним вечером за мной опять пришла дежурная машина, опять Чебиток нашёл непорядки на тех.территории, в расположении тех.площадки моей танковой роты. Мне это надоело, и я отказался ехать в полк. Тогда он прислал с дежурным офицером записку об аресте меня на 10 суток, за неуправление. Конечно же, моя жена помогла мне собрать туалетные принадлежности, необходимые там, и я с этим портфелем отправился на гарнизонную гауптвахту.

Спустя много лет я узнал, что причина моих частых суточных нарядов и этого ареста – в интимной связи моей жены и того любвеобильного капитана. Который тогда, в моё отсутствие при аресте на «губе» (гауптвахта, где сидели под арестом военнослужащие) на 10 суток переселился с удобствами жить к моей жене...

Дед замолчал и посмотрел в проём окна дома на возвращающегося с большим куканом рыбы, довольного рыбалкой моего приятеля Николая, разговаривающего с Виктором. Потянув воздух из потухшей сигареты, стал доставать из кармана пачку и раскуривать очередную... Не торопясь, затянулся сигаретным дымом, выпустив из обеих ноздрей густой шлейф дыма, с деланным спокойствием продолжил свой рассказ. Только слегка заметное дрожание пальцев рук выдавало его внутреннее напряжённое волнение. Ноздри его носа временами широко раздувались, шумно заглатывая большие порции сырого северного воздуха, наполняя ими лёгкие, издавая при этом редком глубоком вдохе и потом как бы с заиканием сиплом выдохе тихий свист из его слабых лёгких. Сигарета в его руках периодически дёргалась, как бы поднимая ко рту, но не донося до губ, его рука вновь опускалась, что указывало на его неуравновешенное состояние в данную минуту. При очередном судорожном подёргивании вверх руки, он зацепился сигаретой за одежду, и горящий пепел, обломившись, упал ему на брюки и, тлея, прожигая их, стал дымиться. Алексей заметил, что сигарета у Деда уже потухла, но тот всё держал её между пальцев...

– Ты вот что... ты мне скажи... почему бывает так? – спрашивал он Алексея.

Алексею уже стала надоедать эта тематика, рассказываемая с нервным надрывом Дедом, и он, перебив его, спросил:

– А Вы потом как-то пересекались с Галиной? Ведь, вижу, Вы знаете о зелёном платке, и то, что она осталась в деревне?

– В армии, в развал девяностых годов, многих увольняли... не пла-

тили денег. – пояснил Дед. – Написал рапорт на увольнение и я. Жена уже болела, и к её родственникам мы сюда приехали, тут она и померла.... Потом я узнал, что Галина тоже здесь, только живёт в райцентре. Я купил в подарок зелёный с люриком платок и поехал к ней. Нашел её в больнице, у них с родственниками и зятем произошла семейная ссора с дракой на почве дележа наследства, оставшегося от её матери. Зять – бывший работник милиции, был пьяный, ударил её сильно и зашиб внутренности, короче, через два дня Галина ушла из больницы и пропала. Вроде, её видели на дороге, едущую на велосипеде в сторону деревни... Искали, но не нашли. Я так думаю, все были рады, что её нет. Она же была в неладах и обиде на родственников и зятя, оттуда ноги с её исчезновением растут.... Поэтому-то по старой памяти раз в два-три года я сюда и приезжаю, – сказал мой собеседник и продолжил свой рассказ:

– Детство-то прошло вот здесь, на этой улице. Родители работали на Лесопункте, отец на валке леса, а мать – на раскряжовке хлыстов поваленных брёвен. Работа физически тяжёлая, здесь нужна сила, сноровка и хорошее здоровье. На Лесопункте работали в основном люди после войны выселенные из Прибалтийских республик или с Украины – бывшие бандеровцы, татары. Лесопункт был на выселках в лесу и относился к Тотемскому району...

...Дед здесь и родился, помнит постоянно уставшую мать в неизменной фуфайке и кирзовых сапогах, растившую их, четверых детей. В 7.00 утра она уходила на работу и прибегала в обед покормить детей и задать пошла корове с двумя козами.

Отец умер в больнице Тотемского района, где лежал с воспалением лёгких, и было ему всего-то 34 года. В это время года вскрывались ото льда реки и шла шуга, и поэтому мать не смогла привезти умершего мужа домой. Похоронила его мать там же, в Тотье. Дед помнит всё это, хотя было ему всего три года, а младшему брату – 1,5 месяца.

С 5-го класса он, как и все дети лесопункта, ежедневно пешком ходили за 8 км. на центральную усадьбу, где была средняя школа.

Как-то 80-х годах, приехав с женой из армии в отпуск, Дед встретил в деревне подвыпившего рыжевато-го парня. Им оказался сын знакомого Мишки «Короля». Мишка с детства был рыжеволосым, и такими же были его дети. Прозвище «Король» он получил потому, что был заметным и единственным кавалером среди женщин в войну и после неё. Дело в том, что в детстве он попал ногой в молотилку и, будучи хромым, его не призывали в армию, а потом и на войну.

Ещё подростком Мишка научился бойко играть на гармошке, и ни одна свадьба или гулянка в селе не обходились без него. Война подчитила в деревнях мужское население, и Мишка чувствовал себя королём

в женской среде. Будучи пройдохой и парнем не промах, на свадьбе или гулянке, куда его приглашали в качестве гармониста, он частенько вступал в любовную связь с доверчивыми женщинами. Поэтому в деревне среди детей в разных семьях попадались и рыжеволосые. В Сельском Совете говорили, если видели на улице рыжеволосого подростка, это не иначе как от Мишки «Короля».

Мужики его не любили и однажды на гулянке, куда он был приглашён гармонистом, его приревновал к жене один из мужиков. Муж с родственниками попытались избить его, Мишка убежал за сарай и спрятался в стогу. Те прибежав и не найдя его в сараях, стали вилами ширять в сено и чуть не закололи его там...

...После поездки Алексея на рыбалку прошли недели или месяца. Как-то вечером, выбирая покупки между стеллажами с товарами в огромном супермаркете «Лента», Алексей столкнулся с парнем, приезжавшим за Дедом – его зятем.

– Привет, друг! – обратился к нему Алексей. – Ты что же, за столько вёрст приехал сюда за продуктами?

Тот, не узнавая, растерянно молчал, разглядывая его.

– Я Вам говорил, что Ваш Дед остался в той заброшенной деревне с месяц тому назад, – напомнил ему о себе Алексей.

– Да вот приехал в город с женой к моим родителям, они здесь живут. Да и закупиться продуктами на поминки Деда – отца жены. Ему через неделю будет 40 дней, как его не стало, – ответил Зять.

– Да ты что, печальная новость! Что же произошло? А как... Когда это случилось? – спросил Алексей.

Тот оживился и рассказал, что тогда приехал, ждал Деда на второй день в условленном месте. Не дождавшись, чертыхаясь и злясь на него, пошёл в ту деревню, где и нашёл того в одном из домов уже бездыханным.

Алексей попросил его описать, что он увидел там, и тот рассказал:

– Я никак не пойму, то ли у него была вечеринка какая, или он там хорошо провёл время с кем-то. Там никого из людей-то нет. Но по раскладу вещей, продуктов... будто с ним, вроде, был ещё кто-то... Продукты в доме разложены для еды, как бы на двоих. И Деда я нашёл сидящим у стены с сигаретой в руке. Как бы беседующим и замершим на полуслове со спокойным умиротворением на лице. Сигаретного пепла было много, курил, видимо, всю ночь, одних окурков было с десяток. По сути дела и раскладу... там что-то произошло, и, похоже, он был как бы один. Эти свои впечатления я не стал говорить ментам, затаскают ведь и расстраивать этими нелепыми загадками жену...

...Оставшись один, с уходом городских рыбаков, Дед долго сидел на

бревне у дома и курил. Думая о собеседнике Алексее, перед которым он неожиданно для себя «распахнул свою душу». О самом себе, детских моментах прошлой активной жизни в этой умершей деревне. Между тем быстро вечерело, шум птичьего щебетания, постепенно замирая, стихал. Дед вошёл в дом и, сняв рюкзак и ружьё, присел у стены. Некоторое время смотрел в окно на заход солнца.

Вдруг в пустой проём окна влетела птица и, испуганно замахав крыльями, сделав круг в комнате, вылетела обратно. От неожиданности Дед вздрогнул, но рассмотреть птицу не смог, успел заметить только, что чёрного цвета, похожая на ворону или грача. «Хотя далеко в лесу за городом какие могут быть грачи?» – подумал он. И от всего этого ему впервые стало не по себе, в голове у него промелькнула мысль: «Может, зря я сюда пришёл и здесь остался?»

Вечерело, и в доме стало темнеть. В тишине окружающей дикой природы до его обострённого слуха доносились лишь шум листвы, редкое стрекотание сверчка и где-то в ночной стороне временами резкий крик незнакомой ночной птицы. По неизбежному тысячелетиями закону, установленному Творцом, природа неуклонно, неспешно располагалась к покою и иному – ночному образу жизни.

Солнце по мере заката к горизонту всё более увеличивалось и багровело оранжевым цветом. Постепенно снижаясь, скрывалось за вершинами деревьев. И в этот момент, на несколько минут, небо и подсвечиваемые лучами светлые тучки вдруг засветились яркими розовыми оттенками. Это красивейшее вечернее земное явление происходит ежедневно тысячелетиями. И только бегущие с работы среди серых многоэтажек со своими заботами и сиюминутными проблемами городские жители их никогда не видят.

Дед понимал, его жизнь прошла-промчалась, как поезд, и он в ней был как бы сторонний свидетель, наблюдающий с перрона железнодорожный состав, медленно проходящий мимо него вдаль. Он просидел в доме более двух часов. С течением времени в душе Деда появилось и постепенно нарастало тревожное состояние и учащённое сердцебиение. Наконец, остатки построек бывшей деревни накрыло сумраком позднего вечера, и потянуло ночной сырой прохладой. Недавно заступивший на вахту старый филин вдруг бесшумно слетел с засыхающей кроны огромной берёзы, схватил зазевавшуюся полёвку-мышь и тут же на земле проглотил её целиком. Затем он уселся на ветку рябины напротив окна дома и уже с полчаса безмолвно наблюдал за ним из темноты.

Дед поднялся и, раскрыв рюкзак, извлёк из него фонарик, нож, положив их рядом, затем стал доставать продукты и «сервировать» из них угощение на двоих. Приготовив еду, он, привалившись к стене, стал вспоминать картины событий своего последнего армейского отпуска...

...Вот он купил в галантерейном магазине подарки матери – платок-шалль оранжевого цвета и туфли. Потом, посмотрев товар, купил ещё зелёный платок с люрексом, ещё не зная, зачем и для кого...

Приехав из воинской части в отпуск в свою деревню, он встретил знакомых «своей» Галинки и узнал, что она уже ушла от мужа и переехала жить к своей матери. Вот здесь-то и пригодился в подарок купленный накануне тот зелёный платок...

...Осмотрел печь, она оказалась исправной, и Дед, наломав побольше кустов сушняка, растопил её. Уселся перед очагом и закурил купленную у знакомого торгаша травяную курительную смесь и, продолжая сидеть, смотрел на огонь в открытую конфорку печи...

Очнулся он от толчка, будто его кто-то тихонько толкнул или коснулся. В доме было уже темно, но в светлую лунную северную ночь хорошо просматривалось окружающее пространство, покой деревьев нарушал лишь небольшой холодный ветерок, шевеля их листьями. Вверху перистые тучки быстро неслись по небу, временами закрывая полную луну, и тогда всё вокруг на несколько мгновений погружалось в тёмно-серую мглу. Вовсю звенели и лютовали комары, но Дед был привычен к ним, его даже в детстве в деревне они мало беспокоили.

Огонь в печи почти погас, тлея жёлтыми огоньками. Не двигаясь с места, он некоторое время, сидя у стены, смотрел, в оконный проём на часть обвалившегося соседнего дома и тёмный куст старой рябины... В огоньках потухшей печи вдруг стало разгораться небольшое пламя огня, и где-то рядом с домом громко протяжно проухала сова: «Уу-ух».

Внезапно из темноты в проём окна влетела и села на подоконник крупная сова-филин и уставилась своими жёлтыми глазницами на него. Но это её неожиданное появление почему-то не напугало Деда. Как будто так и должно быть. Затем слева из темноты входного дверного проёма в комнате дома бесшумно появился силуэт женщины в зелёном платке. Странно, но Деда это как-то не удивило, более того, у него сразу чувство встревоженности сменилось лёгким приятным ощущением и настроением. В его голове возникла одна сладостно-волнующая мысль, как в юности, когда он встречал её здесь в деревне, в то же время осознавая – это Она... чем-то другая... но это – Галина! Хотя черты её лица и взгляд были несколько другими – одухотворёнными, он в душе признавал, что это была Она...

Женщина ласково и доброжелательно посмотрела на него, остановившись в двух шагах. Движением руки и головы сняла с головы зелёный платок и, резко встряхнув головой, расправила на своих плечах пышные волосы. Шагнув к нему, она спокойно опустила руку ему на голову и, склонившись перед ним, продолжительно посмотрела ему в глаза. Затем сделала плавный жест ладонью руки в сторону филина – и в

тот же момент он, взмахнув большими крыльями, исчез в оконном проёме, вылетев в ночной сумрак леса...

– Вот ты и у меня, здесь... На границе двух миров... Хотя я понимала, пройдёт время – и ты придёшь сюда ко мне. В последние два года ты часто думал о своей жизни и... о нас двоих. Бывая в церкви, ставил за упокой свечу с молитвой о спасении моей души. Спасибо тебе... нам здесь это помогает... Я узнала, что твоя душа не находит покоя, и ты собираешься опять прийти сюда в деревню... Всё это меня беспокоило и даже как-то мешало... здесь. И поэтому я через того путника, напуганного вчера ночью в этом доме... дала тебе о себе весточку, – произнесла Она. Затем, отступив назад, присела рядом с ним на кровать и положила голову ему на плечо... Так они некоторое время сидели, не шелохнувшись.

– Меня здесь ничего не удерживает, я готов быть с тобой всегда! – сказал Дед.

Так они проговорили всю ночь. На востоке засветилось небо, и она встала, собираясь уходить. Вслед за ней решительно поднялся и Дед...

ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ

*Вот такое счастье по плечу нам –
мыслью осветить пространства те,
чтобы мир предстал живым и юным,
а не страшным мраком в пустоте.*

Н. Асеев

В один из пасмурных зимних февральских дней 2016 года стояла уже привычная всем жителям города Череповца слякотная погода.

У первого подъезда нового трёхэтажного четырёхподъездного дома с синей металлической крышей стояла карета скорой помощи. Водитель скорой, привалившись спиной и боком к стеклу дверцы, дремал на сидении. Вскоре из подъезда вышли с чемоданчиком двое мужчин в халатах. Один из них, видимо, старший сказал другому:

– Ты видел сабли и трости?

Другой молча кивнул головой.

Оба спустились со второго этажа подъезда, куда прибыли по вызову в левую квартиру лестничной площадки. Минутами ранее в одной из комнат этой квартиры лежал Алексей Николаевич Нидзиев почти 69-летний пожилой мужчина. Рядом суетился, подключая шнур к прибору, один из врачей «скорой». Другой оглядывал комнату, где на ковчаной кровати лежал больной. Задержал взгляд на большой гобеленовой картине «Аисты». Затем, повернувшись назад, остановил взор на висевших на

специальной подставке на стене шашках, наборного казачьего пояса, нагаек и тростей, подошёл к ним, стал рассматривать. Не поворачиваясь, он спросил хозяйку:

– Что случилось?

Выслушав молча её сбивчивый рассказ, потянулся к одной из шашек, пальцем опробуя её острие, спросил коллегу:

– Ну, что?

– Нормально, – ответил тот, рассматривая выползающую из прибора кардиограмму, – только давление понижено.

– Ничего страшного, так бывает... – сказал первый, продолжая рассматривать оружие и трости. Эти висевшие предметы на стене привлекали его внимание больше, чем лежащий больной. – Так бывает, – повторил он ещё раз, почти автоматически, уже для хозяйки и направляясь к выходной двери.

Алексей Николаевич, отставной полковник, после ухода в запас с военной службы ещё 12 лет проработал на заводе. Подобный случай с вызовом «скорой» испытывает в третий раз, с периодами в несколько лет. После ухода врачей «скорой помощи» чувствовал себя лучше, почти здоровым. Продолжая лежать, думал, как малы грани жизни человека, ведь всего 20 минут назад здоровье его было нормально – и всё поменялось в несколько секунд. Врач порекомендовал полежать, и он, думая, стал вспоминать молодые годы военной службы и учёбы в академии. Войсковую стажировку в академии и в ходе неё участие в дивизионных учения в г. Сальяны (Азербайджан) в 1980 году...

Стажировался месяц в должности командира отдельного инженерно-сапёрного батальона. В июле части дивизии подняли по тревоге ночью, наш приданный отдельный сапёрный батальон получил задачу в ходе марша выдвинуться в южном направлении, в предгорный район. Стало известно, батальону необходимо будет оборудовать командный пункт дивизии и быть в готовности инженерного обеспечения наступления полков к утру следующего дня.

Несмотря на лето, моросил дождь, и было холодно, инженерная техника батальона растянулась по сельской дороге, шла уже более двух часов в темноте ночи. Гусеничная техника сильно снижала темп и скорость марша, и комбата это беспокоило. Колонна техники остановилась, вдоль машин пробежал с сигнальными флажками начальник химической службы

– Газы, газы, преодолеваем зону заражения учебно-боевыми газами! – прокричал он.

Все спешно стали натягивать на лица противогазы. Колонна тронулась и медленно пошла в зону желтоватого тумана. Алексей Николаевич тоже натянул маску противогаза и осмотрел солдата-водителя, вскоре в горле и носу появился резковатый, мешающий дышать специфический

химический запах. Появилось першение в горле и затруднённая в дыхании. Хотелось сорвать противогаз и вдохнуть свежего воздуха, но они сильнее прижимали маски к щекам, чтобы не было подсоса заражённого воздуха. Сзади в кузове послышался бьющий сухой рвотный кашель.

Через 15-20 минут они вышли из зоны заражения. Под утро колонны подразделений подошли к холмистым возвышенностям и остановились.

– Здесь оборудуем КП дивизии, – сказал комбат, – ты, давай, руководи отрывкой экскаваторами укрытий для командирских машин и радиостанций, а я буду заниматься оборудованием НП (наблюдательного пункта) командира дивизии, – сказал он Алексею.

Где-то через час работ показалась колонна радионной техники связи штаба дивизии, из машины выскочил нач. опер. отдела штаба и подошёл к ним, осмотрел укрытия и похвалил за качество.

– Но, – сказал он, – вы зря работали. Получена радиограмма об изменении обстановки и продолжении марша, быстро сворачивайтесь и следуйте за нами.

Офицеры прибывшей колонны сообщили, что видели диких животных и грызунов, погибших от ночных отравляющих газов. Утром колонна боевой техники и транспорта подошла к горам. Три роты сапёрного батальона под его началом остановились колонной вдоль дороги и стали ждать команды к дальнейшим действиям. О четырёх ротах во главе с комбатом было неизвестно. Связаться по радиации с ним не получалось. Штабная колонна ушла куда-то дальше и свернула влево. Все промокли и замёрзли, ожидая приказаний, сидели в инженерных машинах. Понимали: наша задача оборудовать КП дивизии, но неизвестно в каком месте и, главное, время на это уже упущено.

Начштаба дивизии, выбрав место, принял решение разворачивать КП в овраге, неподалеку от дороги, сразу забегали связисты, быстро развёртывая телескопические антенны радионных машин. Впереди, на удалении нескольких километров, видна была цепь высоких кавказских гор. Справа раздавался гул самолётов, появились две пары штурмовиков, которые, пролетев вдоль горы, сбросили бомбы. В небо поднялось большое облако пыли, разлетались камни. Этот вид бомбометания по целям впечатлил всех. Было ясно, попавшие под эти взрывы бомб крупного калибра не уцелеют, а уцелевшие будут уже не боеготовы, то есть не в состоянии будут адекватно действовать в обороне.

Вдруг слева, сзади колонны послышался шум двигателей, и вперёд вылетела БМП и, сильно качнувшись вперёд, резко остановилась на месте. Мотор её оглушительно ревел, видимо, на полном газу, от этого весь корпус машины сотрясался. Следом выскочила вторая БМП, встав в линию в 50 метрах от первой, потом третья, четвёртая и т.д. Затем, видимо, получив команду по радио, они устремились вниз, ведя пулемётный огонь на ходу по подножью горы впереди стоящей цепи виднеющихся

ся гор. Туда, где штурмовики отбомбили предгорье. Пройдя метров 400-500, они остановились. Вперёд выдвинулся один БТР, из него высыпались на землю бойцы сапёрного взвода с миноискателями и ползком стали ощупывать ими землю, отыскивая мины.

В нашей колонне все оживились, послышалось: «Наши, наши пошли работать!» Было видно, что им физически тяжело передвигаться ползком в шинелях, с оружием, снаряжением и миноискателями. Подумалось, глядя на неуклюжие передвижения сапёров, в боевой обстановке днём, под стрелковым огнём, реально их бы всех могли бы быстро перестрелять. Минут через 15 проход в минном поле сапёрами был проделан и обозначен. БМП с пехотой ринулись вперёд по проходу и, дойдя до гор, остановились, упершись в них.

Вечером в 17 часов в клубе мотострелковой дивизии шёл разбор и оценка действий частей дивизии по этапам войсковых учений. На трибуне сидели трое генералов: зам.командующего армией, член военного совета и нач.опер.управления штаба армии. Запомнился член военного совета – высокий, стройный, с ухоженным лицом (виден было нанесённый на щёки крем) генерал-майор с восточным типом лица, лет 55-ти (А.Н. почему-то решил, что это туркмен или дагестанец). Присутствовали командиры частей дивизии и их заместители. Командир дивизии, полковник, и его штаб сидели в первом ряду, перед руководителями учений. Через ряд расположились группами командиры подчинённых частей дивизии, все напряженно вглядывались в сидевших на сцене генералов, ожидая разбора.

Негативно настроенный генерал зам.командующего говорил:

– Все этапы учений дивизии оцениваются плохо! Полки дивизии марш завершили с задержками и к назначенному времени к рубежу не вышли. За исключением второго полка. – добавил он. – Почему первый полк вышел с опозданием на 1,5 часа на рубеж атаки? Где связь на марше? Её нет! Где командир полка?

С третьего ряда встал подполковник.

– Доложите мне, почему ваш полк не вышел к четырём часам утра на рубеж атаки, заблудились? – задал вопрос генерал.

Подполковник молча стоял.

– Вопрос повторить? – вновь спросил раздражённым тоном зам.командующего. – Где вы всю ночь блудили?

Подполковник, поколебавшись, сказал несколько слов:

– Мы вовремя почти подошли к исходному рубежу, когда обнаружили, что в колонне нет штабной машины со знаменем полка, – выдавил он трудные для себя слова.

У генерала «туркмена» напомаженное лицо вмиг посерело, глаза полезли на брови, уверенность и спокойствие моментально слетели с его фигуры. Резко подавшись вперёд, он проговорил:

– Стой-стой, об учениях потом, где машина и знамя, как вы допустили... Вы что, потеряли знамя? – сверлил он взглядом фигуру комполка.

– Машину нашли, водитель неопытный, – докладывал комполка, – после преодоления зоны заражения они по неопытности вклинились в колонну машин службы тыла и... поэтому мы и опоздали на рубеж атаки, – добавил он.

Разбор учений продолжался, кроме первого полка, неудовлетворительно оценили третий мотострелковый полк, который вовремя не высадил пехоту из БМП в ходе боя в горах, что особенно возмущало генерала:

– Вы угробили людей, ведь в БМП они были лёгкой мишенью для гранатометчиков! – говорил он.

Второй полк получил удовлетворительную оценку, голос делающего выводы зам.командующего армией заметно потеплел, когда он оценивал действия 2-го полка на всех этапах учений:

– Хорошо, молодцы! – заключил он, оценивая их. – В целом, по итогам учений дивизия получила неуд!

Командир дивизии выглядел мрачным, за всё время разбора не сказал ни слова. По завершении разбора офицеры сгруппировались вокруг своих командиров полков и отдельных батальонов дивизии. Обсуждали оценки и получали указания о марше в свои городки, постепенно двигаясь к выходу из зала. В это время с трибуны спустился один из генералов и, подойдя к одной группе старших офицеров, пожал руку подполковнику, сказал:

– Ваш полк действовал хорошо на всех этапах, хотя и оценён удовлетворительно, молодцы! – добавил он.

– Я в Германии командовал полком штатов военного времени, – сказал подполковник.

– Да-да, – кивнул генерал...

Последние годы военной службы Алексей Николаевич начинал каждый день с утренней мысли о предстоящем возвращении на свою малую родину. Но не получилось, Горбачев своей перестройкой внёс существенные изменения в его планы: во-первых, он потерял хорошую должность в Таджикистане, где в то время служил; во-вторых, в стране наступил развал и разруха, и в Мэрии Волгограда (его родине), где он стоял на очереди, ему сказали о призрачности перспектив получения квартиры в течении 7-10 лет.

Поэтому, уже работая на машиностроительном заводе, он приобрёл участок земли 13 соток в деревне Петраково под дачу, в 15 километрах от города. Деревня была большая, находилась на пригорке и имела две улицы. Зимой в ней проживало 9 семей, а летом она всю оживала и жила полной жизнью за счёт дачников и приезжающих на отдых горо-

жан. На небольшом удалении вокруг неё располагался смешанный, по большей части заболоченный, запущенный лес, как говорят местные, чапурыйный. Недостатком считалось, что до реки было несколько километров.

На купленном участке земли уже стояла небольшая избушка с печью (такие домики продают для бань), фундамент и остатки гнилого забора. По рассказам старожилов села, давно здесь был двор и стоял жилой сельский дом. Но дом сгорел в результате возгорания на веранде неисправной электроплитки с самогонным аппаратом.

Новостройка шла быстро, и в течение года здесь выросли новый двухэтажный дом, теплицы и баня. Хотя и не имея опыта, они с женой занялись осваиванием сельского образа жизни, ковырянием в грядках, посадкой кустов, пользуясь советами соседей. Соседи, как и везде в деревнях, все, как один, старших возрастов, пожилые люди. Они всё лето копаются в земле и теплицах, в основном, женщины. Их мужья помогают им, а по большей части изыскивают пути в поисках и распитии любого спиртного напитка...

...В четверг приехав в свою деревню Петраково, Алексей Михайлович расположился на отдых в своём просторном доме. Уже к вечеру, слегка протопив печь в бане, с удовольствием улёгся греться на полке. Вообще-то ему здесь нравилось, везде на участке и в доме он ощущал постоянный покой и комфортное состояние души. Вся окружающая природа, огороды с копающимися целый день на грядках женщинами – всё здесь указывало на размеренно текущую в определенном русле жизнь, не требующую спешки.

Природа так определила раз и навсегда: в апреле, после таяния снега, вся растительность кругом просыпается и быстро готовится к лету. В мае – посадки в огородах, и только через две недели появляются всходы из посаженных семян... Осенью сбор плодов урожая. И так веками...

– Ты бы отдохнула! – сказал Алексей Михайлович соседке, копающейся целыми днями в огороде.

– Что Вы, для меня работа на огороде – это отдых для души! Я столько в городе ждала, когда придёт время ехать в свою деревню! – ответила та ему, выпрямляясь и разгибая спину.

В деревне спать ложатся рано и рано же встают. Поздним вечером засыпая, Алексей услышал монотонный шум во всём доме и понял: пошёл долгожданный дождь. Проснувшись в пять часов, ранним утром, он вышел на улицу. После ночного небольшого дождика вся трава отдавала яркой зеленью и блестела хрустальными капельками воды. С окраины посёлка, со стороны часто растущих отдельных берёз, раздавалось красивое пение птиц, заполняющих своим разнообразием голосов окружающее пространство. В него удачно вплеталось завораживающее

пощелкивающее пение соловья. Вот он перешёл на громкий посвист и вдруг снова переливисто радостно часто защелкал.

Алексей, остановившись, заслушался, и весь его организм стал, наполняясь, заряжаться волнующей энергией, передаваемой природным гипнозом от поющих птиц, так встречающих восход солнца. Вся эта, приветствующая зарождение нового светового дня, громкая птичья какофония наполняла покоем и умиротворением его сознание...

Было ещё пасмурно, в воздухе висел редкий белёсый туман, закрывая от глаз дальнее пространство. Вскоре он увидел поднимавшийся над лесом большой диск солнца, от которого ласково потянулись яркие лучи. От этих лучей туман стал быстро рассеиваться и вскоре в низинах прибил к земле. С восходом солнца воздух стал быстро прогреваться, и на улице стало заметно теплее. Хотелось как можно подольше стоять на тропинке в середине своего двора, слушая и впитывая эти природные звуки. Смотреть на поднимающееся солнце и проснувшихся летающих бабочек.

На улице над забором замелькала простоволосая голова медленно идущей нездоровой походкой местной женщины, Алексей узнал в ней «хроническую выпивоху», живущую в щитовой казарме в середине села. Её несуразная фигура невысокого роста, непомерно крупная голова сидела на плечах так, что ей приходилось поворачиваться всем корпусом при необходимости посмотреть вбок. Накануне с приоткрытого окна запущенного дома её подруги долго слышались возбуждённые пьяные голоса. И теперь, проспавшись и не ориентируясь во времени и пространстве, она так рано пришла туда, где накануне ей было весело...

Дойдя до старого дома своей подруги, она вошла во двор без калитки и, поднявшись на крыльцо, постучала в дверь. Постояв напрасно минут пять перед закрытой дверью, она такой же медленной, нетвёрдой походкой вышла со двора и пошла дальше вдоль по улице..

...Алексей Николаевич живёт в деревне всё лето, обычно два раза в неделю топит баню до 70 градусов (больше здоровье не позволяет) и вместе с женой, лёжа на полках парной, с удовольствием вдыхают пары пряных ароматических масел, распространяющихся от камней на печи...

В первую ночь в новом доме они с женой, распаковав и застелив постель на кроватях, улеглись спать уже поздно вечером в одной из комнат второго этажа. Через минут пять-семь они услышали топот шагов, как будто в доме был ещё кто-то. Прислушались, точно, звук шагов слышен с первого этажа дома. Вдруг на первом этаже на полную громкость заревел радиоприемник. А.Н., вскочив с кровати, пробежал вниз по лестнице, попытался выключить его, потом, сдёрнув крышку приемника, быстро вытряхнул из него батарейки. В установившейся тишине оба ле-

жали молча, прислушиваясь в полумраке. Затем в их комнате, что-то громко пробежало по потолку и с него – по стене, в месте, где стояла кровать жены. Они вскочили и, включив свет, обследовали этажи дома, но ничего и никого не нашли. Жена достала из шкафа и зажгла свечу, с молитвой обошла трижды комнаты дома.

О происшедшем ночном событии никому не говорили, зная, как люди реагируют на подобные рассказы. Больше такого явления не было, и жизнь в новом деревенском доме стала постепенно налаживаться. Но спустя три-четыре недели ночью (летние ночи на северо-западе очень светлые) он очнулся от женского голоса и произнесённых им слов: «Ночные хозяйева». И почувствовал, как кто-то поднимается по лестнице и входит в комнату, где они спали. Это были две женщины, одна из них прошла к кровати жены, другая, стоя с торца кровати у ног, склонив голову, посмотрела на него, и он увидел в полутёмной комнате её до пояса, это была ещё молодая женщина лет 37-42.

Утром он спросил жену, слышала ли она что-либо ночью. Жена ответила:

– Нет, ничего не слышала.

Потом сосед-пенсионер рассказал, что этот участок земли несколько лет после пожара в доме был заброшен. Потом лет 6 тому назад его купили две женщины из города, дочь и мать. Они поставили домик для бани и кое-как оборудовали его для жилья летом. Дочь 40 лет, раньше работала технологом на заводе, потом заболела раком груди. Прожили они здесь два года и также внезапно исчезли.

– Наверное, уже умерли. – сказал сосед и добавил. – Мать старая была, а дочь в последнее время сильно болела и всё куталась в одежду.

Магазина в деревне не было, во вторник и пятницу приезжала автолавка. Громко сигналя, она приезжала утром и останавливалась в определённых местах деревни, со всех дворов выходили и шли к ней с сумками женщины купить продукты и посудачить друг с другом о деревенских новостях.

Здесь же, в деревне, в группе женщин, покупающих продукты в автолавке, А.Н. встретил женщину, лицо которой ему показалось знакомым. Позже он вспомнил. Работая на заводе, лет девять тому назад, его вызвал начальник управления, который, положив трубку телефона, сказал:

– Необходимо разобраться в причинах происшествия в энерго-ремонтном цехе, там станочница получила травму.

Придя к начальнику цеха, он застал его у селектора (шло общезаводское совещание) и в сопровождении зам.нач.цеха прошёл в цеховое станочное помещение. Войдя в большое производственное помещение, увидели слева у окна неработающий токарный станок и стоящих около

него в синей спецодежде двоих: это были мастер и пострадавшая станочница – худенькая женщина лет 45.левой рукой она осторожно подерживала правую травмированную кисть руки. По грязным, испачканным в машинном масле пальцам руки, стекала кровь. Лицо её было бледное. Было видно, что она испытывает острую боль в руке, и её обшее болезненное состояние. От болезненной слабости она облокотилась бедром о станок, продолжая удерживать пораненную руку.

Мастер при появлении руководства перестал ей что-то говорить, отошёл назад. Зам.нач.цеха нарочито строго стал её отчитывать за применение опасного приёма в работе по замене резца при вращающемся шпинделе, что привело к травме, и что она за это будет наказана. А.Н. перебил его, сказал, что всё ясно, и она больше не нужна, пусть идёт в травмпункт, и предложил отпустить её домой. Зам.нач.цеха не согласился.

– Не надо разлагать дисциплину, – сказал он.

Спустя примерно два месяца, А.Н. захотел снова увидеть травмированную, зашёл в этот цех и прошёл в станочное отделение. Пройдя по участку, увидел её, работающую на токарном станке, подошёл к ней. Помня её страдания от травмы, он спросил, как рука, она подняла голову и неловко, смущённо хохотнула...

По вечерам в деревне устанавливается удивительная тишина, по небу очень низко плывут тёмно-серые дождевые облака. Увидеть в ночном небе звёзды здесь – большая редкость. Покой угасающего дня постепенно разливается вокруг и незаметно овладевает готовящейся ко сну деревней, ощущается во всём. В том числе, в шуршании и редком посвисте птиц в кустах почерневшего в темноте дерева, в доносящемся тихом говоре соседей, в заведённой и вдруг замолкающей вдали рыкающей мотопиле, в гоготе гусей во дворе дальнего подворья, находящегося у леса.

Всё говорит о медленно угасающем дне, солнце уже еле подсвечивает розовым цветом тяжёлые и низко висящие облака. На западе стали видны розовые лучи почти утонувшего за горизонтом солнца. Воздух стал быстро остывать и холодить спину. Стали постепенно теряться в сумерках очертания предметов и строений. Вот от кромки тёмного леса медленно появилась ровная белая полоса тумана и медленно стала подниматься и надвигаться на деревню. Над её белой полосой ещё видна висящая в воздухе большая берёза, стоящая у края деревни. Туман медленно поднимается, и вскоре берёза постепенно исчезает из виду.

В такие моменты Алексей Михайлович садится на лавку у крыльца и молча смотрит на закат, птиц воркующих и шуршащих в ветках рябины и гнездящихся ко сну. Видит колебание травы и появившегося и замершего на месте ежа, потом вдруг побежавшего к дороге. Слышит доносящийся визгливый крик соседки на подвыпившего мужа. Думает... Сколько

ко тысячелетий каждое утро наступает рассвет, потом новый день, и так же красиво светит закат солнца вечером. Сколько поколений разных людей родилось, выросло и ушло в мир иной только в этой деревне. О которых уже никто не помнит и не знает, их следы жизненного пути на пыльной дороге жизни сдуло и замело осенним ветром и зимними метелями...

В тишине доносится тихий шум удаляющегося автомобиля, в кабине «Опеля» за рулем сидит ссутулившийся постаревший сосед, живущий через дорогу, сегодня в очередной раз он отвозит жену, работающую в ночную смену в городском кафе. А.Н. знает, ночью в два часа сосед вновь уедет за ней. Поговаривают, что кафе принадлежит им. Поэтому такие поездки осуществляются каждую ночь...

Красота вечернего заката солнца, окрашенные розовым светом облака вновь приворожили его и прервали ход мыслей. Из дома послышался голос, его звали к вечернему чаю...

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

*Гори, гори, моя звезда,
звезда любви приветная...*

.....
*Умру ли я, ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда...*

В. Чувский

В купе стоящего поезда «Москва – Поворино» сидел пожилой седой мужчина с тонкими длинными усами и внимательно смотрел в окно вагона. На заросшем рыжей пыльной травой и редкими тонкими стеблями колючей акации перроне небольшой станции, где была кратковременная остановка поезда, было безлюдно. На старинной, из красного кирпича, низкой станционной постройке была надпись «ст. Абганерово». Жаркое солнце щедро поливало своими лучами всё окружающее пространство, от чего всё живое попряталось в тень.

Поезд тронулся, и мужчина приник к окну, проехали ещё один полустанок и справа, сквозь остатки чахлах посадок лесополосы, появился небольшой овражек. Взгляд пассажира жадно воспринимал ровный горизонт, редкие кусты масленики и рыжую выгоревшую траву южной русской степи. Здесь жаркий климат и природа на всём оставляли свой отпечаток.

Вдруг поезд завернул влево, и его взору открылся в отдалении большой посёлок, утопающий в зелёных садах. Было заметно, что пассажир с волнением воспринимает всё увиденное, поезд замедляет ход и

вскоре, проехав часть пути по окраине посёлка, останавливается у одноэтажного красного кирпича старинного вокзала с надписью «ст. Жутово». На выходе из вагона в лицо ему пахнул жаркий воздух полупустыни.

Веками южные степи, полупустыни весной наполняются чарующим красными маковым цветом от расцветающих сплошь до горизонта цветов. Затем, спустя две-три недели после их отцветения, дух захватывает от белого цветущего колышущегося волнами на ветру степного ковыля, радующего душу и глаз. Летом же калмыцкая и Волгоградские степи представляют собой унылое, безлюдное, выгоревшее под жарким палящим солнцем рыжее пространство.

Издревне оно называлась «Великая Степь», полудикий всадник-калмык и казаки чувствовали себя здесь хозяевами, изредка, с опаской, появлялись, проскакав в сторону горизонта. В старину калмыки здесь вели полукочевой образ жизни, казаки, защищаясь от набегов горцев и калмыков, окружали оградой свои станицы. И все они, не зная плуга, жили здесь военной добычей – ясырем...

...В неглубокой балке стоят три мохнатые монгольские лошади, их поводья привязаны к рукоятке воткнутой в землю сабли. Рядом, сидя на корточках, играют, кидая на землю бараньи кости, в «Альчики».

Лежащий неподалеку на склоне балки дозорный казак, наблюдавший горизонт сквозь стебли колышущегося ковыля, слышит их бормотание: «Чика, Бука, Стояка».

– Яман-карман! – вдруг прокричал один из них и, рукой сгребя выигрыш, с довольным оскалом беззубого рта запихивает его за пазуху засаленного чекменя.

В это время дозорный тихо прошипел:

– Атас!

Двое, бросив игральные кости и склонившись к земле, быстро подбежали к нему и прикинули к траве. По степи вдалеке в их сторону катила крытая пологом арба, запряжённая быком. Рядом маячила фигура конного всадника.

Спустя пару мгновений один из наблюдавших тихо произнёс:

– Мандчик (т.е. калмык).

Один из них спустился к лошадям и стал отвязывать их, удерживая за поводья. Вскоре было видно в арбе сидящую, укутанную дерюжкой женщину и двоих детей, гарцующего рядом всадника с саблей и луком за спиной. Когда арба приблизилась, сидящие в засаде, вскочив на коней, с громким гиком вылетели из балки. Всадник у арбы, вздрогнув, схватился за лук. В это время один из нападавших с пикой наперевес полетел на него, не давая тому снять лук, и попытался сбить его на землю. Калмык, бросив лук, выхватив саблю, отмахивался ею от пики и другого, напавшего с саблей.

Его жена, схватив из арбы пику, быстро спрыгнув на землю и по боевому присев на широко расставленные ноги, развернув пику, тоже активно вступила в битву. Ловко орудуя пикой, она попыталась ударить ею одного из нападавших, с трудом увернувшись от её пики, тот ударил плашмя саблей её по голове. Она, качнувшись, выронила пику и упала на землю. Освободившись, все трое нападавших окружили крутившегося во все стороны волчком калмыка, он отбивался, бешено вращая саблей, уклоняясь от ударов пики и сабель.

Наконец, одному из нападавших удалось достать его ударом пики в бок, калмык резко качнулся в сторону, но удержался в седле и, упав на гриву коня, быстро помчался от арбы в сторону горизонта. На преследование его помчался один из нападавших, вскоре он вернулся.

– Ушёл помирать, – виновато вытянув шею в сторону друзей, произнёс он и добавил: – Конь под ним добрый, упустили... жалко коня...

В это время те двое грабили содержимое домашней утвари, стоя в арбе, не обращая внимания на испуганных детей. Один из них, наклонившись в арбе, поднял прятавшуюся там в куче хламья испуганную на смерть старуху-калмычку.

– Вот тебе жана (жена), – произнёс он другу и, расхохотавшись, добавил: – Ты ить искаишь сабе жану?!

Тот в ответ, изобразив гримасу на лице, злобно огрызнулся. Спустя время они, нагруженные увязанными в торока захваченной добычей – «Ясырем», шагом направились на север в сторону р. Дона. За одним из них на верёвке-аркане шёл бык.

Среди пустынной степи осталась одиноко стоящая двухколёсная арба с сидящими, прижавшись друг к другу, ребятишками. В нескольких шагах от них, судорожно скребя пальцами одной руки родную сухую землю, лежала женщина...

...1968 год. Калмыцкое село Кануки в одну длинную улицу. Село было в 47 км. от районного центра, издавна здесь вместе жили калмыки и русские...

О том, что мать снова положили в больницу, дети узнали уже к вечеру, после возвращения из школы. Жили они втроём – мать, дочь и сын в саманной из глиняного кирпича хате. 14-летняя дочь Валентина после школы привычно, по-хозяйски, убралась с домашним скотом: овцами, поросёнком и курами. Приготовив кашу, накормила младшего брата и с наступлением вечерних сумерек впервые с братом самостоятельно стали укладываться спать.

О том, что её матери стало совсем худо и её увезли в больницу, узнала от соседки по двору. В деревне жили её родственники – 43-летний брат матери, но отношения с ними были никакими, проще сказать, прохладными. Поэтому она к ним не пошла, да и те, скорее всего, уже все

знали. В деревне-то все на виду, и приезд из «Района» к их дому машины «Скорой мед.помощи» в деревне не останется без внимания. Генка, 10-летний брат Валентины, привычно принял опеку сестры и охотно слушался её, хотя от работы дома по хозяйству по старой привычке отлынивал и сестре помогал мало.

Мать застудила почки, работая на стрижке совхозных овец, подбирая и перетаскивая тяжёлые кучи настриженной шерсти, она вспотела и... Слабыми почками страдала вся семья: отец, старшая сестра матери Ольга, а теперь вот и она, Надежда – мать двоих детей. Её муж умер от сердечной недостаточности, работая в поле, уже четыре года тому...

В субботу Валентина на рейсовом автобусе приехала в районную больницу к матери. Кровать матери стояла у двери палаты, и дочь, как-то растерянно и нерешительно, остановилась. Среди кроватей с большими женщинами увидела мать, лежащую с отрешённым, покорным судьбе лицом. Мать лежала молча, её подбородок неподвижно смотрел вверх, потом перевела взгляд на дочь. По её усталому и от болезни пожелтевшему лицу был виден её тяжёлый недуг. Дочь постояла у кровати, теребя в руках белую выгоревшую косынку, ожидая слов матери.

Спустя некоторое время мать вдруг неожиданно сказала дочери:

– Корм для скота расходуешь... экономно. Зарежьте одну овцу на мясо... попроси соседа дядю Колю, он поможет с этим... В ноябре с дядей Петей... или лучше с дядей Колей... заколите свинью на сало, тётя Маша (соседка) поможет вам засолить сало. Пух и шерсть, что лежат на сундуке, расчеши и спряди, ты уже умеешь... свяжешь тёплые носки. Я тебя учила..., а не получится связать, попробуй продать...

Спустя 15 дней её перевезли на лечение в областную больницу. Весной матери не стало, на похоронах было несколько односельчан и дальних родственников. Так у Валентины и её брата в одночасье закончилось детство.

Опеку над осиротевшими детьми взяли посторонние люди, семья экономиста совхоза, живущая в селе, это позволило не определять их в Детский дом. Живущий здесь же в селе родной дядя Петя остался безучастным к судьбе своих племянников.

Судьба сестры Раи (дочери старшей сестры Ольги) так же была непростой, её мать, сестра Надежды, так же рано умерла от той же болезни. Она в 15 лет была вынуждена уехать из посёлка в город Волгоград и там в одиночестве пережить все лишения и трудности. Работая подростком санитаркой в больнице, иногда ночуя у своей тётки, живущей с семьёй в коммунальной комнате, на чердаке частного сектора у подружки или на скамейке в парке. Наибольшую опасность для таких бедолаг девочек, приехавших в город из деревень и ночующих на скамейках в парке, представляли не хулиганы, а крадущаяся милиция. Застав спящими на скамейках города, их везли в отделение милиции, где оформляли на

них протокол по статье за «Бродяжничество». Поэтому девчонки спали поочередно, и одна из них чутко прислушивалась к шагам в ночной тишине...

...Выйдя из вагона, путник уверенно обойдя слева здание вокзала, пошёл по тротуару к центру посёлка. Его приезд был ранее согласован и связан с предстоящей встречей с друзьями детства и по школе. Всё лето у него на даче на Вологодчине гостили внуки Лиза и Мишка, и теперь, когда их забрали, он приехал в посёлок, где прошли его детство и юность.

Внуку Мишке 6 лет, и его со старшей сестрой уже третий год привозят к бабушке и дедушке на дачу в Череповец из Москвы на лето. Мишку все любили, и его сестрёнка Лиза, это чувствуя, по-детски сильно ревновала и при случае мстила и жестоко била его. Его дед Александр часто шутил, подзывал внука и спрашивал:

– А Мишка чей?

Тот, понимая, какой от него ждёт дед ответ, плутиливо поведя глазками, отвечал:

– Ничей я! – и со смехом убежал.

Дед ловил его и, подкидывая, спрашивал:

– Чей Мишка? Чей Мишка?.

Тот, смеясь, отвечал:

– Ничей я, ничей я!

Или, убегая, отвечал:

– Я мамин!

Мишка любил проказничать. То выследит, куда бабушка прячет спички и, украв их, спрятавшись за диван, втихаря жжёт их, наблюдая, как под огнём спички плавится ткань обивки дивана. Все домашние, поведя носом, отмечают в доме странный специфический запах чего-то палёного и ничего не могут понять. У него дома в коридоре стоит порошковый огнетушитель, купленный после того, как Мишутка поджёг на кухне аптечку.

То, насобирав на дачном участке больших старых ржавых гвоздей, устанавливает их под колёса дедова автомобиля и незаметно наблюдает, как дед будет выезжать. Потом вместе с дедом «огорчённо» осматривает пробитую гвоздём покрышку автомобиля. Пока бабушка не обнаружила под двумя колёсами кроссовера очередной установленный им большой гвоздь, затем после осмотра и второй.

«Помогая» бабушке, он, взяв молоток, гвоздём пробив в ведре дырку, поливая грядку многочисленными отверстиями, сделал из ведра решето. Однажды он, подняв обронённый дедом гвоздь, быстро зажал его в кулачке и дед, понимая, что тот его забьёт в пол или стену дома, предложил ему на обмен большой согнутый гвоздь. Мишка, деловито осмотрев предло-

женный «товар», с достоинством отказался меняться, сказав, что предложенный гвоздь ему не подходит:

- Гвоздь ржавый и старый, как ты, дедушка! – отметил он.

Мише было около 6 лет, когда дед усадил его на стул и стал обучать чтению. Большинство букв Мишка выучил в «Капитошке» и уже знал, как из букв слагают слоги. Обучение шло трудно, и вскоре он потерял интерес к чтению, но под напором деда дважды в день усаживался с книгой и с трудом одолевал полстраницы. Дед терпеливо сидел рядом, помогая складывать буквы в слоги, временами смотрел на дорогу в окно второго этажа дачного дома. Мишка водил пальчиком по буквам, нетерпеливо тёр ладошкой лоб и тут заметил, что дед на него уже не смотрит. Он, уловив момент, «незаметно» для деда сдвинул свой пальчик на четыре строки вниз и, вновь остановив свой пытливым взгляд на деда, смотрящего в окно, опустил пальчик ещё на строку ниже.

По вечерам дед с внуками совершал моцион вокруг деревни, внуки катили на велосипедах, а дед шёл следом с палкой от собак. Дед видел, как поравнявшийся с двумя старушками уехавший вперёд внук, приостановившись, что-то сказал им, те в ответ покачали головой. Подойдя к ним, он узнал, что внук сказал им о подаренном ему дедом перочинном ноже.

- И теперь ты с ним будешь ходить в лес по грибы? – спросила его одна из бабушек.

- Нет! – ответил Мишка. – Я грибы собирать не буду.

- А что же ты с ним будешь делать? Мишка ладошкой резко черкнул себе по горлу и заявил оторопевшим старушкам:

- Я им головы резать буду! – и умчался на велосипеде.

Его старшая сестра Лиза уже ходит в школу. Ей 9 лет, и она закончила 2-й класс в г. Москве. Они любят и защищают друг друга, что не мешает им часто ссориться и временами драться. Лизе часто поручают присматривать за братом, что не всегда получается. Бабушка случайно услышала её разговор с братом.

- Ты хотела бы себе ещё одного братика или сестричку?

- Ещё чего, мне и так приходится, за тобой присматривая, мучиться!

Соседями по даче были престарелые Алексей, четыре года тому назад перенёсший инсульт, и его жена Евгения.

Ежедневно Евгения со своей подругой Константиновной в 19 часов совершали вечерний моцион – прогулку вдоль по улице и, выйдя на объездную улицу вокруг деревни, совершали круг и возвращались домой.

Константиновне уже шёл 81 год, и она зачастую многое забывала, что приводило её к казусам, вроде того, что она заблудилась, выйдя самостоятельно за пределы своей улицы.

Сопровождая едущего на велосипеде Мишку, я встретил на дороге этих подруг. Остановившись с ними, я спросил Евгению:

– Ты здесь в деревне выросла, здесь в девках задруживала с ребятами и, видимо, здесь и любовь у тебя в юности была?

Посмотрев в сторону, она помолчала, потом, вдруг, кивнув головой, согласилась.

– Да, здесь жил парень, он жил там. – кивнула она головой в сторону конца деревни. – Как обычно в деревне, после школы и работы дома по хозяйству вечерами молодёжь гуляла, встречались и мы с ним... Потом подошло время службы в армии, и его забрали, мы писали письма друг другу. Мать его, что-то, видимо, имела против этого и написала ему, что я ему не пара. Что у меня никогда не будет детей... Он перестал писать мне, отслужил и вернулся, женился на нашей деревенской. Я к тому времени уехала в город и работала в отделе кадров городской больницы, потом тоже вышла замуж. Приезжала сюда в гости к своей матери и здесь от неё узнавала деревенские новости и, конечно, о нём... Слышала, что стал выпивать он много, и его мать сожалела о выборе им жены. Как-то, приехав в деревню к родителям, я шла по улице к школьной подруге и увидела идущую навстречу его мать.

Увидев меня, она сама подошла ко мне со словами: «Женечка, здравствуй, как давно я тебя не видела, ты ведь уехала и теперь городом живешь! Как там сложилась жизнь у тебя?» Ну, я ответила ей: «Здравствуйте, Татьяна Ивановна, вот приехала в гости к маме. Да, я уже шестой год живу и работаю в городе. У меня растут двое детей... уже ходят в детсад». Она как-то сразу замкнулась, затем пожала мне руку сказала: «Ну, всего тебе хорошего...». И пошла дальше.

Мы часто беседовали с её мужем, соседом 68-летним Алексеем. Он шёл по высокой некошенной траве, припадая на правую волочившуюся ногу, подходил к границе двух участков, не имеющей забора, к беседке, устроенной Александром между двух старых высоких яблонь, оставшихся от прежних хозяев. Яблоням было уже более 50 лет, и они разрослись, смыкая высокие кроны. Иногда они давали большой урожай крупных зелёных яблок, которые, опадая, густо засыпали всё вокруг кроны деревьев сплошной кучей. Их никто не брал, были они очень кислые, так что сводило рот, и надкусив яблоко выбрасывали.

Мы часто разговаривали в той беседке: о работе и службе в армии. Он родился и вырос в лесной деревушке. Деревня являлась Лесопунктом по заготовке древесины для нужд страны. Алексей часто говорил:

– Это не лес! – показывая пальцем на чащу леса на окраине деревни. – Вот у нас в лесопункте был настоящий лес, руками дерево не всегда обхватишь. Такой лес валили, пилили по размеру 6 или 4 метра. Трелем левочным трактором, привязанным тросом к дереву, – упирается своим поставленным под углом к земле щитом, и гидравликой вдавливают его в землю, еле тащит сноп таких деревьев к берегу р. Единга, впадающей

в р. Сухона. Здесь мужики с помощью багров сталкивают их в воду, а стоящие с шестами вдоль берега отталкивают плывущие брёвна от берега, стараясь, чтобы не было затора из бревен, беда если случится затор. Тогда наиболее опытные мужики, каждый с длинным шестом, с берега запрыгивали на такие брёвна в заторе и, стоя, втыкали вертикально в него багор и, держась за него, балансируя быстро, выплывая на свободную воду, прыгивали на берег, отпуская бревно по течению реки, освобождая затор.

Ты вот сможешь, стоя, плыть на бревне, управляя шестом, по реке? – спросил он меня. – Вот и я не смогу, а они могли, и ими дорожили!

Спиленные в лесу брёвна тракторами толкали к берегу и сплавляли до реки Сухона. И там, в устье реки, мужики деревни Усть-Сухона устраивали ловушку для них – «Запань». Вообще, все мужики этой деревни из года в год делали одну и ту же работу. Ловили с помощью «запани» сплавляемые брёвна, сортировали их по размеру и диаметру и составляли что-то похожее на пучок брёвен, которые буксирами тащили вверх по течению до г. Сокол. Мужики на сплаве работали одни и те же каждый год.

Где-то в 13 часов у него звонил телефон (обед, значит), сосед Алексей вставал и, волоча, ногу, шёл к своему дому. После перенесённого инсульта он, вдобавок, имел целый букет хронических заболеваний, имел противопоказания врачей от сельской работы. Большую часть времени сидел в предбаннике и мастерил то ящик под картофель, то короб для сушки моркови и лука. Я подходил к нему, и он, оставив свою работу, рассказывал о своей жизни в лесной деревне.

В молодости он, имея неплохой голос, пел в хоре академического ансамбля «Прялица». Меня это удивило, ведь он говорил, что в молодости пил много вина. Я, как-то случайно попав на концерт ансамбля «Прялица», был приятно удивлён профессиональным исполнением лирических песен. Его жена, окучивая картофель, услышав нашу беседу, громко прокомментировала её, сказав:

– Он до 30 лет пел и пил, а потом, женившись, резко бросил пить и сразу стал болеть. И больше времени пролежал в больницах, чем зарабатывал деньги на «Северстали».

У её мужа Алексея от этих слов жены на лице застыла смущённая улыбка.

– Ну, а подружка у тебя там была? – спросил как-то я его. Он посмотрел на меня долгим взглядом, как бы не решаясь ответить. Потом кивнул головой, ответил:

– Как же, была, потом я уехал поступать в профтехучилище в Череповец, а она осталась. Я приезжал домой к матери, встречался с ней, звал в город. Но она отказалась ехать и затем вышла замуж, её муж, как

водится зачастую в сёлах, со временем стал попивать. И как-то, приехав, я у магазина встретил её мать, она в разговоре со мной сожалела, что мы с её дочерью не сошлись. Это её мать говорила, она сама мне ничего не говорила. – уточнил Алексей и добавил: – Сегодня 2 августа, «Ильин день», с сегодняшнего дня ночи станут холодными, и помидоры станут отходить. Я обычно кусты их выдергиваю, т.к. помидоры во второй половине августа уже не вызревают, а чернеют.

В соседнем селе Блиново жила подруга Евгении, тоже Женя. С годами они стали реже встречаться. Так вот, она вдруг, почувствовав ухудшение здоровья, надолго слегла... Общее состояние здоровья с течением времени ухудшалось, она уже постоянно лежала на кровати, чувствуя болезненную слабость во всём организме. В прихожей послышался шум, по голосам она поняла: зашла соседка – приятельница дочери.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянула соседка:
– Здрасьте, тётъ Жень! – проговорила она.

И в тот же момент, при взгляде на неё, лицо соседки удивлённо изменилось. Тут она поняла, что её состояние здоровья с течением времени только ухудшается. Супруг в очередной раз вызвал участкового врача, тот послушал, покивал головой и выписал очередной рецепт в аптеку, на просьбу о направлении на госпитализацию врач отказала. Ночью, в отсутствие свидетелей, она расплакалась от чувства собственной безысходности. Вдруг она поняла; это приближение скорого конца... С его наступлением для неё уже ничего не будет: ни своей улицы и дома, не будет близких людей, солнца... не будет ничего.

В тишине ночи, с усилием приподнявшись на руке, она некоторое время смотрела в тёмный проём окна. Потом вдруг истово стала молиться, просила, обращаясь к Богу, Святым... к Высшим космическим силам. Прошло два дня, а она всё молилась и просила ниспослать ей выздоровление, просила прощения о совершённых грехах и обидах, нанесённых людям. Под утро третьего она совсем устала и от слабости здоровья лежала в полудрёме.

Неожиданно в тёмном полумраке комнаты, где находилась больная, появились двое стройных мужчин очень высокого роста. Один из них держал в руке прибор типа ноутбука. Оба одеты в обтягивающие сероватые костюмы, один из них молча склонился над больной и положил руку ей на живот. Взяв у другого какой-то тонкий длинный гибкий предмет, похожий на кабель с иглой на конце, ввёл иглу в середину живота, повыше пупка. При этом она почувствовала, как игла проникала в её чрево. Затем взял другой подобный гибкий прибор и, зайдя со стороны головы, ввёл иглу ей в теменную часть головы. При этом она испытала небольшую боль и неприятные ощущения в местах уколов и проникновения инородных тел. Всё это время страха она не испытывала, нахо-

дьясь в некотором оцепенении. Лишь один раз на мгновение подумала: «Наверное, они понимают, что я не сплю...».

И неожиданно в её голове раздался громкий электронный, похожий на дефектно работающий радиоприёмник, голос: «Да».

Это «Да» в тишине ночи было очень громким, хотя она понимала, его слышала только она.

Проснувшись утром, она вспомнила всё, приподняла рукой одеяло, помотрела на живот, в том месте виднелось маленькое пятно, как от укула, и ощущалась припухлость. Через два дня она почувствовала облегчение и впервые поверила в своё выздоровление...

Всё в этом мире относительно, земля несётся в космосе, отсчитываемая время и годы. А вместе с ними несёмся и мы, как-то незаметно для себя стареем в бесполезной суете жизни...

*Над тихой рекою, в берёзовой роще
распустится первый весенний цветок.
И я загадаю желанье попроще
И, перекрестившись, взгляну на Восток.*
Сергей Трофимов

ПОЕЗДКА ЗА МОРОШКОЙ

– Алексей Михайлович, можно? – в дверь кабинета просунулся полковник Малиновский, заместитель по оперативной работе. – Мы, офицеры, начальники служб штаба, хотели попросить у Вас автобус на выходные, съездить с женами пособирать морошку. – Малиновский весь светился новыми погонами, он недавно получил приказ о присвоении ему нового звания. – Вы тоже с женой могли бы съездить с нами и набрать морошки, – добавил он.

– Ну, её нелегко найти, не на каждом болоте она есть, её ещё поискать... замучаешься бродить, – ответил Алексей.

– Водитель автобуса сказал, что знает такие места. В ту пятницу они с сыном набрали за два часа по ведру морошки под Кадуем.

Алексей, поколебавшись, согласился.

– Ты вот что скажи, пусть и гражданский персонал, кто хочет, может поехать... если останутся свободные места, – добавил он.

Алексей Михайлович был переведён сюда из Таджикистана около года тому назад. И секретарь его приёмной Лариса Петровна (из числа аттестованных) ему периодически рассказывала о воинском коллективе штаба и «слабостях» каждого офицера.

О Малиновском она поведала, что тот сидит дома под прессингом жены и тещи, которая живёт с ними в одной квартире. Он закончил

здесь в городе военное училище и по выпуску женился на местной де-
вушке. А потом приехал молодым офицером домой, в родную Беларусь,
где родственники уже подобрали ему невесту.

Его молодая жена, желая впечатлить их, каждый день меняла наря-
ды и этим совсем испортила мнение о себе его сельских родственников.
Короче говоря, на четвёртый день они уехали опять в Череповец и боль-
ше туда никогда не ездили. Тёща постоянно «воспитывала» зятя, пыта-
ясь приобщить сельского парня к культуре, указывая каким полотенцем
вытирают руки, а каким лицо, как и когда правильно менять белье, что и
в какой посуде подаётся на стол, и эти её ежедневные поучения наста-
вительным тоном становились невыносимыми.

Короче, однажды он, пока его жена ещё не вернулась с работы до-
мой, а тёща ушла на рынок, собрал в чемодан свой гардероб и ушёл
жить к одной учительнице. Жена подождала его где-то с месяц и, уба-
дившись, что тот, скорее всего, назад не думает возвращаться, решила
действовать.

Однажды утром в квартире учительницы раздался звонок, та подо-
шла и неосторожно открыла дверь, о чём потом долго сожалела. У две-
ри стояли две женщины, в одной из которых она сразу узнала жену сво-
его сожителя. Его жена бесцеремонно прошла в квартиру и нашла сво-
его мужа пьющего утренний чай на кухне в трусах. В это время другая
пожилая женщина (это была его тёща) заблокировала своим телом у
двери учительницу, не давая той пройти в комнаты. Его жена, взяв мужа
за плечо и взволнованно приговаривая: «Хватит, наигрался и нагулял-
ся», потянула его к шкафу и стала выбрасывать на пол его вещи. Затем,
спешно закидав их в чемодан, так же решительно крепко повиснув у не-
го на руке, вывела на улицу...

Жена всю дорогу, пока они шли, что-то ласково и тихо ему говорила,
а сзади, оценивая обстановку, прочно обеспечивая безопасность тылов
дочери, тащила его чемодан тёща. Дома ему подали шипящие вкусные
котлетки и затем любимые им поджаристые пирожки с картошкой. Всё
это сопровождалось торжественным молчанием тёщи, что воспринима-
лось и возносило атмосферу в семье на небывалую высоту.

– Так Станислав Петрович, проявив волю, ушёл от сварливой жены
и, пожив с учительницей, вернулся домой, – насмешливо сказала Лари-
са Петровна.

В субботу, надев полевую военную форму, Алексей с женой в 7 ча-
сов утра сели на первые места в подкатившем, полном пассажиров, ав-
тобусе. Ехали, оживлённо беседуя, у каждого пассажира было по пусто-
му ведру и пакету с бутербродами. Поездка составила более часа до п.
Кадуи, затем справа по движению начались густые леса строевого ма-
тового леса. Проехав ещё минут 20, автобус свернул вправо, в лес, и,
прокатив ещё минут 10-12, остановился на пригорке. Все вышли из ав-

тобуса, высоченные стройные деревья мачтовых сосен окружали всё обозримое пространство.

Под ногами мягко стелилось рыжее покрывало из многолетних наслоений сосновых иголок и отмирающей старой коры. Чистейший воздух весь насквозь пропитан, казалось, застывшей сосновой смолой. Кругом тишина – ни ветерка, яркое солнце обещало удачный хороший день. Алексей смотрел на это редкое в его жизни природное великолепие, вдыхал полной грудью целебный смолянистый воздух и благоговел от всего этого и тихого щебетания птиц в сосновом бору.

Все сгруппировались вокруг водителя автобуса – пожилого мужчины в старой спецовке и с ведром. Тот пошёл вперёд по едва видимой тропинке, которая метров через тридцать внезапно стала спускаться вниз по склону пригорка. Все растянулись и шли по одному вслед за проводником. Вскоре впереди появилось чистое от деревьев зелёное поле, и все увидели болото под толстым слоем мягкого глубокого болотного моха. Проводник пошёл по краю болота и, пройдя метров 200, остановился.

– Болото трясиное, идите по одному вслед за мной, в стороны не расходиться, – сказал он и повернул на болото. Почва под ногами, качаясь, ушла вниз, и ноги погрузились в мягкий податливый мох. Проводник, ощупывая палкой путь, медленно, высоко вытаскивая ноги, шёл вперёд.

Шли по болоту с полкилометра и, конечно, все устали. Наконец, проводник остановился и, повернувшись в сторону Алексея, виновато признался, что не может найти того места, где он в прошлый раз собирал с родственниками морошку. Посмотрев в стороны и не увидев нигде морошки, немного отдохнув, все повернули назад, теперь последние в цепочке стали первыми, медленно шагая в сторону леса.

Наконец, вышли из болота к лесу и по тропинке пошли к автобусу. Алексей решил посмотреть грибы и, сойдя с тропинки влево, вошёл метров на десять в лес, шагая параллельно тропе. Он, не углубляясь далеко в лес, слышал голоса идущих справа рядом путников, осматривал местность в поисках грибов. Грибы не попадались, подул лёгкий ветерок, и зашумела листва деревьев, вскоре перестали слышаться голоса идущих рядом по тропе.

Лес становился всё гуще, высокая, веками нетронутая, трава ростом с человека сильно затрудняла движение Алексея, и он, решив отказаться от затеи набрать грибов, повернул в сторону тропы. По его ощущениям, тропа должна была быть в метрах 20-30. Пройдя метров пятьдесят, он неожиданно для себя на тропу не вышел и, остановившись, осматривался. Кругом сплошной стеной стоял запущенный смешанный лес, между попадавшимися старыми поваленными деревьями росла высокая, в рост человека, трава, местами в сырых низинах рос высокий гус-

той камыш.

Увидя зависшее кроной поваленное дерево, Алексей с трудом вскарабкался по нему на верх и, держась руками за ствол дерева, вытянув шею, осмотрелся вокруг. Кругом до горизонта его взору были видны только вершины деревьев, и от головы по его спине предательски быстро пробежала вниз неприятная тень мысли: «Заблудился?!»

Он, набрав в грудь воздух, несколько раз сильно прокричал:

- Эге-ге-ге-ее-е... Эге-ге-ге.. э-э...

Прислушался, но ничего, кроме лесного шума деревьев, не услышал в ответ. Спускаться вниз, хоть и по наклонённому дереву, тоже оказалось нелегко.

Спустившись, попытался успокоиться, т.к. понимал: в таких случаях паника ни к чему хорошему не приведёт. Алексей с ожесточением направился в предполагаемую сторону, где должна быть желанная тропа, ведущая к автобусу и людям. Внезапно погода стала пасмурной, и Алексей заметил, что в лесу стало темнеть, это ещё больше подстегнуло его поторопиться. Наступал вечер, и перспектива ночлега одному в лесу его пугала.

Он вышел к месту, где высокая трава была сильно примята и свалена, видимо, недавно здесь была лежка лося или медведя. Бросив мешавшую быстро идти сумку с бутербродами и др. пищей, он, помогая себе руками, раздвигая высокую листву и ветки, отчаянно пробирался вперёд. Затем, устав ломиться через поваленные буреломы и заросли высокой травы, он присел отдохнуть. По его ощущениям, уже прошло более трёх часов, как он блудит в лесу, и, конечно, его уже ищут...

— Заблудился немного?! — вдруг раздался невдалеке спокойный и уверенный голос. Алексей быстро повернулся и увидел стоящего неподалёку пожилого мужчину. Тот стоял к нему вполборота, опираясь на палку и, казалось, пронизывал взглядом. Его лицо, заросшее небольшой бородой, было спокойно, только глаза его, казалось, насквозь пронизывали Алексея, отчего тому стало неуютно.

Алексей коротко рассказал тому, что они приехали за морошкой, и потом он заплутал в лесу в поисках грибов.

- Грибы-ы?... — протяжно повторил незнакомец. — Какие здесь грибы? — Нету здесь никаких грибов! Небось, и костры жгёте? Пойдём, покажу тебе тропку.

И уверенно пошёл, как показалось Алексею, назад. Алексей поторопился за ним и, шагая сзади, отметил у того простую, но чистую, не такую, всю в паутине и сухой листве, грязную, одежду. Они прошли недалеко, где-то метров 70-100 и, остановившись, незнакомец, показав палкой направление, сказал:

— Иди туда, там будет твоя тропинка.

Алексей прошёл вперед и вдруг упёрся в знакомую тропинку.

чувствуя усталости, он побежал по ней и вскоре увидел и тот сосновый бор на пригорке, и автобус, и сидящих вокруг на земле жующих сослуживцев с их жёнами. Некоторые, лежа, отдыхали, пользуясь тёплым летним днём, слушая шум листвы и пение птиц. Здесь же рядом сидела и его жена, неторопливо вкушая яичко.

Его появление осталось незамеченным, и он, молча подойдя к жене, тихо сказал:

– Знаешь, я попытался собрать грибов и заблудился.

– Знаю, – ответила жена.

Услышав это, Алексей промолчал, подумав, что ослышался.

– Откуда ты могла это узнать? – спустя мгновения, недоверчиво спросил Алексей.

– Да ты же кричал, – ответила она ему.

Потрясённый Алексей молча смотрел на её спокойное лицо, мирно беседующих рядом сослуживцев и ровные, как на подбор, стволы деревьев в прекрасную погоду.

Кстати, опять ярко светило солнце, и в сосновом бору было покойно и тихо. И явно ощущалось раннее полуденное время, а не быстро приближающийся вечерний сумрак, как было там, в лесу.

– Ну а почему же вы не отвечали? – выдержав паузу, стараясь сохранить видимость спокойствия, взволнованно спросил Алексей.

– Да что кричать-то, всё равно ты не слышишь, – ответила жена.

Посидев со всеми, Алексей Михайлович предложил садиться в автобус. Проезжая мимо одной деревни, водитель, пальцем показав в сторону отворотки с дороги в лес, сказал:

– Здесь можно набрать малины, там раньше было подсобное хозяйство, и теперь она разрослась. Так что здесь её можно много набрать. В автобусе заинтересованно зашевелились.

Алексей не разрешил сворачивать в малинник, сказав:

– Возвращаемся домой.

Больше он в лес за грибами и ягодами никогда не ездил.

ЛЮДМИЛА ПАНОВА

* * *

Человеку сказал человек:
Только ты мне нужна очень-очень,
Навсегда, на всю жизнь, на век.
Так сказал, сумел выбрать из прочих.

Не ошибся и разглядел
В ней свою половину и радость.
И любил, и желал, и жалел.
С ней мечтал встретить тихую старость.

И у них на двоих все мечты,
И одни на двоих их планы.
Он не видел другой красоты,
Защищал и лечил её раны.

Никогда не смотрел на других,
Только в ней видел свет и отраду.
И берёт этот мир для двоих,
Человек человеку – награда...

Мы попьём с тобой чаю вечером,
День прошёл, больше делать нечего.
И на кухне вдвоём с лучшей самой,
Я в обнимку сижу с моей мамой.

Тишина и покой, в сердце радость,
Всем нам очень нужна эта малость.
Пусть подольше горит на кухне свет,
Ведь дороже минут тех нет...

ПОЖЕЛАНИЕ СЫНУ

Мне кажется, совсем ещё недавно
Ты был мальчишкой смелым, озорным.
Промчались годы эти безвозвратно
И вдалеке растаяли, как дым.

Сегодня день ваш светлый и чудесный,
Женился ты, семью свою создал.
Хочу, чтоб нашей девочке прелестной
Надёжным, верным, нежным мужем стал.

Твою невесту приняли, как дочку.
Её мы будем, как тебя, любить.
Вы вместе, вы теперь не в одиночку,
А значит, и мечтам всем вашим быть!

Мы будем рядом, что бы ни случилось,
Незримою поддержкою всегда.
Желаем, чтоб всё в жизни получилось,
Любви и верности на долгие года!

Ничего не бывает страшно,
Если знаешь, что есть опора.
Только это лишь в жизни важно –
Дом, семья, человек, что дорог.

Не бойшься ни дней ненастных,
Что пророчат болезнь и стужу.
Ни людей недобрых, несчастных,
Злых, завистливых и ненужных.

Пусть за окнами дождь и осень,
На душе – пенье птиц и лето,
Если ждут тебя дома очень,
В жизни важно лишь только это!

НИНА РЯБОВА

МОРОШКОВАЯ ПОЛЯНА

Лес меня манил всегда.

– А что там, в лесу, откуда мама приносит с дальних покосов гигельки?

(Они были сочные, сладкие, непохожие на те, что росли в кустах вблизи деревни. И назывались, как я узнала потом, дягилом.)

– Где же растёт эта клюква, куда ходят женщины-колхозницы втайне от бригадира, и тот их ругает, даёт штраф?

– Что же это за странный Дед Мороз, что даёт воз дров зимой? (И только всегда один, а потом снова надо ехать к нему, когда дрова кончались.)

На наши вопросы, конечно, никто не отвечал, всем в ту пору было не до нас: была война, потом послевоенное голодное детство.

Помню, как впервые я оказалась в весеннем лесу. Снег не весь растаял, кругом вода, а на высоком пеньке красные ягоды.

Мама помогла подойти поближе и сказала:

– Брусника. Обошли осенью, не заметили. Теперь она сладкая, можно есть. Домой не унести, очень мягкая.

Потом, когда мы подросли, гурьбой шли за черникой, грибами, звонко и весело аукали, боялись заблудиться, далеко не уходили.

Взрослым снова было не до нас.

А в лесу росли и другие ягоды: голубика, малина, земляника. И надо было знать эти ягодные места. Кого-то стали брать бабушки в лес, показывали лесные дороги. А дороги были не безымянные, а словно улицы в городе: Крестовая, Большая, Горская, Игуменская, Злобишная (по названию деревень, которых, к сожалению, теперь нет), Паршинская, Шильковская, Алферовская, Чертунская, Поповская, Нелюбовская, Поччишная, Уваришная, Матюшинская.

Каждая дорога интересна по-своему. Злобишная выйдет на Игуменскую, сольются Алферовская и Шильковская, вдоль Крестовой растут всегда белые грибы, по Паршинской дороге – рыжики. Все дороги сливаются в Чивицкую, и ведет она к озеру. Чивицкое озеро – предел нашей детской мечты. (Вот бы там побывать!)

Но прежде озера – сенокосы. Все дороги выходили к сенокосам. Они тоже имели названия: Тяпүшка, Ёргас Погорельский, Подомхи. Поччинок, Орловская Лупандиха, Орлечи (исключительно местное название, приезжие говорили «Орлецы», не признавая нашего харовского чокания), Пятистенок, Горловина, Выход, Водопой. (По сию пору на кар-

те обозначен Попов Тинник).

Болотистые места знали как Толошманское болото, Подсавинские, Поскотина Дальняя, Шишковская, Заосичье.

Даже поляны были не просто полянами, а Малое Заосичье, Малый Никаноров Поток, Большой Никаноров Поток. Мы знали, дойдёшь до Дальнего Потока, вернёшься с груздями, до Большого Потока – с белыми крепкими грибами.

А ещё в нашем лесу была поляна, получившая название по имени моей бабушки Евгении – Енина Ледина.

Бабушка уходила в лес одна, когда цвели ягоды.

– Много нынче цвету, не замёрзнет, так будет и черника, и голубика, – сообщала своим сверстницам. – Не спешите только обрывать зеленца-ми.

Потом ещё ходила в лес и опять одна:

– Через несколько деньков можно уже идти. Поспеет всё. Ягод, как куколок! (Куколками называли в наших местах луговые цветы).

Она никого не брала с собой:

– Обомнут всё сразу. Бегают по лесу: «Ничего нет! Пошли дальше!»

А это лес, за этим кусточком нет, есть за другим. Идти надо не спеша, потихоньку, не топтать ягодник. И, конечно, собирать руками.

Она не признавала никаких комбайнов: «Придумай комбайны, кто-то зовёт их хапугами. Зачем? Все корни выдерут. И ведь не жалко! А в лесу всё живое».

Бабушка любила первый сбор отдавать тем, кто сам уже в лес не ходил. насыплет большое блюдо, прикроет чистой тряпочкой и несёт на самый край деревни.

Ягодка к ягодке, без мусора (ей же никто не мешал собирать в лесу).

Бабушка первая в деревне начала собирать морошку.

– И зачем ты, Еня, эти ягоды собираешь? Высушить их нельзя, хранятся недолго. Это забава. Клюква – другое дело.

Однако все угощались и хвалили.

Если бы бабушка жила сейчас, она бы рассказала, что это особая, целебная ягода, что её называют «очи болотные», «болотный стражник», «болотный янтарь», что растёт она на севере, особенно большие плантации в Лапландии, что вкус её очень напоминает вкус апельсина. Но апельсина моя бабушка ни разу не только не ела, даже не видела. Она выросла в глухой харовской деревне Вологодской области. Но моя бабушка закончила один класс церковноприходской школы, научилась читать и много читала.

– Это царская ягода. В России её знали и любили. Раненный смертельно Александр Сергеевич Пушкин перед смертью попросил мочёной морошки. Он очень любил её. А угощали его крестьяне Михайловского.

Рядом с нашей деревней был центр сельсовета с таким же названием – Михайловское. И слушая бабушку в далёком детстве, я думала, что это она рассказывает о нашем Михайловском, у нас бывал русский поэт. Даже спрашивала, где был его дом, домик няни.

– В Псковских лесах, от нас далеко, – поясняла бабушка.

Зимой не раз приходили к ней и просили «сушёных листиков» чудной ягоды, заваривали чай, лечились.

Но вот настал день, когда моя бабушка взяла меня в лес за морошкой.

Миновали Пулово, Талицу, идём широкой Шилыковской дорогой. Она идёт ровным шагом, я семеню за ней.

– Хорошо гляди, где будем сворачивать. Проскочишь, ничего не найдёшь. Никаких отметок не надо делать. Зачем губить деревья, ломать ветки? Надо запоминать.

Заходим в сторону.

– Вот видишь, начинается болото, вода между кочками. Черничник. С морошкой они друзья. А вот и морошка.

Я вижу красивые листочки, вертикальные стебельки. Их немного. Ягода сверху красная, по бокам жёлтая.

– Эти пусть растут, набираются соков. Рвать их не будем.

Повернули влево.

– В тени деревьев тоже ещё пусть растут. Идём по краю.

Низина, сплошь покрыта морошником.

– Ягода здесь очень мелкая. Видимо, не хватает солнышка, и очень разросся кустарник. Снова идём по краю леса. Вот так мы познакомились со всей поляной. Она небольшая. Бегать не надо. Смотри вдаль, откуда мы пришли, – даёт наставления бабушка.

О! Глазам своим не верю! Такое я видела только на нашем лугу. Ярко-красные с жёлтыми боками ягоды и совершенно жёлтые, необычайно красивые! Стоят горделиво, тянутся к солнцу, словно соревнуются в красоте.

– Собираем крупные. А жёлтые можно и попробовать. Они очень вкусные.

Возвращаемся довольные, счастливые. Бабушка, как всегда, несёт своим подругам лесной гостинец – царскую ягоду.

Когда старушка почувствовала, что силы уходят, она водила в свою Ледину других внучек, односельчан.

– Ватагу не собирайте! Ни к чему, – просила всегда. И очень огорчалась, если рассказывали ей, что уже на другой день те, кому открывала она тайны леса, бежали, чтобы собрать всё оставшееся.

– Ну, зачем же подчистую? – сетовала она. – Есть ведь птички, которые прилетают сюда кормиться. Загубите Ледину...

Бабушки давно нет. Но я каждый год ходила в её Ледину, вспоминая

да свое детство, отдыхала душой. Морошка ещё росла, правда, больше её столько не было, «как куколок», даже, кажется, она и не была такой ароматной, вкусной...

Но вот однажды и до поляны было не так-то просто дойти.

Миновала Пуловской ручей, поднялась на Пулово – и не узнала знакомых мест.

Там, где был луг, чернела изъезженная тракторами земля, валялись «кругляши», берёзовые, осиновые чурки, сосновые бревна. Пришлось идти по высоковольтной линии. Конечно, разглядеть дорогу к Ледине я не смогла. Вернулась. Но желание побывать там заставляло искать просвет между деревьями-великанами. Не могла же зарости вековая широкая дорога, по которой ходили далёкие предки, ездили на лошадях, расчищали, застилали колеи сухостоем.

И я нашла её, знакомую дорогу... Нашла и Ледину. Только это уже была просто заросшая поляна с высохшими кустиками черничника, с выдернутыми корнями, пожелтевшим морошником, одинокими жалкими деревьями, на которых развевались обрывки газет.

Так обычно замечают дорогу к болоту. Газету видно далеко – заблудиться невозможно. И память напрягать не надо, как учила моя бабушка: «Запомянай!»

Тогда я ещё и не предполагала, что это была моя последняя встреча с бабушкиной Лединой.

Лес стали безжалостно вырубать. Работали ночами при свете прожектора. Какое уж там бережное отношение к молодым сосенкам? Все подряд! Пни оставались высоченными, ветки не убирали... Дорогу завалили. Гусеничные машины прокладывали другие, свои дороги. Образовывались глубочайшие колеи. Сначала я хотела просто обойти эти завалы, но они не кончались. Влево, вправо, вглубь – широкая полоса загубленного леса...

Пробраться не было сил. Не увидела я тебя, моя милая поляна, бабушкина Ледина... Сохранилась ли ты?..

ПРОКОСИМ САМИ!

Тропа на реку зарастала...

Зарастала веками протоптанная дорожка...

Кажется, совсем недавно по ней ходили ранней весной рыбаки. Возвращались с большим уловом.

– Галина! – подходили к моей матери. – Печка у тебя топится, возьми-ка на рыбник!

Мужчина – сосед протягивал небольшую щучку, сорожку, окуня.

– Уху сваришь! И кошечек своих угости!

Мама благодарила, желала удачи. А заканчивала всегда одинаково: «Вот и мой Шура до войны тоже любил ходить на рыбалку ранним утром перед колхозной работой и всегда возвращался с уловом.

Потом любители-рыболовы проходили мимо, не обращая внимания на старую женщину. Это были молодые мужчины, недавно поселившиеся в деревне. Дачники. Они шли со спиннингами. Выловленная рыба была надёжно спрятана в рюкзаках. В деревне знали: ловят сетью. Часто проходили мимо её дома с надувными резиновыми лодками. А спиннинги так, для отвода глаз.

А у неё уже и внуки подросли. И тоже пристрастились к рыбалке.

Наступала осень.

– Повадились к нам рыбаки из Харовской, у всех машины. Мимо едут – жди, что остановятся, накидают дров из моей поленицы и на реку. Сидят всю ночь у костра, дровца мои сухие жгут. Попивают, басни рассказывают. Бессовестные люди. В прошлом году полполенницы перевозили, – жаловалась моя старенькая мама. – Дом мой как раз у дороги, а дровеника настоящего нет. Убрать некуда. А какая совесть у рыболовов? У них в казённых квартирах зимой тепло, всё наготовом, вода, тёплые батареи. С пятницы начнут ездить и до понедельника... Бывает, и на неделе прихватят выходной. Спасу от них нет.

Всех манила Кубена. Широкая полноводная чистая река, с перекарами, с красивыми песчаными берегами.

Местные жители ранней весной шли проведывать свою реку.

– Лёд скоро тронется! – сообщали всем.

– Лёд прошёл!

– Ой, ну нынче и река! До сосенок дошла! (Сосенки росли в конце пойменного луга. До горы рукой подать.)

А бывало и такое:

– Воды совсем нет. Обмелела наша Кубена. Леса вырубили, речки пересохли.

Старые жители деревни помнили, как по реке сплавляли лес, шли катера, байдарки.

– Жизнь изменилась. Реку загубили... Зарастать начала. Мелко ста-

ло, – вздыхали старушки. – Бельё не выполоскать, идти надо до полпре-

А она, наша красавица Кубена, не сдавалась. И где брала силы? Берега не очищали от брёвен, топляки не вынимали, дно не чистили. А она по-прежнему гордо катила свои воды к Кубенскому озеру. Она была любима.

Едва спустишься с реки, перед тобой справа открывается безмерная водная даль. Самое широкое место под нашей деревней. Посреди переливающейся на солнце глади – остров. Островок. Там зернистый чистый песок, ракушки. Шагнуть с этого твёрдого песка прямо в воду нельзя: глубоко. А вода чистая, на дне лежат большие рыбы, чуть поменьше рыбки сплывают у самого берега. Вольготно! Никто не мешает! Островок тоже начинает уменьшаться, зарастает. Трава ярко-зелёная, посреди островка закрутившая осока. Стрекозы облепили высокие тёмно-коричневые стрелы сухостоя.

Берег под нашей деревней высокий. Справа и слева у самого берега – камыши. У нас их называют ситками. Старые женщины из них плели коврики. Сохнут быстро, лёгкие, хорошо и долго сохраняются. Их использовали, когда мылись в печи. (Да, в печи. Бань у нас не было очень долго.)

– В печь вчера лазили! – делились женщины друг с другом новостями. – Потопила худо, медвить (местное звучание слова «медведь») не выгорел. Придётся идти днём на реку.

– А я полезу сегодня, коверик связала, приди ко мне, заслонку закроешь. Надо прогреться. А на реку тоже хочется. Окунуться хотя бы, пока лето не прошло. Водичка в нашей Кубене целебная.

– Скажи девчонкам, чтобы зря не рвали кувшинки. Наделают бус да не по одной нитке. Ни к чему. Пусть растут.

...Под этим высоким берегом все купаются. Дети у самого берега собирают красивые камушки, раковины, любят мальками.

Вода прогревается очень быстро. На середине реки – песок. Здесь ныряют, не боясь разбиться о камни. Камень всего один, с него и ныряют.

Справа... О! Там пережат. Лучи летнего солнца отражаются в быстрых струйках воды, искрятся, вода стремглав покидает это узкое место и отдыхает на середине реки.

Рассказывают, что пережат рукотворный. Раньше здесь переправлялись на лошадях.

Всё продумано. Два большие камня как бы приостанавливают течение, вода теряется в мелких камушках, прорывается с шумом в середине и... становится спокойной. Можно сколько угодно фантазировать! Но если проплыть через эту горловину пережата – всё! Ты навсегда запомнишь это стремительное движение воды, почувствуешь её силу. И полю-

бишь на всю жизнь. (Испытано!)

Лето в разгаре.

Так хочется тебя увидеть, наша река! Окинуть взглядом любимые места своего сына... Он ходил сюда на рыбалку...

– Я в ручье! – говорил бабушке.

Это означало: он идёт своей дорожкой, им протоптанной, идёт в устье ручья, который несёт свои чистые воды в Кубену. Ручей невелик, может, и сохранился потому, что прячется на дне глубокого оврага, сплошь заросшего кустами. Тихо. Правый берег смотрится в голубую гладь Кубены. А высоко над спустившимся к берегу лесом – Бритыш.

Бритыш – это название самой высокой горы на правом берегу. Земляничное место. Манящее с детства. Ведь это не просто – перейти реку, пройти хвойные заросли, подняться на высокую гору.

Бритыш покорялся только самым сильным.

...Я иду к тебе, наша река. Иду по высокой траве, гораздо выше моего роста. Тропки нет. Всё заросло.

На реку никто не ходит. На рыбалку почти перестали ездить, говорят, есть куда более интереснее рыбные места.

Купаться ездят под Боровиково, на понтонный мост. Это более трёх километров от нашей деревни.

...Но я иду, иду к тебе, наша река.

– Здравствуй!..

Погружаюсь сразу у берега, плыву... Смешно сказать, но глубина большая, и я плыву против течения мимо кустов, порой цепляясь за них. Плыву, чтоб на обратном пути почувствовать силу течения. Встать на ноги нельзя – глубоко. Выхожу. Но вода такая чистая, ласковая. Не могу удержаться, чтобы не зайти ещё два раза.

...Обратный путь был таким же тяжёлым – заросли ниже не стали, тропку по-прежнему разглядеть было нельзя. Запуталась в траве – упала четыре (!) раза.

Но я вернусь к тебе, наша река!

Две приехавшие отпускницы тоже хотели побывать на реке.

– Дедушку каждый раз просить отвезти на понтон – неудобно, а ребята хотят купаться. Да и самим просто посидеть на бережке хочется. Кто бы скошил?

– Нет, девочки, никто не скошит. Кто-то заболел, кто-то бережёт себя, просто не будет косить и всё.

Подтверждением моих слов – нескошенный участок посреди деревни. Хозяин, мой сосед, свой участок косит ежедневно, трава там не успевает подняться на сантиметр – косит сразу. Этот участок, видимо, оставил мне. У меня же и времени в обрез, и диск сломался, и бензин неожиданно кончился.

А он выйдет из-за нескошенной травы и выглядывает, что там. на

деревне. Работы для мужчины минут на десять. Говорю не понаслышке, в свое время обыкновенной ручной косой накашивала на корову. И он это знает, только вот было это очень давно, тогда были силы покрепче. А таких кос, как сейчас, вообще не видали, но косили, не считаясь ни с усталостью, ни с временем. Деревни были обкошены, сорняки не разносило ветром.

– Никто нам не поможет, девочки.

Беру свою тяжёлую «Stihl», завожу и – вперёд! Но не тут-то было! Устройство начинает заматывать, коса непроизвольно перестает работать. Высокая трава огрубела, а под нею завяла, почти погибла травка, погибли мои любимые колокольчики, гордец татарник, гвоздички-красавицы, ромашки, герани. Приходится останавливаться через два метра. Нужен диск, которого у меня сегодня нет. Но желание помочь молодым матерям побеждает, откуда-то появляются силы. Скошено до горы. Это сравнительно много.

Оглядываюсь на скошенное. Ну, что же, просвет в зарослях есть. Только просвет.

Обе молодые матери идут с косами. В красивых купальничках. Счастливые, готовые косить.

– У меня наматывается! – с ужасом говорит та, что помоложе. – Возьму обыкновенную косу, простую.

Женщины косят, не унывают, вот только в купальничках нельзя: овода.

Идут переодеваться.

Я же спускаюсь к реке. Вода отличная.

– Что это?

Стрекот косы рядом. Не верится, что они вернулись, не испугались, ведь на такой жаре косить очень трудно.

– О! – глазам своим не верю: в красивых ладных брюках, в mosquito-сетках они кажутся какими-то пришельцами то ли с луны, то ли из космоса.

– «Есть женщины в Русских селениях!» – гордо цитирует первая.

– Просить наших мужчин не стали. Им то некогда, то завтра, а дети хотят на реку. ПРОКОСИМ САМИ!

– КОНЕЧНО, ПРОКОСИМ! – решили.

И они косили. Останавливались, смотрели друг на друга, каждая пыталась скрыть нечеловеческую усталость, подбадривали одна другую.

– Всё!

– Всё!

Это был победный возглас двух городских красавиц.

И была награда – купание в любимой речке. Нагишом. Впервые в жизни. Было смешно, весело, радостно.

РИММА СТАХАНОВА

ОДИН ДЕНЬ

Этот день мне запомнился на всю оставшуюся жизнь. Не потому, что он был чем-то знаменателен или отличался от остальных, прожитых мною дней. Просто я был наповал сражён теми обстоятельствами, которые складывались против моей воли.

Всё началось с раннего утра. И дальше, на протяжении всего дня, несчастья сыпались на мою голову, как снег. Будильник прозвенел вовремя, но я решил понежиться ещё в кровати.

Естественно, заснул, так как просидел до полуночи в интернете. И приснился мне интересный сон. Будто я оказался на необитаемом острове с очаровательной блондинкой. Кругом пальмы, диковинные цветы, море! Куда не глянешь – кокосовые деревья, банановые! А мы с моей амазонкой голые, и только фиговый лист закрывал наши «достоинства». Мне чудилось, что я находился в раю. Вроде, я – Адам, а спутница моя – Ева!

И, вдруг, я услышал странный свист. Поглядел вдаль, поднял голову к небу – ничего не видно. Но свист продолжался. И тут я просыпаюсь, вскакиваю с постели: «Ёлки-палки! Да это же чайник свистит!» Оказывается, я успел его поставить, прежде чем снова залёг под одеяло.

Одного взгляда на часы было достаточно, чтобы понять, что я не только чаю не успеваю попить, но и побриться. Натягиваю штаны, футболку, сую ноги в ботинки – и бегом на выход. Сбегаю по ступенькам с девятого этажа, так как лифт сломался, и только на улице вспоминаю – забыл права на машину. Надеюсь на «русский авось», сажусь в своё авто.

На первом же посту ГАИ меня останавливают. «Что они, носом чуют, что я без прав?» – думаю я, и выхожу из машины в надежде договориться с гаишниками. И, вроде бы, уговорил, полез в карман за деньгами, а кошелёк-то там же, где и права – дома!

«Всё! Приехали!» – думаю я и пускаю в ход последний козырь.

– Давайте так договоримся: я еду домой, беру права и приезжаю обратно сюда.

– Ага, нашёл простачков! А давай так: ты идёшь за правами, а машина стоит здесь.

– Я на работу опаздываю, – попробовал я их разжалобить.

– Иди за правами, пока мы хорошие! Иначе дорожке станет! Сейчас оформим по полной программе!

Я думаю, как мне выкрутиться из этой ситуации? Домой бежать при-

дётся пешком, ведь денег на автобус нет. А это ещё, как минимум, двадцать минут – минус из моего рабочего времени. И тут я вижу своего соседа Лёшку. Он переходил дорогу. Наверное, за допингом бегал.

– Лёха! Привет! Помоги мне, будь другом! – кричу я ему.

Он останавливается, долго смотрит в мою сторону, потом разворачивается и бежит от меня. «Да что это такое, вообще? Что за день-то такой ненормальный!» – думаю я, и тут в кармане зазвонил телефон.

– Роман, где ты застрял? Тебя уже давно ждут! – говорила требовательным голосом Жанна. Она работала приёмщицей заказов в моей фотографии.

– Где-где? В пробке застрял! – соврал я, глазом не моргнув.

Гаишникам спешить некуда. Они терпеливо ждут, когда я, наконец, решу свою проблему. Делать нечего – бегу домой. Лифт так и не работает. Восемнадцать пролётов пробегаю за две минуты, открываю дверь квартиры, захожу и столбенею... В прихожей с потолка капает дождь.

«Похоже, сегодня не мой день», – говорю вслух и бегу на верхний этаж. Звоню. Никто не открывает. Барабаню в дверь – тишина. И тут до меня доходит: «Так вот почему сосед бежал от меня! Увижу – морду набью! А сейчас-то чего делать?»

Возвращаюсь в квартиру. Дверь захлопнулась! А ключи-то дома! Минуту соображаю, что делать. Звоню в домоуправление, объясняю ситуацию. Дожидаюсь слесарей. Они перекрывают воду. С их помощью попадаю к себе домой. Убираю воду в прихожей и бегом к машине.

Только оказавшись в ней, как в убежище, отдав «должное» блюстителям дорожного движения, с облегчением вздохнул. Но расслабился рано. Понял это, когда увидел свою девушку, идущей с молодым человеком под ручку.

«Вот так встреча! И кто же этот счастливчик, который бесцеремонно уводит мою любимую?»

Покидаю свою крепость и бегу к своей возлюбленной, которая при виде меня тут же отстраняется от попутчика. Преданными глазами она смотрит на меня, пытаюсь мне что-то объяснить. Я уже ничего не слышу. Наверное, я сплю. Сейчас ущипну себя, проснусь, и всё будет, как прежде. Не помогло!

– Ритуля! Я что-то не понимаю? Мне казалось, что у нас с тобой всё было хорошо!

– Так у нас и есть – хорошо! Это мой брат. Приехал на каникулы.

Вспоминаю... Да, вроде, она говорила про брата. Но почему именно сегодня? А почему не сегодня? Брат разве виноват в том, что я не с той ноги сегодня встал? Смотрю на часы. «Ёлки-палки! Одиннадцать часов! Ну, почему сегодня не выходной? Скорее бы закончился этот день!»

Прощаюсь с любимой, жму руку брату и бегу зарабатывать деньги.

Жанна встречает меня с улыбкой.

– И где же у нас в Череповце такие пробки?

– Скажу – не поверишь. Так что лучше промолчу.

Слава Богу! Я на работе. Теперь можно и отдохнуть!

– Жанна, будь другом, завари кофе. Надо взбодриться, иначе я просто умру! – говорю девушке, а сам соображаю: «Почему так темно у нас в студии?»

– А не получится у тебя кофе попить! У нас свет отрубили!

– Не понял! Как это отрубили?

– Очень просто! За свет-то платить надо. А мы когда последний раз плату вносили?

Вспоминаю... Напрасно... «Придётся сегодня и это пережить! Стоп! А работать без света разве можно? Если бы заранее знать, что так будет, я бы поспал ещё подольше. Может, с блондинкой у нас что-нибудь и получилось бы? Да, с утра не везёт!»

– Жанна, пиши объявление: «Фотография не работает по техническим причинам», и пошли по домам.

– Может, дадите денег мне, и я заплачу за электроэнергию? А то ведь и завтра придётся отдыхать.

– Молодец! Правильно мыслишь! – говорю я ей и достаю кошелек. Открываю... «Не понял! У меня же было две тысячи. Почему ни одной нет? Ах, да, штраф платил. Вот козлы! Ни за что получить две штуки! Ладно! Пусть подавятся. Выкрутимся!»

– Жанна, давай квитанции, я сам схожу. А ты беги домой, то-то милый обрадуется!

«Хорошо быть самому хозяином! Никто не поставит прогул, не лишит премии за опоздание. Всё нормально! А то, что не везло с утра, так это для разнообразия. Надоедает эта размеренная жизнь! Поеду домой».

Сажусь снова в машину. Не заводится. Так, значит? Несчастья продолжаются? Ну, уж хрен вам, десантники не сдаются!» Звоню своему лучшему другу.

– Санька, помощь твоя нужна! Колымага моя не заводится. Выручай! Я ведь в этой технике ничего не понимаю.

– Куда ехать? – спрашивает друг.

Вот это настоящий друг! Бежит по первому зову!

– Я на работе, – отвечаю ему.

– Пятнадцать минут! – говорит он и отключает телефон.

Санька – «спец» по технике. У него своя автомастерская. Машину он знает лучше, чем свой организм.

– Ну, вот и всё! – говорит он мне через десять минут. – Учись, студент! Давно мы с тобой не виделись. Давай посидим где-нибудь в выходной.

– Давай! Я – не против! – отвечаю другу и жму ему руку на прощание

Надеюсь, что это последнее моё несчастье. Снова сажусь в машину. Последний взгляд на фото-студию! Это ещё что такое? Рекламный щит весь разрисован красками. Постарались граффити.

«Да и Бог с ним! С меня хватит на сегодня! Времени тринадцать часов. Пять часов кошмара закончились. Скорее, скорее домой!»

Оказавшись в родных стенах, захожу в ванную. Ведь надо руки помыть. А воды-то нет! Бегу наверх к соседу. Открывает дверь. На ногах еле стоит. Хватаю его за грудки: «Ты что, алкоголик хренов, делаешь? Что у тебя тут за потоп был?»

Лёха смотрит на меня, но видит ли – это вопрос. Отодвигаю его в сторону, прохожу в квартиру. Понятно! В ванне мокрое бельё. Опять забыл воду закрыть.

Звоню в домоуправление, спрашиваю, когда воду подключат? Объясняю причину потопа и приглашаю слесарей. Обещают подойти в течение одного часа.

– Эх, Лёха! Я так хотел тебе морду набить, да ладно, прощаю, живи пока!

Спускаюсь к себе. На этот раз я ключи не забыл. Захожу домой, уже сомневаясь, что всё нормально. До самого вечера я ждал, что ещё что-нибудь приключится. Но, видно, Бог смилостивился надо мной. Наверное, исчерпал я лимит злоключений!

Нет! Не исчерпал! Только я собрался встретиться во сне со своей Евой, как зазвонил телефон.

– Роман Викторович! Почему у вас в фотографии свет горит весь вечер. Я сейчас проезжала мимо. Думала, что Вы там.

Начинаю оправдываться. А потом говорю:

– Хорошо, Валентина Сергеевна, я сейчас съезжу, всё отключу.

Это хозяйка. Она сдаёт в аренду своё помещение. Значит, свет временно отключали! Делать нечего – еду исправлять свои косяки. Проезжая мимо поста ГАИ, вижу своих спасителей. Узнали! Рукой помахали! А чего бы не помахать за две-то тысячи?!

ПСИХОЛОГ

Ирина Сергеевна подошла к регистратуре.

– Девушка, скажите, пожалуйста, какой сейчас врач принимает? – обратилась она к регистраторше.

– Коробов Андрей Ильич.

– Можно к нему пройти?

– К нему нужно заранее записываться!

– Ну, хорошо, запишите!

– Ваши данные, пожалуйста.

- Москвина Ирина Сергеевна. 1970 года рождения, 27 февраля.
- Ваше место работы?
- Комбинат плиточного домостроения.
- На среду Вас устроит?
- Подождите! Как на среду? Мне сегодня надо!
- На сегодня уже талонов нет!
- Нет, извините! Я пойду сейчас! Какой у него кабинет?
- Он Вас не примет без записи!
- Это уже моё дело! Так какой кабинет?
- Хорошо, идите, кабинет двенадцатый, но я Вас не посылала!

Ирина Сергеевна пошла по коридору, разглядывая таблички на дверях. Она ругалась про себя: «Что за порядки? За собственные деньги не попадёшь на приём! Хоть умри тут – никому дела нет!»

Она нашла нужную дверь. Около кабинета сидело пять человек. Ирина Сергеевна подошла к очереди и попросилась зайти, спросить, примут её или нет. Что тут началось! Женщина, весом не меньше ста килограммов, перегородила ей дорогу:

– Дамочка, Вы куда? Я Вас не пущу! – и она закрыла собой дверь в кабинет.

– Что Вы волнуетесь? Я вместе с Вами зайду! – попыталась её успокоить Ирина Сергеевна.

– Никуда Вы не зайдёте! Много Вас таких!

За Ирину Сергеевну вступилась другая женщина.

– Да перестаньте Вы, женщина, шуметь! – и, обращаясь к Ирине Сергеевне, сказала: – Зайдёте со мной!

Тут из кабинета вышел мужчина, и толстушка тут же вошла. Ирина Сергеевна села рядом с заступницей:

– Спасибо Вам!

– Да не за что! Вы, наверное, первый раз? Хороший здесь врач! Я давно уже хожу к нему. Мне сегодня только рецепт взять, так что я быстро.

Дверь кабинета распахнулась, и женщина с победным видом проследовала на выход. Ирина Сергеевна зашла следом за спасительницей. За столом сидел седовласый мужчина. Он смотрел вверх очков и улыбался: «Теперь ко мне уже по двое ходят? Думаете, так быстрее получится?» – и он засмеялся.

– Я только спросить. Вы меня примите сегодня? Мне очень надо! – попробовала оправдаться Ирина Сергеевна.

– Ну, что же с Вами делать? Посидите, я Вас вызову!

Через десять минут Андрей Ильич вышел и обратился к Ирине Сергеевне:

– Я так полагаю, что нам с Вами не хватит десяти минут. Поэтому я предлагаю Вам подождать, когда я всех приму. Вы согласны?

Ирина Сергеевна посмотрела на очередь и решила, что лучше по-

дождёт, чем потом снова приезжать сюда. Она ответила:
– Хорошо!

Когда закрылась дверь за последним пациентом, Андрей Ильич пригласил Ирину Сергеевну пройти. Только теперь она разглядела, что это вовсе не старичок, как ей показалось вначале. Ему было лет сорок-сорок пять. У него было приятное лицо и очень пронизательный взгляд.

– Итак, как мне Вас называть?

– Ирина Сергеевна.

– Так что же с Вами такое произошло, уважаемая Ирина Сергеевна, что Вам срочно потребовалась моя помощь?

– Я не могу спать.

– Совсем не можете? Я понимаю, маленькие дети путают день с ночью. Но Вы-то не могли перепутать! Кто Вам мешает спать?

Ирина Сергеевна слушала его и думала: «Какой-то он несерьезный, пожалуй, я зря пришла».

А Андрей Ильич, будто угадав её мысли, сказал:

– Ирина Сергеевна, чтобы понять, как Вас лечить, я должен знать причину вашей бессонницы. Расскажите, когда это началось?

Женщина собиралась с мыслями, не зная, с чего начать. Она не понимала, что врач хотел услышать. Андрей Ильич пришёл ей на помощь.

– Ирина, Вы замужем?

– Нет.

– А дети есть?

– Нет.

– Любимый человек?

Ирина Сергеевна молчала. Зачем ему всё знать? Она не хотела ворошить прошлое. Оно и так не давало ей спокойно жить! Андрей Ильич, глядя прямо в глаза пациентке, заметил, как она переменялась в лице, когда он спросил о любимом человеке. «Это одна из причин её недомогания», – подумал он. Но почувствовал, что она – не главная.

– Вы были замужем?

– Была. И дочь у меня была. Они погибли вместе.

– Простите. Давно это случилось?

– Пять лет прошло.

Андрей Ильич специально сделал паузу, чтобы дать Ирине возможность прийти в себя. Он понимал, что в этот момент перед её глазами встала картина их гибели.

– Ирина, Вы, не пробовали снова выйти замуж? Ведь Вы ещё молодая, красивая женщина! – спросив это, он хотел докопаться до истинной причины её бессонницы.

– Разве это так просто? Конечно, я бы хотела выйти замуж. Ведь я ещё могла бы родить. Но за кого?

– А Вы любили того человека?

– Не знаю! – ответила Ирина, и вдруг поняла – он её поймал! Женщину это так развеселило, что ей даже стало стыдно за свой смех.

– Простите! Ловко у Вас получается выуживать секреты! – сказала она.

– Это не моя профессия – выуживать секреты, моя – помочь людям найти себя в жизни. Раз уж я Вас рассекретил, скажите мне, почему Вы расстались? – продолжил Андрей Ильич свой допрос.

– Он женатый. Мы встречались три года.

– Вас это устраивало?

– Нет. Но мне было очень одиноко тогда.

– Я не буду Вас больше пытаться. Мне понятна причина вашей бессонницы. Но я не выпишу Вам никакого лекарства, потому что Вы – совершенно здоровая женщина! Вам нужно просто сменить обстановку. Советую Вам съездить куда-нибудь, отдохнуть, например – на юг, сейчас там бархатный сезон. Всю вашу хандру, как рукой снимет! А теперь идите! Всего Вам хорошего! Удачного отдыха!

Ирина Сергеевна вышла из кабинета, так ничего и не поняв. «Ну, сестрица, удружила! Хороший врач, хороший врач! А что, может, и правда, взять отпуск и махнуть на юг?!» – подумала она, выходя из клиники. Только на улице она сообразила, что не заплатила за приём. Ирина Сергеевна вернулась обратно. Врач, уже одетый, стоял в дверях.

– Вы что-то забыли?

– Забыла заплатить за приём!

– Давайте договоримся так: Вы звоните мне, когда избавитесь от своей бессонницы. Ваше выздоровление – Ваша плата, идёт?

– Но это же как-то нехорошо! Вы столько времени потеряли из-за меня!

– Бог возместит мне утрату. Вам куда ехать? Я могу подвезти!

– Мне далеко. Я живу за сорок километров отсюда. Приехала специально сюда, чтобы к Вам на приём попасть.

– Вот как? Тогда я обязательно должен Вам помочь!

– Ну, хорошо, довезите меня до вокзала.

Они сели в машину. Ирина Сергеевна впервые за последние пять лет почувствовала, как какой-то груз свалился с её плеч. Ей стало легко. Она молча сидела и смотрела в окно. А Андрей Ильич разглядывал её в зеркало. Что-то было в этой женщине такое, что заставило его взглянуть на себя со стороны. Он решает судьбы других людей, но совершенно не занимается своей. А зря! До вокзала они доехали очень быстро. Прощаясь с ней, Андрей Ильич подал ей визитку: «Вот по этому телефону позвоните мне. Я буду ждать! Ведь Вы мне остались должны!» – и он рассмеялся.

Когда он приехал домой, его ждал сюрприз. Обычно сын встречал его, выезжая на коляске из комнаты. А тут – тишина. Он прошёл в ком-

тату Алёши, но там ни коляски, ни его самого не было. «Что за бред? Куда он подевался?» – подумал Андрей Ильич. Пошёл к соседке, приглядевшейся обычно за его сыном. Она открыла дверь и проговорила:

– Мы Вам столько раз звонили! Вы не отвечали!

– Не слышал я звонков! – и он достал телефон из кармана. – Ну, конечно, он полностью разряжен! Так, где мой сын, у Вас?

– Нет. Его мать увезла с собой. Сказала, что бабушка с дедушкой съезжают с ним повидаться. Они приехали в отпуск. Да, она Вам там записку написала, не читали?

– Нет, не читал. Ну, ладно, спасибо Вам, я пойду!

Андрей Ильич вошёл в квартиру, нашёл записку на столе. Жена писала: «Андрей, ты извини, мы не могли ждать. За Алёшу не беспокойся. Он даже очень обрадовался, когда узнал, что бабушка его ждёт. Он поостит недельки две у них. Потом я его привезу обратно. Как ты сам? Звони нам. До свидания! Алла».

Андрей отложил в сторону записку. «Ну и ладно, пусть погостит, это ему только на пользу. Что делать, если родители не могут жить вместе! Но сын-то не виноват в этом!»

Потом он подумал, что неплохо было бы съездить в родительский дом. Ведь ему скоро идти в отпуск, и можно будет пожить в деревне. Потить парного молочка, Алёшку попоить. Наверное, баба Зоя не продала корову? Он решил, что на следующие выходные съездит туда и наведёт порядок в доме.

Он позвонил своему другу:

– Иваныч, не хочешь со мной в деревню махнуть в выходные? Можно будет порыбачить!

– Это идея! Только ведь меня одного не отпустят.

– Вот и хорошо! Бери Галку с собой. Она мне поможет порядок навести в доме.

– Замётано. Когда едем?

– В пятницу вечером! Ждите меня в шесть часов! Я за вами заеду!

Мужчина прошёл на кухню, поставил чайник на плиту. Почему-то в памяти всплыло лицо Ирины Сергеевны. «Хорошая женщина!» – подумал он и, вспомнив строки из песни, вслух произнёс:

– Ах, какая женщина! Мне б такую!

А Ирина Сергеевна в это же время, разговаривая по телефону с сестрой, говорила:

– Ты даже не представляешь, какой он хороший! Вот такого бы мужчину мне! А ты, кстати, не знаешь, он женат?

– Насколько это достоверно, не знаю, но говорят, что он живёт с сыном-инвалидом. Жена вышла замуж за другого.

– Так это же замечательно! – и Ирина вспомнила слова Андрея Ильича: «Бог возместит мне утрату!»

СТАРИКОВСКИЕ ДНИ

Павел Петрович шёл медленной походкой через двор. В одной руке он держал палочку, опираясь на неё, а в другой нёс авоську. Каждый день в это время он ходил за молоком и творогом. Из Мяксы приезжал предприниматель и торговал молочными продуктами.

Вот уже сколько лет он живёт один! Жена умерла, детей нет. Хорошо ещё здоровье не подводит, дедушка сам себя может обслуживать! Частенько в гости к нему навещается сосед. Такой же пенсионер, только чуть помоложе. Посидят, чайку попьют, иногда и покрепче чего примут, молодость вспомнят, правительство поругают, обсудят последние события, да и разойдутся до следующего раза.

А тут, к Павлу Петровичу повадилась бабушка ходить из соседнего дома. Сначала помощь свою предлагала, а потом придёт и сидит. Не знает дедушка, как её отвадить. Сказал об этом своему единственному другу.

– А чего, взял да и женился! Вдвоём-то, чай, легче время коротать, – смеялся Иван Иванович.

– Да иди ты! Чего я с ней делать-то буду? – то ли отвечал, то ли спрашивал Павел Петрович.

– Ну, ты даёшь! А чего с ней делать-то надо? Сиди да байки ей рассказывай! Она ведь тебя не заставит любовью заниматься.

– Эко, ты загнул! Где слов-то таких нахватался? Внучка что ли научила? – и дедушка выругался.

– Это ты зря, Павел Петрович! Я к тебе по-хорошему! А учить меня не надо. Я ещё больше молодых знаю и сам могу научить кое-чему. Я тебе не рассказывал, как жену себе нашёл?

– Нет, – отвечал Павел Петрович.

– Давай расскажу, если интересно.

– Валяй!

– Было это как раз после войны. Пришёл я домой, а в доме у нас живёт семья. Они эвакуировались из Донецка. Старшая дочка – красавица! Стройная, грудастая. Глазками на меня так и зыркает! А я – молодец! Грудь в медалях! Чуб кудрявый! Словом, влюбилась в меня девка! У меня кровь взыграла. Эх, думаю, сейчас бы с ней на сеновал! Ну, и уговорил её! Привёл её на сеновал, начал обхаживать, а она мне заявляет: «Так нельзя! Нужно зарегистрироваться». Фу ты, бестия, думаю! А то я не знаю! Да зачем же мне сразу в Загс-то бежать? Я ещё погулять хочу! В общем, не дала она мне. Разозлился я и пошёл в клуб. А там же лающих – хоть отбавляй! Наутро проснулся в стогу и думаю: что-то девка мне не понравилась. А сам даже не помнил с кем и был, до того напился.

Возвращаюсь домой, а постояльцев и след простыл! Они в другой

дом переехали. Упустил я молодуху, думаю, а жаль! Ладная была девка! – Ну, вот, а говорил, что орёл! Какой же ты орёл? Воробей ты! Прыгаешь, а толку мало! – вставил Павел Петрович.

– Ты меня обижаешь! Разыскал я мою Риту и на сеновал её привёл, и говорил с третьего раза.

– А чего на сеновал-то? Разве больше негде было?

– А, не знаю! Так вот мне захотелось! Вот там и зачали мы Ваньку. А потом свадьбу сыграли, всё честь по чести, и прожили сорок лет вместе. Ох, она и заводная была! Я уж выдохнуть было, а ей – всё мало! Умела она любить! А сейчас посмотришь фильм и думаешь: ни черта они не знают о любви!

Замолчал дед. Видно, воспоминания были настолько яркими, что долго не мог переключиться на настоящее время.

– А ты, Павел Петрович, в молодости каким был?

– Почто тебе это знать? Был и был!

Что он мог рассказать, если жена его была смолоду больная. И детей не могла родить, и мужа не могла удовлетворить. Кому что на роду написано! Одному на сеновале любовь крутить, а другому – ждать, когда жена позволит к ней прикоснуться. Смолоду не мог бросить, а потом зачем? Так и прожили вместе всю жизнь! Но это его жизнь, и на обозрение её выставлять незачем. И память жены ворошить – тоже не годится!

Но, чтобы не обижать друга, рассказал, как влюбился в первый раз.

– Это ещё в школе было, в девятом классе. Пошли мы как-то раз с ребятами на стадион. Решили шайбу погонять. А там, на катке, девчонки тренировались. Танцы на льду показывали. У них так здорово получалось! Я засмотрелся и шайбу пропустил. Думал, друзья меня придушат. А когда игру закончили, дождался я её и провожать пошёл. Её Зиной звали. Встречались, целовались. Она даже позволяла себя обнимать. Прижму её, бывало, и чувствую, что ещё чуть-чуть и не сдержусь. И она дрожит вся. А один раз не выдержал, повалил её в траву, раздевать начал, а она как огреет меня кулаком по моей тупой башке, враз поумнел! Потом стыдно было на глаза ей показаться. И она меня стала стороной обходить. И вдруг, слышу от ребят, что Зина с другим гуляет! Долго я по ней ещё сох, пока не встретил Гаю.

– Это твоя жена?

– Да! С ней мы сорок лет прожили.

Задумался Павел Петрович. Вот ведь как получается в жизни! Кто-то рубит сплеча. Не подходят друг другу – разбежались! Тут же другую женщину находят. А он не решился. Галя была хорошей хозяйкой: гостеприимной, отзывчивой, спокойной. И не её вина была в том, что в детстве ей сделали неудачно операцию, что она долго после неё поправлялась и осталась инвалидом. Но он жил с ней не из жалости. Любил её! Хотя, что греха таить, приходилось иногда пользоваться женщинами,

чтобы удовлетворить свою потребность, но никогда не завязывал серьёзных отношений. Всё было на физиологическом уровне.

– Ты чего задумался, Петрович? Жену вспомнил? Давай помянем, царствие ей небесное!

Выпили, закусили и разошлись. Вот такие теперь стариковские дни! Петрович снял с комода фотографию жены, погладил, поднёс к губам, поцеловал.

– Не хватает мне тебя, Галя! Скучаю я! Как мы с тобой любили вместе по парку гулять, птичек кормить. Хорошо нам было! А теперь, один-одинёшенек! И зачем мне кто-то нужен? Я уж дождусь, когда Господь и меня заберёт. Ты уж потерпи, родная, немного осталось!

В ПОГОНЕ ЗА СЧАСТЬЕМ!

Самолёт ехал по взлётной полосе, набирая скорость. Вот он оторвался от земли и взлетел, поднимаясь всё выше и выше. В иллюминаторе проплывали облака. Простор! Свобода!

Татьяна сидела в салоне самолёта, прикрыв глаза. «Ну, вот и всё! Закончился кошмар! Я возвращаюсь домой!»

Слёзы радости потоком хлынули из её глаз! Мужчина, сидевший рядом, посмотрел на неё и участливо спросил:

– Что с Вами? Вам плохо?

– Нет! Мне очень хорошо! Спасибо за беспокойство!

Женщина вскоре успокоилась и заснула. Она хотела только одного – быстрее очутиться в родном городе, в своей маленькой квартирке, откуда она уехала в погоне за счастьем!

Её безмятежный сон прервал голос стюардессы: «Товарищи пассажиры! Пожалуйста, зажмите уши руками, опустите голову! Мы совершаем аварийную посадку!»

Потом сильный удар... и всё...

...Женщина медленно приходила в себя. Она не понимала, где она, что с ней? Почему так тихо? Напрягая память, ничего не могла вспомнить. Ни прошлого, ни настоящего – полный мрак!

– Ну, слава Богу! Пришла в себя! – услышала она голос и попыталась повернуть голову, но не смогла этого сделать.

Какая-то женщина в белом халате смотрела, наклонившись к её лицу.

– Где я? – задала вопрос больная, еле разомкнув губы.

– Теперь в безопасности! Скоро встанешь на ноги, потерпи немного. Скажи, кому нам позвонить? Назови своих родственников, – спросила женщина-врач.

Татьяна пыталась что-то вспомнить, но безрезультатно!

– Как Вас зовут? – задала вновь вопрос врач.

– Не помню, – ответила женщина.

Людмила Аркадьевна, невропатолог, нейрохирург посмотрела на пациентку долгим, изучающим взглядом и вышла из палаты.

Татьяна ничего не могла понять: «Кто я, вообще? И что здесь делаю? Что, в конце концов, происходит? Может, мне кто-нибудь объяснит, в чём дело?»

Память постепенно возвращалась к женщине. Она вспоминала какие-то обрывки фраз: «Ты ещё пожалеешь... Уезжай в свою деревню... Мы разобьёмся... Мы падаем... Помогите!...»

«Самолёт... Я садилась в самолёт, хорошо это помню. Потом заснула... Да, да! Игорь! Он меня не отпустил... А потом сказал эти страшные слова: «Я никогда тебя не любил!»

И, вдруг, в сознании всплыло искажённое злобой его лицо! Потом удар, от которого у неё потемнело в глазах. «Господи! Когда всё это закончится? Неужели эти кошмары будут преследовать меня всю жизнь?»

Женщина заплакала, не в состоянии вновь пережить это унижение, эту боль, которая разрывала сердце.

Людмила Аркадьевна подошла к больной, присела рядом с её кроватью и взяла женщину за руку.

– Успокойся, милая! Сейчас сделаем тебе укольчик, и ты поспишь. Всё будет хорошо! Не переживай!

Татьяна и на самом деле уснула и спала пять часов. Когда проснулась, всю светило солнце. По палате бегали его лучики, возвещая о наступлении весны. Женщина любила это время года! А кто не любит весну?! Это же пробуждение жизни! После зимних холодов, ранних вечеров наступают светлые апрельские дни. По утрам ещё прохладно, но днём начинает пригревать ласковое, тёплое солнышко! Хочется жить! Хочется дышать полной грудью!

– Как у нас тут дела? – спросила врач, делая обход больных, остановившись возле кровати Татьяны.

– Сегодня уже лучше! – ответила та и спросила: – Какое сегодня число?

– Пятнадцатое апреля!

– Что? Пятнадцатое? – удивлённо переспросила женщина.

– Да! Так уж получилось! Ты здесь лежишь уже три недели. Твои родные, наверняка, ничего не знают о тебе. Пора им сообщить.

– Но у меня нет никого! – ответила Татьяна, – только если соседка. Но она не знает, что я вернулась.

– А где она живёт? Может, ей сообщить? – поинтересовалась Людмила Аркадьевна.

– Нет, не стоит её расстраивать. А когда я смогу встать? – спросила Татьяна, боясь услышать ответ.

– А вот сейчас и встанем! – и врач взяла женщину за обе руки. – Поднимаемся, остороженько... Вот так... хорошо... Постоим немного... Голова не кружится? Тогда делаем шаг... хорошо... ещё... молодец! А теперь садись.

– Людмила Аркадьевна, а что было со мной?

– Черепно-мозговая травма. Частичная потеря памяти. Ты двое суток находилась в коме. Сейчас всё сравнительно хорошо! Могло быть хуже!

– Да уж куда ещё хуже! – сказала Татьяна и осеклась, видя, как посмотрела на неё врач.

– Бывает! И очень часто! Иногда после такой травмы наступает паралич. А ты можешь ходить! Так что благодари Бога! – и Людмила Аркадьевна подошла к следующей больной.

В день выписки Татьяна получила рекомендации от врача и уже собралась уходить, но тут до неё дошло: «А вещи? В чём же я пойду?» В раздевалке ей выдали то, что было на ней в тот злополучный день. Но в этом нельзя было показаться на улице. Хорошо, что её сумка осталась цела. Она нашла номер телефона своей старой подруги и позвонила. Та долго охала и ахала и только потом спросила:

– Так ты что звонила-то? Сто лет тебя было не слышно, и не видно!

– Мне домой идти не в чем! Принеси что-нибудь! – уже выходя из себя, попросила подруга.

– Ладно! Куда прийти? – спросила Елена, явно недовольная, что её оторвали от дела.

Встретились подруги холодно. Они и раньше-то всё время ругались, а теперь и вовсе отдалились друг от друга.

– Привет! С приездом тебя! – с издёвкой в голосе произнесла Елена.

– Спасибо, что не отказала! – сказала Татьяна, чувствуя вину перед подругой.

– Куда сейчас? Домой?

– А куда же ещё?

Подруги ещё какое-то время поговорили, а потом разошлись по разным сторонам. У каждой теперь была своя жизнь!

Татьяна с замиранием сердца поднималась на свой этаж. Сначала она хотела зайти к Зинаиде Петровне, соседке, которая присматривала за квартирой, но желание очутиться в своём жилище было настолько велико, что она отбросила эту идею.

Квартира встретила хозяйку неприветливо. Окна были зашторены. Мебель накрыта целлофаном. Цветы в горшках стояли на столе. Удивительно, но они буйно цвели! Как будто специально, к приезду хозяйки.

Женщина прошла на кухню. Там царил полный порядок. Она достала из стола чайник, налила в него воды и поставила на газ. В ванной

комнате тоже было чисто, даже лежал свежий кусок мыла.
«Странно!» Чувство было такое, что соседка знала о возвращении и подготовила квартиру к её приезду!

Только Таня успела выйти из ванной, как в дверь позвонили. Она посмотрела в глазок. За дверями стоял молодой человек.

– Вам кого? – спросила хозяйка.

– Извините! Но это я Вас должен спросить: «Кто Вы?»

– То есть, как это кто? Я – хозяйка этой квартиры! Что Вам нужно? – спросила Татьяна, не понимая, что это за гость.

– Я – сын Зинаиды Петровны. Она просила меня присматривать за квартирой, что я и делал! – ответил мужчина.

– А где она сама? – задала вопрос соседка и пожалела, что спросила.

Оказалось, что та умерла год тому назад. Пока лежала больная, успела спросить своего сына посмотреть за соседской квартирой.

Женщина открыла дверь. Перед ней стоял мужчина, примерно тридцати лет. Он был очень красив и статен! Улыбаясь во весь рот, внимательно разглядывал Татьяну.

– Давайте знакомиться! Меня зовут Максимом! А Вы – Таня! Это я уже знаю! – проговорил мужчина и прошёл в комнату.

– Вот Ваши ключи! Возвращаю! По-моему, с заданием я справился неплохо? – задал он вопрос и с интересом посмотрел на смущённую женщину, которая стояла, придерживая полы халата.

– Извините, я сейчас, – и она ушла в комнату. Вышла уже переодетой и причёсанной. – Может, чайку вместе попьём?

– Не откажусь!

Сосед рассказал о своей матери, как та доживала последние дни. Сказал, что теперь он живёт в её квартире, которую та подписала ему.

– Вы женаты? – спросила Татьяна, не понимая, зачем ей это пришло в голову.

– К счастью – нет! – быстро ответил Максим.

– А что так? Вы – убеждённый холостяк? – и Таня посмотрела в его глаза, в которых можно было утонуть.

– Почему Вы так решили? Просто я не из тех, кто женится не по воле сердца, а потому, что «надо»! Ну да! Уже возраст приличный! Пора детей нянчить, а я в холостяках! Но я не спешу! Наверное, жду свою принцессу!

– Интересный Вы человек!

– Может быть! – ответил Максим и предложил перейти на «ты».

После первого знакомства соседи стали часто видаться. Татьяна устроилась работать поваром, мечтая когда-нибудь открыть свой ресторан. Там, откуда она вернулась, у неё была хорошая практика. Её мужчина был хозяином ресторана, а она, естественно, работала там шеф-

поваром.

Их бизнес процветал. Но Татьяна мало что имела от этого. Игорь был настоящим деспотом! Он заставлял Татьяну работать двадцать четыре часа в сутки! Иногда она просто валилась с ног, но ему было абсолютно наплевать на это!

Она порой сама не понимала, почему терпела такое унижение! А начиналось всё так красиво!

...Игорь приехал тогда в её город, где проводился конкурс. В нём участвовали лучшие профессионалы своего дела, кулинары и повара! На том конкурсе Таня и познакомилась с Игорем. А когда конкурс закончился, она уехала вместе с ним, влюбившись в молодого конкурсанта. Через год они открыли свой ресторан. Но всё это время девушка ждала, что он предложит ей выйти за него замуж. Но тот молчал.

Целых три года женщина мучилась от понимания того, что не нужна своему возлюбленному! Своё свободное время он проводил не с ней, а в кругу своих друзей, где развлекался с девицами.

Таня была девушкой с незаурядными способностями кулинара, но отнюдь не красавицей! Она понимала, что Игоря окружают длинноногие красотки, от которых «балдеют» все мужчины. Ей ли тягаться с ними?

Девушка не могла от него требовать верности, потому что не была ему женой! Он считал, что она должна быть благодарна ему за то, что он вытащил её из деревни! Хотя её городишко, в котором она жила, никак нельзя было назвать деревней!

Чем дольше они жили вместе, тем больше она стала понимать, что когда-нибудь он просто вышвырнет её вон!

И однажды, когда он в очередной раз вернулся от любовницы, она его спросила:

– Игорь, скажи мне правду, кто я для тебя?

Он долго и внимательно смотрел на неё, а потом, не моргнув глазом, ответил:

– Не жена – это точно! И не любовница – это понятно! Наверное – домработница! А главное – хороший шеф-повар!

Татьяна долго переваривала услышанное, потом резко встала, залепила ему пощёчину и хотела сразу же уйти, но он схватил её за руку и так сильно дёрнул, что она вскрикнула от боли. Но ему показалось этого мало, и Максим с размаху, дал ей пощёчину. Но сил не рассчитал, и женщина рухнула на пол без сознания. Испугавшись от мысли, что убил её, убежал из дома. А когда вернулся, Тани нигде не было. Не было и её вещей.

...Уже сидя в аэропорту с билетом в обратный путь, женщина прокручивала в сознании свою жизнь с Игорем. «Как можно было быть такой слепой? Ведь он ни во что меня не ставил! Даже друзьям своим представлял меня только как шеф-повара. На что я надеялась?»

Его слова, брошенные ей однажды, засели у неё в мозг: «Что тебя не устраивает? Ты – как сыр в масле катаешься! Денег куры не клюют! У себя в деревне ты бы так не жила! Без меня – ты никто! И никогда не будешь счастлива!»

«Какое счастье – быть снова дома! – думала Татьяна. – Не нужно мне столько денег, чтобы сносило голову от их количества! Но своё дело открыть, доказать самой себе, что я способная – теперь это моя мечта!»

Возможно, девушка утвердилась в том, что, не имея красивой внешности, нужно добиваться успехов в другом. Но как она ошибалась! Максим полюбил её такой, какой она была: простой, естественной. А это куда более прекрасно!

Про таких женщин, как Татьяна, обычно говорят – симпатичная! Да, она была милая, обаятельная, привлекательная, небольшого роста, стройная женщина! А что ещё нужно для того, чтобы нравиться настоящим мужчинам?

Плохо, когда девушки не знают себе цену! Заниженная самооценка – не спутник любви!

Татьяна постепенно приходила в себя! Она стала забывать тот кошмар, в котором жила целых три года. Вскоре Максим сделал ей предложение, и они сыграли свадьбу! А ещё через год родился малыш, которого родители назвали Богданом! Потому что он был дан им Богом!

МАРИВАННА

Мариванна (так её все звали) возвращалась с работы расстроенная и злая. «Ну, это ж надо? Не угодила новому директору! Иван Васильевич со мной вежливо обходился, только что ручку не целовал, а этот строит из себя великого гения. Видите ли, не вовремя в кабинет к нему вошла. Но я же постучалась прежде. Кто знал, что у него там секретарша сидит...», – женщина зашла в магазин и на время прервала свой монолог.

Она купила всё, что нужно, а вернее, самое необходимое и направилась к дому. «У нас незаменимых работников нет! Ишь ты, как разошёлся, не остановить! Ну и увольняйте, я без вас не пропаду, а вы ещё меня вспомните не один раз за день!» – прокручивала в голове разговор Мариванна.

Женщина вошла в квартиру, разделась и пошла на кухню, заглянув в комнату, где на диване лежал безработный сын и смотрел телевизор.

– Мать, ты что-нибудь пожрать-то принесла? У тебя все кастрюли пустые, – обратился он к стареющей матери, потом взглянул на часы и добавил: – Ты что-то рано сегодня.

– Так теперь, сынок, кастрюли всегда будут пустыми, потому что меня уволили с работы. Теперь твоя очередь мать кормить, – спокойно от-

ветила Мариванна.

Сын тупо смотрел на мать, не понимая, как такое могло случиться.
– За что уволили?

– За несоответствие, – сказала мать и поставила вариться картош-
ку.

Ей не хотелось с сыном обсуждать эту тему. Она уже в том возрасте, когда он должен помогать ей, а она до сих пор тянет его на своих хрупких плечах. Сколько раз ни разговаривала с ним, ответ один: «Да устроюсь я, мать, подожди немного. Не хочу идти куда попало, надо нормальную работу найти», – оправдывался он и верил, что так и будет.

– Ну, жди-жди, когда тебе деньги принесут на блюдечке с золотой каёмочкой.

– Опять ты за своё! Не веришь что ли мне? – рассердился сын.

– Я верю в то, что вижу! А вижу я, что тебе и так хорошо живётся, – и она ушла в комнату, потом вернулась и сказала: – Вот умру я, что делать-то будешь?

Сын, не задумываясь, ответил:

– Не беспокойся за меня, не пропаду.

– Да ты уже пропал. Иди лучше за картошкой смотри, а я прилягу, ноги уже не держат.

«Да, совсем грустно, – подумала она, – теперь вот ещё дома сидеть и смотреть, как сынок бока пролёживает. Была работа, так хоть там отдыхала от его постоянных «есть хочу». Интересно, как там на работе? Потеряли меня, наверно, девчата». Потом сон сморил женщину – и она уснула.

* * *

В отделе полный переполох.

– Валя, ты не видела Мариванну?

– Нет, – ответила та, – может, заболела?

Женщины усаживались на свои места, включали компьютеры. Всё как всегда, обыкновенная производственная рутина.

– Валя, давай кофейку попьём, пока шеф не пришёл, – и Лида пошла в чайную.

Там стояла кофе-машина. Чтобы не мыть чашки, пили они из разовых стаканчиков, которых в урне накопилось столько, что они вываливались из неё.

– Странно. Бардак тут жуткий, – промолвила Светлана, секретарша, вошедшая тоже попить кофе.

– Да уж, неприглядный вид, – подтвердила Валентина.

Девушки разошлись по своим местам. Конец месяца, подведение итогов, работы много, болтать некогда. В обеденный перерыв они пошли в курилку, ну а кто не курил, занялись своим внешним видом, подправ-

пляли макияж и причёски.

– Слушайте, девочки, сдаётся мне, что у нас тут не убирается уже дня три. Я как бросила в урну старые распечатки, они до сих пор там лежат. Песок под ногами хрустит. У меня туфли новые жмут, хотела снять, босиком посидеть, так невозможно, грязища под столом. Надо к начальнику сходить, пожаловаться, – ворчала Марина, самая вредная из всех.

– Зачем сразу жаловаться?! Мало ли что случилось. Давайте подождём ещё денёк, – заступилась за уборщицу Лида.

– Ну, конечно, ты у нас самая добрая. Тогда бери швабру и мой попы, тебе не привыкать, – съязвила Марина.

Девчата все знали, что Лида раньше подрабатывала и мыла полы. Она одна воспитывала дочь, и, естественно, денег не хватало. Это она сейчас окончила институт заочно и получила место в отделе, а тогда работала курьером и уборщицей по вечерам. Конечно, они вступились за женщину.

Валерия, самая старшая из них, предложила сходить к шефу, выяснить, почему в офисе так грязно. И тут у неё зазвонил телефон. Она прослушала и весело сказала:

– К нам едет ревизор!

– Не поняли?! – хором сказали девушки.

Шеф вызывает к себе, какая-то комиссия ожидается. Они все направились в кабинет директора. Он сидел за столом мрачнее тучи. Его пепельница была доверху набита окурками, а на полу возле урны, валялся разный мусор.

– Ну, и что скажете? – задал он вопрос.

– Мы думали, Вы нам что-то хотите сказать, – вызвала на себя огонь Валерия.

– Я-то скажу, а что прикажете вот с этим всем делать? – и он описал рукой круг.

Все переглянулись. Что от них ждал шеф?

– Кто я, вас спрашиваю, возьмётся убрать тут всё? Сейчас приедут из главка.

– А мы тут причём? На это есть уборщица, пусть она и убирает, – смело вышла вперёд Марина.

– Уборщица говоришь?! Я её уволил!

Женщины, услышав это, очень удивились. На неё никогда нареканий не было. Они всегда были довольны уборкой.

– А что случилось? – попыталась прояснить ситуацию Лида.

Директор не стал оправдываться, просто сказал:

– Уволил и всё!

– Так пригласите обратно, – предложила вновь Лида.

– Как же! Я буду кланяться каждой уборщице. Другую найдём, а пока всем отделом наведите порядок. И чтобы всё блестело!

Женщины вышли из кабинета, понимая, что нельзя перечить директору, иначе и самим можно за воротами остаться.

– Слушайте, а давайте позвоним ей сами. Она сразу же прибежит, деньги-то нужны, своего лоботряса кормить, – предложила Марина, но все промолчали.

* * *

Мария Ивановна, уже в который раз, бегала к соседке, та пообещала узнать насчёт работы, её подруге нужна была почтальонка, телеграммы разносить. И каждый раз Мария слышала одно и то же: «Подожди, мне некогда».

Плюнув на неё, женщина вернулась домой и включила телевизор: «А никуда не пойду! Буду дома сидеть, пенсия есть, на хлеб хватит». Но через несколько минут вновь возвращалась к этой теме.

«Всю жизнь проработала, ни одного замечания не получала, одни награды. Сам начальник цеха вручал почётную грамоту, на доске почёта была не один раз. А тут какой-то выскочка оскорбил, даже на возраст не посмотрел. Пусть теперь ищет нового работника. Этот извиняться не будет! Как он мне сказал? «Каждый сверчок, знай свой шесток». То есть права голоса у меня нет, и начальник может меня оскорбить и унижить. А кто вообще придумал, что уборщицы – это не люди? Если разобраться, то они первые люди! Без них, естественно, производство не встанет, но в грязи утонут все. Попробуй, не уберись дома неделю-другую, и поймёшь – без этого труда нельзя прожить. Представляю, что сейчас там делается! А может, уже кого взяли? Да кто за эти копейки пойдёт к ним работать? Пусть дурочку поищут».

Долго бы ещё возмущалась женщина, но тут зазвонил телефон.

– Ало! Я слушаю.

В трубке что-то шуршало. Она повторила:

– Слушаю, говорите!

И тут услышала голос своего директора, Дениса Денисовича.

– Мария Ивановна, выходите на работу, срочно, – услышала она ответ и сразу же частые гудки.

«Ни здравствуйте, ни пожалуйста. Откуда хоть берутся такие начальники?»

Женщина посмотрела на часы. Было ровно пять часов. Девчата закончили работу. Ну что ж, я человек не гордый, и меня дважды просить не надо! Она тут же оделась и побежала в офис.

Каково было её удивление, когда в дверях её встречал весь отдел. Сам директор вручил ей букет цветов. Она смутилась от такого приёма, и ей стало стыдно за свои мысли и чувства. Но она взяла себя в руки и решила не ударить лицом в грязь.

– Меня, как министра, встречают. Кому я обязана за такой приём?

– Мариванна, Вы у нас тут самый главный человек, без Вас мы просто пропали. А вот «министра», и правда, будем встречать завтра. Так что Вам придётся потрудиться сегодня. Мы тут изрядно напакостили, – извинилась Валерия и обняла женщину.

Когда все разошлись, Денис Денисович подошёл к женщине и извинился.

– Мария Ивановна, я прошу меня простить за грубость. Оправдываться не буду, виноват. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество с Вами, – и он виновато опустил глаза. – Простите ещё раз!

Женщине стало жаль его. С таким характером, да ломать себя! Но без этого он не состоится как начальник, поэтому она скромно сказала:

– Не важно, кем человек работает, важно другое – как он относится к тому, что ему доверено. И спросится с него за то, что он сделал хорошего в жизни. А Вам доверены люди, и Вы в ответе за них. – но потом поймала себя на нравоучении и весело рассмеялась: – Хотя яйца курицу не учат.

– Вы всё правильно сказали, Мария Ивановна. Спасибо, что поняли меня.

ОБЕЩАЙ МНЕ ЭТО

Надежда проснулась, не открывая глаз, мысленно вернулась туда, где встретилась со своей дочкой. «Странно, как она быстро выросла. Совсем недавно была маленькой девочкой с косичками, а теперь молодая девушка, красивая и стройная. Её глаза светились счастьем. И была она такая лёгкая и воздушная. Но вот на её лице появилась грусть, а губы слегка тронула улыбка.

– Викушка, ты всё ещё сердисься на меня? – спросила женщина и прикоснулась к её холодной руке.

– Нет, не сержусь. Мне здесь хорошо, – ответила дочка и после короткой паузы сказала: – Мама, не переживай за меня. Тебе нужно побережь себя, ведь тебе скоро рожать.

– Рожать? Мне? – недоумённо спросила мать и машинально положила руку себе на живот.

Вика не ответила. Она подошла к матери, обняла её и тихо произнесла:

– Мама, дай слово, что ты будешь счастлива и будешь любить своего сына. Обещай мне это!

Надежда внимательно смотрела на дочь. Она не понимала, почему та заговорила о любви. «Разве она не чувствует моей любви? Почему она говорит такие слова?»

– Вика, я клянусь...

Она не успела договорить фразы, как дочка громко крикнула:

– Нет! Не клянись! Просто пообещай любить моего брата.

Надежда от этого крика окончательно проснулась. Села и взглянула на портрет дочери, который висел над её кроватью. «Что это было?»

Женщина прошла на кухню, поставила чайник, а в голове крутилась картинка сна. День был выходной, и Надя решила позвонить подруге.

– Ирина, ты чем сегодня занимаешься? Можешь ко мне прийти?

– Легко! Только вот своих провожу, и я в твоём распоряжении.

Через час Ирина была уже у подруги. Это была молодая женщина, тридцати лет. Красивая, ухоженная с очаровательной улыбкой, умная и отзывчивая.

– Ира, мне сегодня Вика приснилась. Но сон был такой странный. Я не поняла ничего, – обеспокоенно произнесла хозяйка.

– Так на то он и сон. Зачем тебе обязательно нужно его понять? Мало ли что снится нам!

– Нет, ты не поняла. Я тебе сейчас расскажу, а потом ты поможешь мне разобраться.

Выслушав рассказ подруги, Ирина задумалась. Она хорошо помнила, что случилось с её дочерью. Она попала под машину. Было ей всего семь лет.

Надя очень переживала смерть дочери, и Ирина успокаивала её тогда и поддерживала, как могла.

– Ты понимаешь, она сказала, что у меня будет сын и просила пообещать, что я буду его любить. Но разве я её не любила? Почему она сомневается во мне?

И тут Ирина поняла.

– Надя, выслушай меня внимательно. Может быть, я в чём-то ошибаюсь, но мне кажется, что Вика предостерегает тебя от чего-то. Почему она не дала тебе возможности произнести клятву?

– Откуда я знаю! – со слезами на глазах произнесла та.

– А я, по-моему, догадываюсь. Ты часто, ругаясь с мужем и оправдываясь, клялась своим ребёнком. Помнишь? Ещё тогда я тебе говорила, что нельзя этого делать! В Библии написано: не клянись ничем. Почитай на досуге писание. Ведь не зря Бог такое предостережение дал.

– Мне что, больше заняться нечем, как Библию читать? Тебя опять не туда понесло. Мы с тобой на эту тему говорили, и она закрыта. Я тебе про сон говорю, – с обидой в голосе сказала Надежда.

Ирина с сожалением смотрела на подругу. Та не хотела прислушиваться к её советам. Ну что ж, это её дело.

– Знаешь что, Надя, ты меня позвала для того, чтобы я тебя успокоила. Так вот, я не буду этого делать! Ты вполне взрослая и не глупая женщина. Подумай о том, что ты делаешь! А то, что тебе приснилось, принимай как послание от Бога. Он тебя хочет предостеречь от чего-то и

дать тебе надежду.

Надя слушала подругу, а в голове звучали слова дочери: «Мама, дай слово, что ты будешь счастлива и будешь любить своего сына. Обещай мне это!»

«Какого сына? Я даже не беременна. Да и мужа у меня нет. Он давно ушёл от меня. И любовник от меня сбежал. Приснится же такое!»

Ирина наблюдала за подругой. И вдруг та, закрыв лицо руками, горько зарыдала.

– Слава Богу! Вроде, дошло до неё, – подумала гостья, а вслух сказала:

– Всё у тебя в жизни наладится. Только признайся себе в том, что ты сама виновата во всех своих бедах и приведи свои мысли в порядок.

Пока женщины пили чай, к Наде спешил гость.

– Звонят, пойду, открою дверь, – сказала хозяйка.

– Войти можно? – спросил гость и внимательно посмотрел на Надю.

– Входи, раз пришёл, – ответила она и спросила: – Чай будешь пить с нами?

– Не откажусь, – и гость зашёл, поздоровавшись.

Ирина взглянула на Виктора, бывшего мужа подруги и весело сказала:

– Вы тут без меня почаёвничайте, мне по делам нужно срочно убежать, – и, подмигнув подруге, ушла.

Надя смотрела на мужчину, а в голове вновь звучали слова: «Мама, дай слово, что ты будешь счастлива и будешь любить своего сына. Обещай мне это!»

– Обещаю, милая! Прости меня, Вика, и спасибо тебе, родная!

– Ты что-то сказала? – спросил Виктор.

– Я очень рада, что ты вернулся, – тихо произнесла женщина, вытирая выступившие слёзы.

КНИГА СПАСЕНИЯ

Я книгу эту бережно храню,
Она мне дверь к спасению открыла.
Её авторитет я признаю,
В ней мудрость Божья, в ней святая сила.

В ней план спасенья Богом людям дан.
Она нужна нам всем, как хлеб насущный.
Но дьявол шепчет: «Это лишь обман.
Вас не простит Творец, овец заблудших.

Оставьте книгу эту на потом,
Пока живите так, как вам угодно».
И все живут, пока не грянет гром.
Но вот беда – бывает слишком поздно.

Пылится книга, незачем читать.
Так в жизни много разных развлечений.
Зачем нам нужно всё о Боге знать,
И верить разным умозаключениям?

И грянул гром! Прикована к постели.
Друзья оставили. Зачем им лишний груз.
А ведь, когда-то, дружно все хотели
Друг другу помогать, но вот конфуз...

Забыто всё: и встречи, и гулянья,
И дружбой уж никто не дорожит.
Тоска, печаль и слёзы раскаяния...
И вот Христос на помощь мне спешит.

Закрыв глаза и боль преодолая,
Вдруг, вижу Ангела, сходящего с небес.
И вижу двери солнечного Рая,
А в них Христа, что умер и воскрес.

И Он ко мне протягивает руки,
Пронзённые гвоздями за людей.
Исчезла боль, и страх, и сердца муки,
В Его объятия попасть спешу скорей.

Святая книга, что пылилась долго,
Нужна как воздух, как воды глоток.
В ней голос Бога к нам не умолкает,
И льётся слов живительный поток.

Какая сила! Сколько в ней богатства!
Спасенья дар, прощенье, и любовь!
Она ценить нас снова учит братство,
И научить нас словом жизни вновь!

О, Божья книга! Золотой источник!
Приносишь миру свет в крошечной тьме!
Ты кладезь всех наук, и знаний точных!
Тебе нет равной книги на земле!

УЛЫБКА

Бывает так: всё валится из рук...
Во всех делах сплошные неудачи!
Но кто-то улыбнулся вам – и вдруг,
Исчезла грусть, и стало всё иначе!

Как может нам улыбка много дать!
Она в ответ заставит улыбнуться!
Захочется спасителя обнять
И в мир его эмоций окунуться!

И будто груз свалился сразу с плеч,
А неудача только закалила!
Одна улыбка вас смогла зажечь!
Какая в ней таится всё же сила!

НА СОБОРНОЙ ГОРКЕ ХРАМ

На Соборной горке Храм
Чинно возвышается.
Чудодейственный бальзам
В душу изливается.
А вокруг такая тишь...
Речка разливается.
В небо синее глядишь –
Солнце улыбается.
Ах, какая благодать!
Умиrotворение.
Хочется хвалу воздать
Богу за терпение!

ПОМНИШЬ ЛИ ТЫ?

Помнишь ли ты, как гуляли с тобой?
Как звёзды на небе искали?
Назвал ты меня «путеводной звездой»,
За мною шёл в дальние дали.
Но время прошло, и ты заскучал.
С другой изучаешь планеты.
Её на меня так легко променял,
Но я не виню тебя в этом.
Путь твой освещает другая звезда,
Её называешь ты «светлой».
А я буду рядом с тобою всегда
Любовью твоей безответной.

А ЖИЗНЬ ТАК ПРЕКРАСНА

Ни слёзы, ни горе не могут сломить.
Я выдержу всё, точно знаю.
Стараюсь поймать жизни тонкую нить.
Так силу свою утверждаю.
И пусть все вокруг удивляются мне:
«Она ещё может смеяться?!»
Но я же жива, и здорова вполне,
И жизнью могу наслаждаться.
А жизнь так прекрасна! Во всём благодать!
Печаль иссушает лишь кости.
Я буду рассветы с любовью встречать
И к душам выстраивать мостик.
Учусь у Христа я любовь отдавать,
Шагая тернистой тропинкой.
Как трудно порою людей понимать,
Скажу вам, друзья, без запинки.

СВЕТ
ОКРАИНЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МНЕНИЯ

О ПТИЦЕ ВРЕМЯ И НЕКОТОРЫХ ВРЕМЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ (отзыв на тему книги Н.В. Кузнецова «Птица Время»)

Все мы знаем время по тиканью часов. А вообще, что такое время? Эсхатологически время имеет три значения: время, времена и пол-времени (т.е. время человеческой жизни, как сказал Христос в Библии).

Первое Время – это бесконечное в бесконечном, т.к. есть ещё пространство, а его движение быстрее бесконечности. Но это космический постулат, он ещё называется Вечностью.

Второе время – это историческая перспектива. Она развивается соответственно законам природы и общества.

Третье, пол-времени – наиболее близкая к нашей жизни величина. Она равна человеческой жизни. На Западе её называют экзистенцией, т.е. подлинным существованием человеческой жизни. И вот именно о ней, скорее всего, и хотел нам напомнить ещё раз Николай Кузнецов в своей книжечке. Птица Время... Почему птица? А потому, что птицы – очень разные существа, но все они летают. Душа человеческая также переживает и парения, и падения. Даже жизнь птиц разная по времени. Канарейка живёт недолго, а вот ворон – 300 лет.

Самое главное в экзистенции – временные особенности. Они включают в себя все три составляющие понятия: время, времена, и экзистенция. Временные особенности – это наша каждодневная жизнь. А она разная, как и поэзия, как и идея, как и воля.

Хотелось бы, чтобы Николай Кузнецов сосредоточил внимание поэтов именно на такой богатой, умной, но загадочно непредсказуемой нашей жизни. Хотя кое-что уже можно предсказывать и планировать.

Богатая, насыщенная жизнь души равна бесконечности, а какие краски и какое оперенье ей дать – решит сам Творец. Дай Бог, чтобы наши читатели прочувствовали Птицу Время Николая Кузнецова и дали ей свою оценку. В стихах нашего поэта есть много личного, экзистенциального, но есть много примет нашего времени.

Порадуемся вместе с автором его очередной книге и возьмём себе самое лучшее – доброту и порядочность.

Всех вам успехов!

Поэт БОРИС САВИНКОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЕКТ «КВАТРО»
(New format)
г. Череповец

В этой статье речь пойдёт об уникальном для города Череповца проекте «Кватро», который задал новые стандарты в распространении книг местных авторов и установлении контакта между читателем и писателем.

Часто думают, что главная задача в выпуске книги – это непосредственно издание. Совершенно забывая при этом, что каждая книга ждёт своего читателя. Если тираж небольшой, то проблем с этим нет. А вот если тираж побольше, то бывает так, что книга остаётся лежать у автора где-нибудь в ящике или на полке, лишённая читательского интереса. Что же делать, если круг знакомых автора не так велик, продавать книги не получается, каких-то других способов распространения автор не знает?

Проект «Кватро», проведённый в 2018 году Б.Ю. Савинковым, даёт ответ на этот вопрос. Суть этого проекта заключается в рассылке по библиотекам России книг череповецких авторов. Схема проста: авторы предлагают в дар свои книги, книги рассылаются по библиотекам. В итоге библиотеки получают увеличение своих фондов, читатели – новые книги, а авторы – новых читателей и более широкую известность.

Идея такого проекта, казалось бы, на виду, ведь библиотеки – это самое естественное место для встречи книги и читателя. Но почему-то раньше никто в Череповце таким не занимался. (Про другие города говорить не буду, так как не имею информации.) Возможно, дело здесь в том, что реализация этого проекта требует определённых организационных навыков, которые не у всех могут быть. У Бориса Юрьевича Савинкова они были – он в прошлом ведущий специалист Вологодской филармонии, занимался организацией концертной деятельности по всей России, так что опыта ему не занимать.

Начало всему положило участие Б.Ю. Савинкова в череповецком конкурсе «Цветущий город». Тогда он отправил первую рассылку своих трёх книг – «Цветущий город» (50 экз.), «Цвет и цветы» (50 экз.), «Цветоград» (80 экз.). Результат получился обнадеживающим, и Борис Юрьевич решил организовать проект, в котором приняли бы участие не только его книги, но также книги других череповецких авторов.

Сам Б.Ю. Савинков об этом пишет так:

«В основном, не считая А. Армеева, погибшего в 2007 году, в проекте участвовали 4 автора. (Отсюда и название «Кватро», от итальянского «Quattro» – четыре.) Это Людмила Евгеньевна Целуйко (152 экземпляра книг и брошюр), Николай Витальевич Кузнецов (400 экземпляров брошюр), Борис Юрьевич Савинков (980 книг и брошюр) и Игорь Владими-

рович Эпанаев (92 экземпляра брошюр).

Организационную часть проведения проекта взял на себя Б.Ю. Савинков, печать – Н.В. Кузнецов. Проект чисто социальный. Все авторские права защищены.

Главной целью проекта был выход на массового читателя. Со временем эта цель будет достигнута.

Второй поставленной целью проекта «Кватро» было пополнение и поддержка библиотечных фондов, особенно провинциальных. Авторы проекта стали фондообразователями.

И третьей целью было получение критики и поддержки авторов проекта. Цель достигнута.

Всего было обеспечено литературой 300 библиотек, 28 редакций области и 144 дома культуры. Областные центральные районные библиотеки были задействованы в проекте дважды.

Благотворительность – основная черта проекта. Ведь книги и брошюры 4(5) авторов высылались по адресам в дар. Особенно хотелось бы отметить Людмилу Евгеньевну Целуйко, т.к. её книги можно было бы легко продать, но она поступила мудро, поддержав «Кватро» своим участием. Завидную постоянность и последовательность проявил Н.В. Кузнецов, обеспечив проект своим авторством. Б.Ю. Савинков проявил себя достаточно высоко, оставив след в истории культуры России, используя свой талант и возможности, данные ему ранее Богом и друзьями. Хорошо выступил и И.В. Эпанаев, не побоявшись критики наших коллег.

Необходимо отметить, что Л.Е. Целуйко, Н.В. Кузнецов и И.В. Эпанаев являются членами Союза писателей-краеведов, а последний ещё и член Союза российских писателей. Я думаю, что имея таких авторов в обойме, успех гарантированно обеспечен. Б.Ю. Савинков также очень успешный литератор, это его третий проект (до этого были «Конь вороной» и «Октябрьский»).

Конечно, можно и нужно печатать коллективные издания, такие как «Северная окраина», «Над Шексной», «Чудь» и др. Но я вижу литературный процесс в Череповце в виде издательской активности отдельных авторов. Ведь кто-то должен представлять себя, череповчанина, в культурных местах. Думаю, что сделать это не так сложно, и кто-нибудь ещё попробует свои силы в таких проектах, как «Кватро». По крайней мере, я так предполагаю. А литературный бизнес – что ж, он есть, но до него идёт дорога через социальные проекты.

В общем, проект «Кватро» – это стопроцентное вложение в культуру России. В Череповце много пишущих стихи и прозу, бывает, и удачную. Так пожелаем же читателям познакомиться и с ними! Только вот делать это надо профессионально, порядочно и со знанием дела».

При издании книги Книжная палата требует 16 книг для распространения по библиотекам. Плюс Вологодская центральная библиотека тре-

бует ещё 3. Итого 19. Эти книги идут в крупные библиотеки, до мелких, сельских, районных и т.д. они, разумеется, не доходят – их просто не хватает.

А в проекте «Кватро» счёт идёт на трёхзначные числа. (Доходит аж до 980 экземпляров одного автора.) Понятно, что библиотеки получают эти книги в невиданном доселе количестве. Теперь книги дойдут туда, куда никогда не доходили те, что отправлялись в Книжную палату. А значит, и шанс того, что читатели смогут увидеть книги наших авторов, значительно выше.

Но чтобы понять, увенчался ли проект успехом, нужна была обратная связь, отзывы, по которым можно было бы судить об успехе. И отзывы не заставили себя ждать.

Опять слово Б.Ю. Савинкову:

«Особенно приятно было получать ответы из Столицы и Санкт-Петербурга. Однако, здесь есть одна сложность: не все ЦБ этих городов вносят в каталоги малый формат (менее 48 страниц), но библиотеки ответили хорошо.

Всего пришло около 50 писем, ответов из библиотек. Это говорит о том, что у нас трудятся ответственные и заинтересованные коллеги. Все письма вошли в Государственный архив г. Череповца».

В целом, проект «Кватро» приняли хорошо. Библиотеки писали слова благодарности, читатели, которые увидят эти книги, тоже наверняка будут довольны. Не обойдёт слава и авторов. Кроме того, стоит отметить фразу Б.Ю. Савинкова: «Все письма вошли в Государственный архив г. Череповца». То есть результат этого проекта в любом случае не пропадёт, по крайней мере, пока будет существовать Государственный архив.

Напоследок хотелось бы поговорить о перспективах подобных проектов в будущем. В наше время поэзия активно перемещается в интернет, там теперь есть литературные группы, творческие площадки и даже литературные союзы. Это хорошо, но интернет не может дать – книги. Речь не о заказе книг по интернету, а о недостатке самой сути его – виртуального пространства. Пока многие этого ещё не понимают, но такое понимание неизбежно придёт. Интернет – это всего лишь источник информации, он лишён атрибутов материальности. Само по себе это неплохо, даже хорошо, что вся бумажная рутина ушла туда. Но поэтический сборник как квинтэссенцию поэтического творчества он заменить не может. Литературный сайт не поддержишь в руках, не поставишь автограф, не подаришь, не поставишь на полку, в конце концов. Иными сло-

вами, интернет заменил книгу как источник информации, но не заменит его как сувенирную продукцию. Поэтому актуальность поэтических сборников для заинтересованных читателей по-прежнему актуальна. А значит, проекты, подобные «Кватро», будут востребованы.

Финансирование таких проектов – вопрос непростой. Так как по сути своей они являются формой благотворительности, меркантильные подходы здесь неуместны. Впрочем, нельзя сказать, что автор, предоставив свои книги в дар, ничего не получает. Книги обретут своего читателя, а сам автор – известность. Пусть и не сразу, и не везде, но, тем не менее, результат будет. И тут уж каждый сам решает – стоит ли оно того.

Наиболее подходящий формат книг для таких проектов – это А6, число страниц 48 и более. (Как выше писалось, книги меньше 48 страниц не везде попадают в каталоги.) Стоимость таких изданий невелика, и автор, при желании, может предоставить их для будущих проектов.

Проект «Кватро» дал, пусть и приблизительные, ориентиры того, где книги наших читателей пользуются большим успехом, где меньшим, куда стоит их посылать, а куда нет. Исходя из этого, можно в будущем работать более результативно, что добавит доверия авторов к проекту.

И в качестве подведения итогов:

Как говорил Конфуций: «Идущие в дальнюю страну начинают свой путь с первого шага, восходящие на вершину начинают с подножия горы». Будем считать, что этот шаг сделан.

Н.В. КУЗНЕЦОВ,
главный редактор журнала «Северная окраина»,
главный редактор альманаха «Люди и дела»,
член Совета ЧГОО «Череповецкое литературное объединение»,
член ВРОО «Вологодский союза писателей-краеведов»

КОНКУРСЫ

КОНКУРС «НА РИФМЕ БЕЛОКРЫЛОЙ»

Конкурс «На рифме белокрылой» проведён в Заозерье на «Поляне поэтов» в 2018 году. Организатор конкурса Ульяна Королёва, объединение «Шесть ветров». Главным призом стал сертификат на печать лучшего стихотворения в юбилейном выпуске литературно-художественного журнала «Северная окраина» №40.

Победители конкурса «На рифме белокрылой»:

Диплом 3-й степени – Ксения Ланетина (г. Вологда);

Диплом 2-й степени – Александр Лайминг (г. Череповец);

Диплом 1-й степени – Тошка (г. Ярославль).

КСЕНИЯ ЛАНЕТИНА

В центре размаха вселенской пустоши

Причиной необъятности внутренней
составляющей человеческой сущности
Может быть аналогия непоняток в физической практике,
Завораживающие тучности дальних туманностей,
Наличие крайней звезды в самой далёкой галактике,

И где-то в созвездии Девы под её локоном,
Прячется тайна и мгла, наряду с бесконечностью.
А здесь человечество жаждет ровнять всё с коконом:
Ограничивать, ставить рамки, размеры и прочее.

А здесь, в самом центре размаха вселенской пустоши,
Под малой звездой на третьем куске материи,
В цветах и ветрах, в купели клеточной роскоши,
Ты лежишь такой маленький, вроде бы, как потерянный.

А на этом куске происходят великие радости:
По весне обрастает земля снежной палевой кашею,
Вдоль дорог зайцы азбукой морзе следят, словно лопасти,
То ли долго кричат тебе вслед, не то переспрашивают.

Здесь, где неба кусок к земле ровно три четверти,
И почки румяные рано цветущих вербочек,
И ты под всем этим шагай, напевай, верти давай
Этот смолистый кусок, добрый ты человек.

Смотри, наглое солнце на части режется пальцами,
Под стопой блюда луж умножают хрустальные отблески.
И если уж в космосе этом и быть нам скитальцами,
То топлес хотим мы ходить и босыми,

То брызги дождя поднимать вверх нам ресницами,
То петь, как несёт душа, с переливами,
Про чёрные полосы – ну ведь приснится же!
Как может душа скорбить, рождены ведь сильными...

И каждую ночь прогонять с небес облаков скелет,
В зрачках: к бесконечности плюс та одна звезда.
Между нами и ними миллионы и арды лет.
Та, что светит сейчас, возможно, уже мертва.

АЛЕКСАНДР ЛАЙМИНГ

Стрекозка

Над былиночкой стрекозка, вот ведь, выжила!
Ишь, как крылышкам своим стрекочет!
Ну и палит, тишина как выжжена...
Эх, водицы бы, терпеть нет мочи...

За лужком, за низинкою реченька
Исколола глаза солнца лучиком.
А за речкой – чужое наречие,
И позиция у Ганса получше там.

Бережок наш северный ровненький,
Как скатёрка: ни ямки, ни кустика.
Вот опять не стерпел кто-то новенький,
За рекой будто ветка хрустнула.

Я в прицел трети сутки ёрзаю,
С Гансом в прятки играю недетские:
Где-то там он сидит, под берёзами,
И лежу, замерев, здесь на пекле я.

А слюдинки стрекозки зеркальцем
Ему, видно, блеснули чуточку...
И пальнул он под ней – думал в сердце мне!
И засёк я его на секундочку!

Ну, понятно, медаль представили...
А в мозгах мне засело навечно: –
Не стрекозка б тогда эта малышка –
Не бывать бы мне за той реченькой...

АНТОНИНА МАКРЕЦКАЯ (Ярославль)

VРЕМЯ

Высеки меня тонкой плетью или из мрамора,
Волос серебром вспыхивая на каждом вздохе,
Перестало быть важным – пентхаус здесь или камера,
Я пытаюсь быть сильным, выходит из рук вон плохо...

Погружаюсь на дно, туда где ни света, ни радости,
Пусть внутри будет так же точно, как и снаружи...
Так рождается и царит в своей беспощадности –
Нелюбовь... Ты один. Слаб, жалок, обезоружен...

Я – весь мир и во мне Вселенная теплит пламя,
Поделюсь им с любым нуждающимся, не жалко...
Одиноко вальсирует в комнате с зеркалами
Время глупо мечтать и тихонько по-детски плакать...

Время кровью писать на стенах автопортреты,
Время дней избегать, растворяясь в ночах кудрявых...
Время больше не знать о том, где ты, как ты, с кем ты...
Время летаргии, бабочек и булавок...

КОНКУРСА «РИФМОХАЙП»

29 июня 2018 года подведены итоги конкурса «Рифмохайп».

Победители конкурса:

Дипломом 3-й степени награждается Юлия Коленова

Дипломом 2-й степени награждается Юлия Лещук

Дипломом 1-й степени награждается Екатерина Козицына

ЮЛИЯ ЛЕЩУК

Ты слышишь?

Ты носишь за пазухой редкий цветок,
Который когда-то нашёл у моря.
Преследует вечно щемящий рок.
Туман затянулся зеркальным флёром.

Чернильные тучи дают дожди.
И мокнут дороги, скамейки, крыши.
Ты только меня бесконечно жди.
Ты слышишь? Ты слышишь? Ты слышишь?

ЕКАТЕРИНА КОЗИЦЫНА

Зефир Кающийся

Прокляты будут пусть руки мои, окропленные алою кровью,
Взор пусть потухнет мой, видевший миг преступленья.
Мойры, глядящие в вечность, молю вас, даруйте мне бездну забвенья, –
Я проклиная бездушную Хаоса дочь, что народы прозвали Любовью.
Пусть бездыханное тело моё упадёт к твоему изголовью
Под Аполлоново плачуще-рвущее душу прощальное пенье.
Злым утешением будет мне гибло-загробное это мгновенье, –
Кровь твою смертную смыть попытаюсь своею бессмертною кровью.
Мой Гиацинт, ты священным безмолвным цветком из садов Громовержца
Пал – надломленный – убитый моею зияющей раной у самого сердца.
Мой Гиацинт, ты, возлюбленный двух олимпийцев, не знающих счастья.
Смерти зловещей подарен безумства ревнивой рукою.
Мрачный Танатос бесплотную душу отторгнул от тела – сей чаши губительной страсти.
Я заклинаю богами Олимпа его милосердно вернуться за мною.

КОНКУРС ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ

Интернет-портал ВСЯ.РФ, совместно с ЧГОО «Череповецкое литературное объединение» провели конкурс японской поэзии.
По мнению читателей портала ВСЯ.РФ, лучшими стали:

РОМАН КОРБАН (682 голоса)

Осень ОГРОМНА
Красоту осени не описать словами!
Я обожаю Осень.

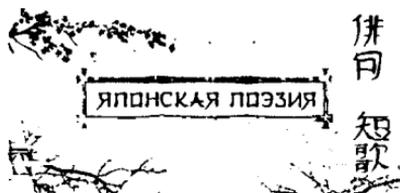
АЛЕКСЕЙ ЛЫСЫЙ (527 – второй по числу голосов) и второй, по мнению жюри конкурса:

Осенний стих

Опали листья,
Обнажив стволы берёз:
Грущу с природой...

КИРИЛЛ ВИНОГРАДОВ (175 голосов)

Осень – прекрасная пора!
Падают листья –
Это последствия бесконечности шара!

По мнению жюри конкурса:

АЛЕКСАНДР ВОЛОДИН
(1-е место):

Танец

Танец осенний,
Опаленная листва
Спутница ветра.

АНАСТАСИЯ ТАРАСОВА
(2-е место)

Где среди всех цветов найдётся
Зелёный цвет,
Купаясь в красных переливах
С колдуньей-осенью вдогонку...

ВЕРОНИКА ТИУНОВА
(3-е место):

Осень.
Я грустно иду,
и листья, как радуга, кружатся вокруг.

МАРИНА СНЕГОВА
(3-е место):

Хочется чая.
Деревья опустели...
В городе осень.

СОБЫТИЯ

Ты вместе с нами!

29 сентября в ЦДТ приходили интересные люди: Вадим Элефантов и Тимур Таренович. Вадим Элефантов – поэт и музыкант. Он играл на гитаре и пел на стихи Игоря Владимировича Эпанаева. Своим мастерством он поразил всех присутствующих. Проявил большой интерес к своей публике, просил задавать интересные вопросы. Тимур Таренович рассказывал прозаические произведения Даниила Хармса. Слушатели вступили с ним в интерактив. Была разыграна сценка.

ПОЛИНА БАБОШИНА

Вадим Элефантов исполнял песни про слона и варенье на стихи поэта Игоря Эпанаева. Он отвечал на наши вопросы, и я спросил у Вадима про варенье. Оказалось, что Вадим, как и героиня песни Тая очень любит варенье. А вот мы со слоном не очень. Я ем варенье только с блинами, а слонам варенье обычно не дают.

АРСЕНИЙ БАЛДЫЧЕВ, 2-й класс

Фестиваль науки в Череповце

Впервые в Череповце **6-7 октября** прошел фестиваль науки «НАУКА 0+». Фестиваль проходил во Дворце металлургов и был организован Череповецким государственным университетом. Здесь было представлено множество стендов. На стендах работали студенты и преподаватели ЧГУ. Каждая кафедра показала что-то своё.

Можно было посмотреть, потрогать руками, пройти тесты. Я тоже поучаствовала. Отгадывала фильмы и песни по смайликам эмоджи. С кафедрой физкультуры прошла тесты на гибкость, на силу и на выносливость. С Институтом информационных технологий прошла тест на знание компьютера, испытала приключения на стенде виртуальной реальности. Также побывала на стендах Бизнес-школы. Очень интересно было поработать с микроскопом и поиграть с палочником. Самку палочника совсем не отличить от ветки дерева.

Стенды вызвали большой интерес у старших и младших школьников. Ребята приходили группами и целыми классами. Было действительно интересно.

ЕКАТЕРИНА КОРНЕЕВА,
объединение «Юный журналист» Центр детского творчества

Слоны из глины

15 октября мы посетили выставку слонов в объединении «Керамика» в «Городе мастеров» Центра детского творчества. Запомнилось, как изготавливают слонов из глины, а потом их раскрашивают. Слонов ребята делали на конкурс «Символ фестиваля» к всероссийскому рок-фестивалю «Прыжок выше головы», который проходит в Череповце. Мы тоже рисовали слонов и писали о них стихотворения.

СОФИЯ БУРКО, 6 лет

Золушка

17 октября череповецкие школьники посетили «Камерный театр». Они побывали на спектакле «Золушка». Понравилась игра всех актёров. Зал был полный, и аплодисменты зрителей звучали часто.

МАТВЕЙ МАШЬЯНОВ, 1-й класс

Эпанаев Игорь

в числе лучших детских писателей по версии фестиваля опубликован в книге «Выпускной»: сборник произведений молодых писателей – участников фестиваля «Как хорошо...» к 10-летию фестиваля: стихи, рассказы, сказки, повести для детей / составители М.Д. Яснов, С.А. Махотин, А.Ю. Насонова; иллюстрации и оформление А.А. Веселов. – Санкт-Петербург: Дом детской книги, 2018. – 384 с.: цветные иллюстрации.

Наша семейная выставка

10 ноября в библиотеке профкома «Северстали» открылась выставка «Вселенная Аси Балдычевой». На выставке представлены старинные картины и предметы семьи. Мне запомнилась старинная сковорода. Если близко, можно разглядеть надпись. А ещё камень в виде головы. Порадовало расположение самой выставки и её освещение. Моей сестре понравились картина вышитая гобеленом, и громадный сундук. А ещё там было зеркало, на котором проверяли алмаз. Мне очень было интересно изучать старинные вещи.

АРСЕНИЙ БАЛДЫЧЕВ, 2-й класс

Новая книга Андрея Кабанова

Называется «К-385». «Как я служил Советскому Союзу» с интересом рассказал постоянный автор нашего журнала. В книге 641 страница!

Встреча с юными поэтами и журналистами

Недавно меня пригласил Игорь Владимирович Эпанаев в Центр детского творчества. Такие встречи с череповецкими поэтами, прозаиками, творческими людьми с давних пор стали в Центре традициями. Игорь Владимирович – педагог высшей категории. В центре детского творчества он ведёт кружки «Юный журналист», «Школа поэзии». Я предупредила Игоря, что детских стихов я не пишу, и поэтому могу почитать стихи о природе.

Прежде, чем приступить к прочтению стихов, я решила задать детям несколько вопросов: «В каком классе они учатся? Кого из классиков предпочитают читать? Какие у них любимые стихи и поэты? Знают ли они наших вологодских поэтов-классиков? Почему они выбрали кружок «Юный журналист» и «Школу поэзии?» Ребята активно вступили в диалог. Отрадно было то, что один из любимых классиков – А.С. Пушкин.

Знают ребята и то, что наш классик, вологжанин по происхождению, К.Н. Батюшков жил в Хантанове. Я попросила ребят почитать стихи, отмечая при этом, что у них очень хороший вкус и выразительное чтение. Самыми активными оказались Вероника Тиунова и Иван Попов. Вероника прочитала так же и свои собственные стихи. Я отметила, что девочка весьма одарённая. После вступительной беседы у меня не осталось сомнений, что мои стихи детьми будут поняты, и я смогу снова задать им вопросы.

Первое стихотворение я прочитала о своей малой Родине: «Мякса на горе». На мой вопрос, о чём говорится в стихотворении, Вероника сходу порадовала своим ответом, и я сделала вывод, что дети научены одному из самых главных качеств – это умение слушать: «Вы написали о любви к своей Мяксе». А ещё она отметила, что очень красивые использованы слова, метафора. И что каждая строчка плавно переходит от одной строчки к другой. Надо отдать должное их педагогу – Игорю Владимировичу, благодаря его занятиям, ребята умело используют в своей речи поэтические термины. Далее я читала стихи, и мы опять говорили о том, что важнее всего в стихотворении любого автора. А именно: о создании в своих произведениях новых образов, ярких эпитетов, своей поэтической изюминке, которая придаёт произведению необычность, привлекательность, отличительность от других авторов.

Встреча с учениками младших классов прошла тепло и душевно. На

прощание я пожелала ребятам успехов в учёбе и их серьёзному подходу в выборе занятий – приобщение к слову, к миру поэзии, к миру прекрасного.

ЕЛЕНА МАКСИМОВА,
председатель ЧГОО «Череповецкое литературное объединение»

Имени Вячеслава Хлебова

23 января в библиотеке №3 на Краснодонцев, 17 прошёл вечер памяти, посвящённый 80-летию со дня рождения известного череповецкого баснописца, защитника русской культуры, основателя современного Литературного объединения в Череповце – Вячеслава Хлебова. Этот день войдёт в историю литературного Череповца тем, что именно в этот день библиотеке присвоено имя В.М. Хлебова. Поздравить с праздником приехали представители писательской организации из г. Вологды, во главе с Михаилом Карачевым, а так же представители отдела Культуры Череповца, Рубцовского центра, родственники Вячеслава Хлебова. От литературного Череповца выступили именитые поэты – А. Пошехонов, С. Созин, А. Кругликов, Н. Бушенев, которые знали и сотрудничали при жизни с В. Хлебовым. Поэты читали басни, делились воспоминаниями, дарили библиотеке свои книги и подарки.

ЕЛЕНА МАКСИМОВА,
председатель ЧГОО «Череповецкое литературное объединение»

Данилов Валентин Иванович

17 февраля исполнилось бы 77 лет Данилову Валентину Ивановичу. Учредитель «Юридического техникума» и школы «ВИД». Писатель-сатирик, учредитель и редактор иронического журнала «Нахалёнок».

Наши соцопросы

Какой ваш любимый поэт-писатель 20-го века?

На первом месте – Есенин Сергей Александрович (28.77%), 2 – Булгаков Михайлович Афанасьевич (19.18%), 3 – Шолохов Михаил Александрович (13.7%), 4 – Маяковский Владимир Владимирович (12.33%), 5 – Цветаева Марина Ивановна (9.59%), 6 – Ахматова Анна Андреевна (8.22%), 7 – Блок Александр Алексеевич (6.85%), 8 – Бунин Иван Алексеевич (4.11%). За других проголосовало – 20.55%.

Подготовила ОЛЬГА СЕРГЕЕВА

РОК-Н-РОЛЛ

РОК-ГРУППА «КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР» – УЧАСТНИК
ВСЕРОССИЙСКОГО РОК-ФЕСТИВАЛЯ «ПРЫЖОК ВЫШЕ ГОЛОВЫ»

Что ж... Как и многие коллективы, группа «Кукольный театр» – это не сразу же полноценный состав, а сборник различных музыкантов из различных рок-объединений. Вообще, строгим правилом вокалиста было «брать музыкантов только с улицы». Ибо уже состоявшимся музыкантам, а уж тем более с музобразованием, ничего в жизни не нужно и они ждут от музыки славы и денег. У нас наоборот. Мы получаем эмоции, ну, а если эти эмоции принесут нам деньги, то мы будем вдвойне счастливы.

Изначально группа называлась «Север-Юг», и пелись в ней пост-романтические песни о разлуке и любви. Не хватало драйва и движения в тех композициях. Солист «КТ» играл на бас-гитаре и ещё в театре. У солиста была навязчивая мысль поставить мюзикл. Совместить действия, песни и музыку в одно целое.

И вот, в 2013 году этот мир покидает солист группы «Король и Шут». Это был большой траур. Солист «КТ» не особо слушал эту группу, но всё же на фоне этого траура была написана песня – посвящение М.Ю.

Текст песни «Сквозь поэта»
(посвящается В.В. Маяковскому)

Несколько сотен дорог
Я попытался пройти.
Был ко мне милостив Бог,
Но я так и не сумел его найти.
И в поисках новой строки
Я падал на дно и не раз.
Всё выше росли потолки
В исподней безумных террас.

Мученик собственных снов,
С бессонницей ставший на ты,
Я бросил свой мир из оков,
Ослабший от слов пустоты.

Отпусти я устал,
Мне очень больно.
Истощен мой кристалл,
Moritur poeta!

Как говорят –
«Инцидент исперчен»,
Любовная лодка
Разбилась о быт.
Я с жизнью в расчёте,
И не к чему перечень
Взаимных болей,
Бед
И обид.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.
В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста,
Не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Больше не нужно искать,
Смутой эпоху протрёт.
Но жизни скупую тетрадь
Я смог заключить в переплёт.

Свинцовая река так легко открыла мне доступ к новым мирам...
Я счастлив там...

30 марта в Центре детского творчества состоялась пресс-конференция Ивана Несмирного. Иван с удовольствием отвечал на мои вопросы. Он рассказал о своём творчестве, когда к нему пришёл его первый успех, кто является для него кумиром, рассказал, о том, что никогда не попробует в жизни, и даже чуть-чуть пофилософствовал на тему славы.

Выпуск **#ВидеоМИГ** «Интервью с Иваном Несмирным» будет чуть позже. В конце Иван подарил мне свой диск с автографом. Придя домой, я послушала его песни, хоть я не особый любитель рока, но песни Ивана Несмирного мне очень понравились.

Спасибо Игорю Владимировичу Эпанаеву, за то, что он пригласил своего товарища из Лос-Анджелеса, участника «Прыжка выше головы»!

АНАСТАСИЯ ВАСИЧЕВА, «Школа юного корреспондента» ЦДТ

28 марта состоялась пресс-конференция Алессандро Сафина. Несмотря на хмурую погоду за окном, в конференц-зале была тёплая и дружеская атмосфера. Его обаятельная улыбка и смех растопили всю напряженность, с которой мы ожидали встречи. Всё-таки серьёзное и важное событие.

Алессандро с удовольствием отвечал на все вопросы и даже попросил продлить пресс-конференцию. Он рассказал о своём отношении к

к рэпу, о службе в полиции, о рисовании, о предпочтении в русской кухне и, конечно же, про концертную программу. В следующем году обещал приехать в Череповец на масленицу и посмотреть, как это – сжигать чучело на площади.

29 марта состоялся концерт Алессандро Сафина в Ледовом Дворце. Оперу я не люблю, большей частью из-за того, что я просто не понимаю, о чём поют артисты. Но есть имена и голоса, которые стыдно не знать, а услышав, невозможно остаться равнодушной.

Знаменитый итальянец покорила меня еще до того, как я услышала его вживую. Слушала в сети, читала биографию и отзывы. Каждая его песня – это отдельная история, и пусть ты даже не знаешь язык, но ты чувствуешь глубокий смысл, что заложен в эти песни. Одна композиция про его родной город чего стоит. Столько в ней нежности и почитания... Ещё мне очень понравился голос Алессандро Сафина, такой красивый, необычный и разный. Несколько раз Алессандро оставлял нас наедине с оркестром, чтобы дать возможность насладиться инструментальной музыкой. Очень экспрессивным получилось «Libertango»!

А знаменитую «Luna» Алессандро пел дважды: сначала в конце 1-го акта, сказав, что это очень важная для него песня, так как после неё его карьера сильно изменилась, а потом в конце «на бис». На «Luna» все подняли мобильники и принялись ими размахивать в такт, в зале сразу стало светло, почти, как днём. Весь вечер я не переставала удивляться поразительному голосу и объёму лёгких Алессандро! Было такое ощущение, что ему легко петь совершенно любые песни. Так же я хочу подметить, что сопровождал его Череповецкий симфонический оркестр, и они справились с этим блестяще, как будто не один год уже играют эту программу. Молодцы! Все молодцы! Огромная благодарность Компании «БиС» за великий концерт и за встречу со Звездой мирового уровня!

АНАСТАСИЯ ВАСИЧЕВА, «Школа юного корреспондента» ЦДТ

ВАЛЕРИЯ ЛАВРИНОВИЧ
(17 лет, г. Пинск, Беларусь,
участница «Прыжка выше головы»)

А вот и город всхлипнул: ох!
С трудом даётся каждый выдох,
Ещё сложнее каждый вдох.
Идёшь и думаешь: как я ещё не сдох
От этих испарений, тучных газов,
Ты ищешь все проблемы вдалеке,
Они же у тебя под глазом.

21 марта 2018 года в Центральной библиотеке имени В.В. Верещагина состоялась презентация журнала «Берега» – №6(24) 2017 г. и №1(25) 2018 г. В этих номерах были представлены произведения авторов из Череповца: публицистика Сергея Созина (вступительная обзорная статья «Череповец литературный. Год 2017-й» и общественно-политическая статья «Прививка Сталинградом»); стихи Александра Кругликова, Вениамина Гумарова, Николая Кузнецова; краеведческие работы Леонида Вересова; проза Игоря Ваганова и Альбины Королевой. (Изначально авторов было больше, но в результате строжайшего отбора их число сократилось до семи.)

Берега

Каленитрал

Открыл презентацию Сергей Созин, который рассказал собравшимся о журнале «Берега», о том, как происходила организация публикации череповецких авторов в этом журнале. Было представлено поздравление череповецким авторам от редактора журнала Л.В. Довыденко.

Затем выступали авторы журнала, пел песни на их стихи Николай Цветков. Школьница Арина Клишина читала рассказ Альбины Королевой. Стихи Николая Кузнецова читал Николай Писарев. Также была показана запись выступления Олега Хакмана с песней на стихи Сергея Созина «Череповец всегда красив и молод!»

Выступили гости: Нина Рябова (прозаик, публицист) и Лидия Беляева, которая поздравила авторов журнала от имени Рубцовского центра.

Отдельно стоит выделить Леонида Вересова, который не только рассказал о своих исследованиях по теме Рубцова, но также выступил как руководитель Череповецкого отделения Вологодского Союза писателей-краеведов. Он наградил А.А. Королеву Дипломом Вологодского Союза писателей-краеведов «за подвижническую работу череповецкого отделения Вологодского Союза писателей-краеведов, за большие достижения по созданию литературно-художественных произведений для детей», а С.А. Созина – первой в России Рубцовской медалью.

Фотосъёмку презентации проводил Алексей Устимов, а видеосъёмку – Анна Рюмина.

Впечатления от презентации остались самые положительные.

(Благодарим С.А. Созина за предоставленные материалы)

Череповецкие берега

21 марта в 18.00

Он является автором статей и рецензий в журнале "Череповецкие Берега" и был на празднике, что у нас был посвящен в честь годовщины убийства и в честь в честь великого, что когда это происходило, чем он писал стихи, он написал "Череповецкие" и написал на празднике и исполнил свои "стихи". В тот же вечер "настроения" и была выключена и отключена связь между нами, Славабо.

Владимир Викентьев Рубинин - писатель, журналист, артист, теле- журналист (Смена) из Череповца России.

Меня Александр порекомендовал публиковать произведения.

Александр Владимирович Дмитриевский - поэт из Череповца, Рязань, Иванов, Владимирские области и в 2017 году. Публиковал стихи в 2014. Сайт: www.astrumart.com, www.pisatel.ru

Татьяна Константиновна Костомарова - журналист.

Он имеет различные литературные премии, является автором статей и рецензий, он является членом редакционного совета и организатором мероприятий. Прочитав самые интересные произведения, я была удивлена и восхищена. Самые новые победы и успехи.

Благодарю всех за участие в успешном мероприятии.

Людмила Владимировна Давыдова - писатель, журналист, артист, теле- журналист, и журналист-публицистический журнал "Смена" из Череповца России, Иван, Иванов, Владимирские области. Публиковала стихи в журнале "Смена России", является организатором мероприятий. Публиковала стихи в журнале "Смена России", является организатором мероприятий. Публиковала стихи в журнале "Смена России", является организатором мероприятий.

Центральная библиотека имени В.В.Вережанина приглашает любителей российской словесности на презентацию 24-го и 25-го номеров литературно-художественного и общественно-политического журнала «Берега», страницы которого были любезно предоставлены череповецким авторам Леониду Вересову, Николаю Кузнецову, Альбине Коралёвой, Игорю Ваганову, Вениамиру Гумарову, Александру Круликову, Сергею Созину.

Опубликованные в журнале авторы познакомят гостей вечера со своим творчеством. Сергей Сальков, Николай Цветкова и Олег Хакман исполнят песни на стихи череповецких поэтов.

Александр Круликов

Вениамин Гумаров

Леонид Вересов

Альбина Коралёва

Сергей Созин

Николай Кузнецов

Игорь Ваганов

Литературно-художественный журнал «Берега» напоминает читателю, что есть авторы не для развлечения, а для размышления а том, что жизнь полна настоящих ценностей, богата бесспорными истинами, требует высочайшего стремления.

Есть полнота мироощущения, есть писатели для глубокого общения с читателями, кому важно отличать порядочность и благородство от фальши, настоящее произведение - от пустышки.

21 марта 2018 года 19-й раз отмечается Всемирный день поэзии.
(Утвержден резолюцией 30-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО от 15.11.1999 года)

Аудитория внимает... Безразличных нет!..

Уважаемая блистательная команда Череповецких берегов!

От имени редакции литературного журнала «Берега», от всех авторов и читателей, от себя лично поздравляю Вас с прекрасным праздником!

Примите самые искренние пожелания ярких успехов в мастерстве Слова, новых побед и свершений!...

И главное, чего хочется сегодня пожелать Вам – это читательского признания...

Благодарю сердечно за успешное сотрудничество...

**Главный редактор литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Берега»
ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО**

ОТЗЫВЫ О ЖУРНАЛЕ «БЕРЕГА»

«Берега» – *Эверест духа* (Лауреат премии «Кольцовский край», дипломант журнала «Берега», член СПР Сергей Пылев);

«*Территория нравственности*» (Председатель Правления Союза писателей России, Лауреат литературных премий им. Николая Островского, Михаила Булгакова, «Сталинград» Николай Иванов);

«*Седьмое небо русской литературы*» (Лауреат международной литературной премии «Щит и меч Отечества», литературной премии «Русский дом», член СПР Владимир Подлузский).

ХОБОТ

34

Продолжаем публиковать произведения молодых авторов из «Школы поэзии» МБОУ ДО «Центр детского творчества и методического обеспечения». Некоторые из них были опубликованы в московском православном журнале «Лампада», журнале «Русский мир», альманахе «Не одни», во всероссийском журнале «Костёр», победили на Всероссийских конкурсах.

Приглашаю на бесплатные занятия. 51-35-50, +79517387850

Педагог высшей категории И.В. ЭПАНАЕВ

Японские стихи про осень

ВИТАЛИЙ АКИМОВ

Осень – это то время года, когда
Грустить становится легче.
А мысли лишь о вечном!

ЯРОСЛАВА МАСЛЕННИКОВА

Осенние бабочки летают, кружатся.
Кружатся и поют
Песни, слышные только им.

ГЛЕБ ПАСТУХОВ

Осень. Природа.
Деревья меняют одежды.
Всё изменяется.

ФЁДОР ЭПАНАЕВ

Осень – моя дорогая,
И цветная
Осень.

МАРИЯ ЭПАНАЕВА

Осень –
Мой День рождения.
Жду я гостей!

ТАИСИЯ ЭПАНАЕВА

Скоро закончится осень.
Деревья уже без листьев.
Летит долгожданный снег!

ДМИТРИЙ ДОНЦОВ

Осень так красива!
Красные, жёлтые, оранжевые листья
Вокруг!

АЛИНА МОГИЛЬНИЦКАЯ

Листья падают на землю,
Время летит очень быстро.
Скоро наступит зима.

ПАВЕЛ ПЕЧЕНОВ

Осень идёт золотая,
Листья собой заметая!
Осень идёт и идёт,
Песенку ветра поёт!

КСЕНИЯ СОПРОНЮК

Осенью происходит чудо:
Как птицы, летят листья
В цветной ковёр.

АНАСТАСИЯ ВАСИЧЕВА

Осень прекрасна!
Быть может, прекраснее всех! Даже зимы.
Осень ничего не обещает,
Не даёт никаких надежд.
Она вся в себе... Осень прекрасна!
А за ней – мокрый снег, холод, ночь... •

ИВАН ДУДАРЕВ

Профессии моих родителей

Папа и мама учились, учились...
Знания эти им «пригодились».
Ну, а работа другая досталась,
Заняты были иные места.

Папа – в колёсах машин просто мастер!
Ловко вам нужные все подберёт.
Лучший механик вам всё установит.
Смело езжайте – и вам повезёт!

Мама детей окружает заботой.
Нравится маме такая работа.
Если придёте в её детский сад,
Все ребятишки вам подтвердят!

ПОЛИНА КИСЕЛЁВА

Сон и слон

Говорит слонёнку мама –
Баю-бай!
Поскорее глазки, милый,
За-кры-вай!
Но слонёнок спать не хочет –
Ни-ко-гда!
И залиvisto хохочет –
Да-да-да!
Поиграл, повеселился!
Чок-чок-чок!
В колыбельку завалился
На бо-чок.
Но пришёл вдруг Сон –
Спи-спи-спи!
И уснул наш Слон –
Не шу-ми!

КАМИЛА ГАЙНЕТДИНОВА

Сумасшествие – это предлог.
Ты жить без него бы не смог!
Играют тобой, обычные
С виду, люди приличные.

Но что у них за душой?
Далеко не мир и покой!
Не ведись на главную роль.
Ты – обычная серая моль!

И других, таких же, как ты,
Не отличишь от толпы,
А всё потому, что стресс
Движет людской прогресс.

Сумасшедших сейчас не счесть.
И на это причины есть.
Недосып, дожди, интернет.
Солнца с общением нет!

Свалки и тут, и там...
Где находится жизненный хлам,
Который себя изживает,
На продажу не поступает.

Когда-нибудь, может, и мы
Износим себя до дыры!
И миру придёт конец,
Как властелину колец.

ЕЛИЗАВЕТА ИЮДИНА

Зимой очень весело,
Меня забавляет
Игра в снежки и катание с горы!

ПОЛИНА БАБОШИНА

Мы все, как слон

В далёкой Африке жил слон.
Как он красив был и умён!

Но только в тайне ото всех
Он трусом был.
Бежал вприпрыжку,
Лишь стоило увидеть мышку.

Так страшно было пасть в глазах
Общественной той знати –
И львов, и тигров,
И слонов всех, кстати!

И быть в глазах тех осуждённым,
Быть мелочным в поступках и словах.
Ведь был он всё-таки слоном рождённым!
Что будут думать о слонах?

А он скрывал и убегал
От тех проблем, «несущих горе».
Он был один, существовал,
Будто песчинка в море!

Мы все – как слон. Бояться можем и стесняться,
Но ничего постыдного тут нет,
Но важно всё это решать.
Везде есть выход и на всё ответ!

АННА ТРИБШТОК

В связи с осенней хандрой

Жил был слон,
И умер он.
Три года хоронили,
Наследство получили.
Мораль сих строчек такова –
Любите слоников всегда.

МАКСИМ ГАЙДУЧИК

Слоник в Африке живёт.
И что же он жуёт?
Бананы, ветки, абрикосы.
Что, есть ещё вопросы?
И выступает в цирке он –
Ну, потому, что слон!

ЯНА ШАНИНА

Давным-давно влюбилась в ночь,
Когда темно и звёзды светят,
Когда сомненья улетают прочь,
Когда по улицам гуляет ветер...

Когда купаешься ты в тусклом свете,
А сердце от восторга замирает...
И вдохновение не прячется в поэте,
И счастье на душе мелодию играет...

ДАРЬЯ КОЛОСОВА

Чёрное море

Чёрное море прекрасно!
Камни, ракушки и волны.
Приедешь когда в Севастополь,
Увидишь чудесное диво,
Сразу пойдёшь ты купаться,
Купаться, плескаться, нырять.
Там хорошо и прекрасно.
По берегу будешь гулять!

МАТВЕЙ МАШЬЯНОВ

Это корабль «Джек»,
На нём плывёт много человек!
И среди них есть даже я,
Моя кошка, попугай и свинья!

АНАСТАСИЯ БЕЛУХИНА

Красное море

Красное море красиво и дивно,
Находиться море в Египте чудном,
Ещё есть Чёрное с Белым,
Но я лишь на Красном была.

ВАСИЛИЙ КАЛИНЕНКО

Сольфеджио – урок,
Не пошёл нам впрок,
Но зато наш класс
Весь пустился в пляс!

АЛЕКСАНДРА МОРОШКИНА

Зима, красивая, как снег,
Снег, снег, снег...
Зима красивая для всех,
Всех, всех, всех...

ЕКАТЕРИНА САВЕЛИЧЕВА

Зима

В наш двор
Кто-то пришёл,
Это был не вор.
Рассыпал он
Рисовую крупу,
Была она почему-то холодна.
Потом я поняла – это не крупа,
А снег!
Который шёл из века в век!

АРСЕНИЙ ПЕТУХОВ

Зима – прекрасная пора,
Зима пришла. Зиме – ура!
Прекрасный праздник Новый год!
Зима нам радость принесёт.

АНДРЕЙ КОТОВ

Загадка

Всё стеклянное оно,
Отражение видно.
Разобьёшь его,
Зубы будут ого-го!
(ответ: зеркало).

АРСЕНИЙ БАЛДЫЧЕВ

Свет, свет!
Я ослеп!
Упал в метро,
Попал в ведро!

АРТЕМИЙ КАЛИНЕНКО

Сказка про слона

Шёл слон по травке.
А потом пришла змея.
Змея хотела укусить слона.
Но слон не дался и убежал в лес.
А потом он встретил волка и исчез.
Пришёл ещё заяц.
А потом они подружились
И пошли к фонтану. Конец.

ДАНИЛ МАЛИКОВ

В лесу, на опушке...

В лесу, на опушке,
Где серебрятся ели,
Пел песни Дед Мороз
Красавице Метели!
К ночам ковром
Снега стелил,
Их жемчугом украсил.
Деревья инеем синил,
Узором льды раскрасил.
На плечи юной леди
Он снегирей сажал.
В руках он дивный посох
Держал – не выпускал.
Запретный плод так сладок,
Все знают, не впервой,
Вот докоснулась дева
До посоха рукой.
Вдруг вздрогнули берёзки,
И зашумели ели,
И просят в тёплые шубки
Их нарядить скорее.
А солнце жёлтым кругом,
Хоть светит, но не греет,
Лишь золотит верхушки
У великанов елей.
Вот заискрился иней,
Как камень дорогой,
И заиграли звёзды
С проказницей луной.
И снежным одеялом
Покрылась вся земля,
Как всё преобразилось,
Сегодня видел я.
Ну что же, с первым снегом!
И с зимушкой, страна!
Ведь места краше нету,
Чем Родина моя!

ИВАН ПОПОВ

Семья

Моя семья, мой дом, родник,
Мой старый-старый дождевик,
Красивый лик,
Кораблик
Незатопленный, домок.
Стежок, коробка, кот, собака,
И ангельский рожок,
Семья, лемур, и скобка,
И маленькая лодка.

МАТВЕЙ ТИХОВ

Листик жёлтый,
Листик красный,
Упадёт на руку мне.
Дождик серый,
Дождик грязный
Уже капает везде.
Птички к югу полетят,
Осень в гости пригласят.

ИАНА ВИЛЬЯСТЕ

Как хорошо уметь летать,
Не надо папу поднимать!
Не надо бабушку трясти:
Ну, полети, лети, лети!

... Не надо мне уже летать,
Наверно, лучше мне поспать!

МАРГАРИТА ИЮДИНА

Я люблю с горы кататься,
И люблю в снежки играть!

ВИКТОРИЯ ТЮПЫШЕВА

Всегда друзья помогут,
Не бросят никогда.
А если надо помощи,
Тогда придут друзья.

ЕКАТЕРИНА БАЛДЫЧЕВА

Ну, бывает...

Ночью дома неспроста
Темнота черней кота,
И ботинок одинок,
Хоть остался в нём носок.
Из-за поворота вышел кто-то.
Глазки светятся, и вот,
Высунул нам морду кот.
Закатил за угол шар,
Спать всю ночь он нам мешал.
Да ещё шиншиллы,
Шумом всполошили.
Вот такая маята,
Лучше б выгнали кота!

ИЛЬЯ УСИКОВ

Гуси летят на юг,
В облачном небе плывут.
Сделав ещё один круг,
Сели они на луг.

Скоро им снова в путь,
А я остаюсь тут.
Сядут они отдохнуть,
Там, где луга цветут...

АЛЁНА КОСЬЯНЕНКО

Откровения

Мое убогое одиночество
Утопает в мнимой бессрочности.
Оно не требует от вас лиричности,
Оно не терпит стандартной категоричности.
Мои странные истины
Не ищут оптимизации.
Словно любовь, где-то там, по рации...
Без внимания на колонизацию.
Люди кричат, но продольно и тихо,
Через крыши и обратно – лихо.
Кто не ищет звука сдвига?
Между перипетиями безликими...
Люди статьи по сто раз редактируют,
Признают странными – изолируют.
Пускай мысленно, но случаев таких – бесчисленно.
Бежать от этого, увы, бессмысленно.
На глазах у других – ещё хуже...
Они – не публика, они – всего лишь фон.
Тихо, скромно, но в микрофон,
Я скажу, покраснев, что никто мне не нужен.
Я чувствую, закипает...
Никто обо мне не узнает,
Если открою, если сам разгадает.
Не страшно, такие вскоре глаза закрывают.
Навечно с большинством сливаться.
Себя смывать, но лишь на время отрываться.
От тех, кто против, и от лиц ущербных,
Таких разных, но прорезных.
Тебе верить не стоит,
Тебе сейчас весело, но потом накроет
Депрессия – твоя лучшая подруга.
Ветер попутный тебе на время заменит друга...
Ты любила привлекать внимание,
Но не получала ни поддержки, ни сострадания.
Лишь утопала в собственном имени,
Не критично, но всё же жизнь – лимитирована.
Я исчерпала свои зрелища,
Я сама даю себе прозвища.
Я кидаю все короны в пропасть.
Я в этом мире – пятая лопасть.

Я сама во всем виновата.
Я это знаю, я этому рада.
Я сама веду битву за жизнь, без помощи.
Я одна балансирую на тоненькой кромочке.
Я умру, да, пускай, очень быстро.
Догорю я с оттенком тепла
Я буду темнее, на сердце же – чисто.
Я сама поплатилась за все дела.

СОФЬЯ ВЕРЕСОВА

Новогоднее волшебство

Скоро праздник Новый год!
Брат мой ёлку принесёт.
Шарики, игрушки,
Разные хлопушки.
Всё блестит, сверкает –
Ёлку наряжаем.
Наготовим и споём
Вместе с братиком вдвоём.
Лешим станет вдруг мой брат,
Ведь он кушал всё подряд.
Снова включим телевизор,
Дядю Путина увидим.
И уснём в двенадцать ночи.
А во сне поедem в Сочи.
В Сочи победит мой брат,
Он – герой олимпиад!
Победит он всех Никит –
Станет очень знаменит.
Путин вдруг его заметит.
За способности за эти,
Позовёт к себе домой.
Будет счастлив братик мой!
Но потом проснётся он,
Никакой не чемпион.
И пойдёт на тренировку,
Чтоб усилить подготовку.

СОДЕРЖАНИЕ:

Литературная тропа

Артём Бабичев	4
Денис Ветров	7
Николай Войтенко	9
Татьяна Горшкова	11
Андрей Кабанов	14
Елена Копосова	33
Людмила Копылова	36
Галина Крещук	38
Николай Кузнецов	40
Николай Кузнецов	42
Лина Лонгман	44
Лидия Любомирская	48
Елена Максимова	56
Вениамин Мальцев	58
Светлана Маслякова	60
Александр Махولين	62
Александр Меркулов	64
Людмила Панова	116
Нина Рябова	118
Римма Стаханова	126
<i>Свет окраины</i>	151

Северная окраина №40.
Литературно-художественное
издание. –
Череповец: «Окраина», 2019 – 192 стр.

Сдано в набор 10.01.2019
Подписано в печать 07.04.2019
Формат 60x80/16,
бумага офсетная, печать цифровая,
Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 11,16.

тираж: 500 экз.

ИП Кузнецов Н.В., св-во
307352831600025
г. Череповец,
Пушкинская, 7

© Е.В. Данилова:
художественное оформление, 2019
© В.В. Мальцев: обложка, 2019
© А.С. Сумарокова: виньетка, 2019
© Н.В. Кузнецов: макет, 2019

Череповец, 2019

Учредитель:

ЧГОО «Череповецкое литературное объединение».

Кузнецов Н.В. – главный редактор.

Редакционная коллегия:

Эпанаев И.В. – заместитель главного редактора,
специалист по связям с общественностью;
Констанская Г.В. – заместитель главного редактора;
Кузнецов Н.А. – редактор исторического отдела.

Цена – свободная. Часть тиража распространяется бесплатно.

Адрес редакции:

Вологодская область, г. Череповец, Пушкинская, 7.
Адрес издателя и типографии совпадают с адресом редакции.

Адреса электронной почты:

okraina05@mail.ru (Эпанаев И.В.); nordedge@mail.ru (Кузнецов Н.В.)

*В создании обложки
использованы работы С.Л. Масляковой и Б.Б. Ремарчука.*

Литературный
Издательский
Центр
«Окраина»
г. ЧЕРЕПОВЦА

ИП Кузнецов Н.В.,
свидетельство №307352831600025

Художественное оформление:
Данилова Е.В.
(<https://vk.com/club56473803>)

*Журнал «Северная окраина» можно приобрести
в следующих торговых точках:*

«Ремесленная лавка» пр. Советский, д. 27
«Книжная лавка» пр. Советский, д. 30б
«Художественный салон» пр. Советский, д. 35а
Книжные магазины «Питер Пэн»:
ТЦ «Новый Век» пр. Победы, д. 135
М-н «Питер Пэн» ул. Наседкина, д. 7,
ТЦ «Карелия» пр. Победы, д. 102,
ТЦ «Юбилейный» ул. Сталеваров, д. 3,
ТЦ «Вырастай-ка» ул. М. Горького, д. 32,
М-н «Библиофил» ул. Беляева, д. 30,
ТЦ «Галактика» ул. Беляева, д. 59,
М-н «Книги» ул. Metallургов, д. 30,
М-н «Питер Пэн» пр. Строителей, д. 33,
М-н «Питер Пэн» пр. Шекснинский, д. 16,

Кадуи, ул. Энтузиастов, 8 (остановка «Рынок»)
Чагода, ул. Кооперативная, 27
Устюжна, ул. Ленина, д. 8,
Шексна, ТЦ «Мегалит», ул. Труда, д. 10,
Шексна, ТЦ «Южок», Исполкомовская, д. 10,
Бабеево, ТЦ Николаевский, ул. Красного Октября, д. 12